

The background of the cover is a detailed illustration. In the upper left, a dragon's head is visible, breathing blue fire. In the center, a large, ornate circular medallion with intricate patterns is set against a dark, smoky background. In the foreground, a man with long dark hair, wearing blue and gold plate armor and a black cloak, looks upwards with a determined expression. He holds a sword with a silver hilt and a blue blade. The overall color palette is dominated by blues, oranges, and dark tones, creating a dramatic and epic atmosphere.

ЯРОСЛАВ
КОВАЛЬ

Фентези-коллекция

Чужак

Боец демона-императора
Тропа смерти
Сквозь бездну

Чужак

Ярослав Коваль

**Чужак: Боец демона-
императора. Тропа смерти.
Сквозь бездну (сборник)**

«АСТ»

2011

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Коваль Я.

Чужак: Боец демона-императора. Тропа смерти. Сквозь бездну
(сборник) / Я. Коваль — «АСТ», 2011 — (Чужак)

ISBN 978-5-17-097500-6

Человек иной раз даже предположить не может, чем обернется его подсознательное желание изменить свою жизнь. В чужом мире, ставшем для Сергея новой родиной, нелегко освоиться, а ещё труднее смириться с тем, что отныне не ему решать свою судьбу. Пришелец извне вынужден выбирать – или оставаться неприкаянным, каждую минуту опасаться за свою жизнь и свободу, или принять чужие правила игры, сделать попытку хотя бы представиться своим, если уж большее не дано. Сергей, начавший свой путь в Империи с гладиаторской арены, не может отказаться от чести стать офицером особых войск и в предстоящих рейдах по демоническим мирам каждый час рисковать своей жизнью. Пусть Империя одарила его чудесным искусством владения мечом, это едва ли способно обнадёжить по-настоящему. Ведь от Сергея ждут результатов, которые на его новой родине принято считать невозможными.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-097500-6

© Коваль Я., 2011
© АСТ, 2011

Содержание

Боец демона-императора	6
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	52
Глава 5	66
Глава 6	81
Глава 7	99
Глава 8	115
Глава 9	130
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Ярослав Коваль
Чужак
Боец демона-императора
Тропа смерти
Сквозь бездну

Серия «Фэнтези-коллекция»

© Ярослав Коваль, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Боец демона-императора

Глава 1 Средство от депрессии

Раз в году обязательно накатывает ощущение, что жизнь прожита зря и лучше было б ее не длить. Действительность облепляет тебя, как грязная вата, желания становятся слишком абстрактными, настолько нереальными, что уже прекращают быть движущей силой человеческой жизни. Если что и остается, то только равнодушие. А значит – ничего не остается.

На этот раз обычно короткий, почти мимолетный период усталости от жизни здорово затянулся. Осознав, что даже на красивых девушек я смотрю без интереса, понял – ситуация определенно не в норме. А что, собственно? Вроде живи и радуйся. Семен зовет тренироваться дальше, с перспективой участия в соревнованиях. Кирюха – к себе в спорткомплекс, и даже предлагает партнерство, как ни странно. Столько дружеских контактов с отличными тренерами и инструкторами, как у меня, у него нет и быть не может. И клиентов я туда смогу привести с избытком – это вполне искупит недостаточно емкий взнос в бизнес, ведь больших денег я принести пока не смогу.

Казалось бы, идея отличная. Почему душа не лежит? Не знаю. Многие ребята после армии разбалтываются, теряют себя в жизни, которая прежде была привычной, а теперь – увы, не могут вновь нащупать ранее занимаемую нишу. Со мной не происходило ничего подобного, и служить выпало не так, как многим и многим. Служил я с толком, может, потому, что самбист, изначально в погранвойска шел с полезным опытом, с навыками рукопашного боя. И, вернувшись из армии, за полгода восстановил все прежние контакты. Нашел неплохое место тренера. Теперь вот Кирюхино предложение – казалось бы, в самую масть...

Как кость поперек горла. Что со мной, почему? Почему жизнь кажется такой бессмысленной, откуда страстное желание все разом изменить? Я еще не понял толком, чего хочу, но уже осознал – все существующие варианты меня не радуют. Надо искать что-то совершенно новое. В какой сфере – не знаю. И самбо бросать не хочется. Контрактником в армию? Все-таки нет. Не такова наша армия, чтоб ее хотелось сделать своей профессией.

Пришло в голову – хорошо, что я не женат, не обременен семьей. Иначе и говорить было б нечего, берись за самое денежное предложение и учись ловить от него кайф. А так – сам себе хозяин, можешь сколько угодно искать себя, это твое право.

Я чувствовал себя так, как, наверное, ощущает себя какой-нибудь хронический неудачник, и понять не мог, почему. На неудачника я не тяну, разве что с точки зрения какого-нибудь бизнесмена, первобытно уверенного, что люди – это только те, кто способен сколотить состояние на купле-продаже. Но мне-то на мнение этих людей положить с прибором. У меня и моего круга другие критерии. Может быть, поэтому я чувствовал такое напряжение, похожее на предощущение неприятности. У меня подобные предощущения обычно проходили вхолостую, однако они сами по себе неприятны, заставляют оглядываться и высчитывать вероятность, ждать беды и мысленно готовиться к ней.

– Я тебе вот что скажу: дело обычное, – заявил мне Кирилл, с искусством психолога вытянувший из меня все о моем состоянии, хотя встретились мы лишь затем, чтоб обсудить возможность или невозможность нашего дальнейшего сотрудничества. Опытного делягу явно не устраивали уклончивые ответы, он поднажал, хоть и аккуратно, и, выслушав, вынес вердикт: – Это нормально. Тебе надо развеяться, съездить куда-нибудь, отдохнуть в свое удоволь-

ствие. Обычное предошущение депресняка. Отдохнешь – и все будет нормально, поверь моему опыту. И мы тогда с тобой возьмемся за дело. А? Как смотришь?

– Нормально, – заинтересовался я. В самом деле – почему бы и нет? Может, меня действительно просто задавили чрезмерные ожидания от гражданки.

Через пару дней я уже сидел в самолете, предвкушая поздневесенний Кавказ, пейзажи, вино, а для начала – экскурсию в какую-то тамошнюю пещеру, не слишком знаменитую, потому и – надеюсь! – не слишком загаженную следами человеческой жизнедеятельности и тщеславия. Стоило это изрядно, и, как понимаю, в этом сезоне машину мне не поменять... Ну и фиг с нею. Опять же, если к предложению Кирюхи возникнет интерес, денег хватит на всё. Главное, чтоб возник.

Потом мысль пошла по иному пути. В конце концов, чтоб изменить свою жизнь к лучшему, надо знать, как именно ее менять, что в ней лишнее, что хотелось бы привнести. И стоит ли желаемое затраченных сил.

Хотел ли я стать бизнесменом? Нет, пожалуй. Не мое. Хотел ли быть спортсменом? Тоже, наверное, нет. Тренером? Может быть. Хуже всего было то, что я совершенно не понимал: какого еще рожна мне надо, что не устраивает? Вроде ж все пучком – а почему тогда тошно?

Прежде я всегда чувствовал, как поднимаюсь вверх. И в школе, когда переходил от изучаемой темы к теме, от тренировки к тренировке, и позже. А сейчас словно застыл в шаге от обрыва, и ни отшагнуть от него, ни начать карабкаться дальше не получалось.

Самое главное – об этом всем не особо-то тянуло думать. Но как найти решение проблемы, если не заниматься поисками? Как выплывать, если не болтая лапками? Чудом? Мы – люди практичные. Мы не верим в чудеса.

Приоткрыв глаз, я покосился в иллюминатор. Внизу – сугробы облаков, выше – блекло-голубая гладь. Что там толком разглядишь... Говорят, если подняться над облаками, твоя жизнь вместе с землей как бы отдаляется от тебя, можешь взглянуть беспристрастно, оценить, что к чему. А у меня не получается. Может, дело просто в усталости? Тогда отдых – в тему, хоть выплусь. И я закрыл глаза, стараясь не обращать внимания на кашель соседа слева и на писк двух мелких девчонок впереди, которые, похоже, что-то между собой не поделили.

Тбилиси меня не очень-то впечатлил, а гостиница и вовсе разочаровала – тесно, чистота относительная, в номере витает едва ощутимый запах курева. Если так пойдет дальше, толку от поездки не будет. Меня все время что-то тревожило, заставляло ерзать и ежиться, будто стекловата под одежду набилась. Только когда небольшой рюкзачок был наконец собран, и автобус с экскурсантами вырулил со стоянки у гостиницы, отпустило немного, и в душе проснулось чисто детское любопытство.

Фотографии пещер всегда вызывали у меня исследовательский зуд и какой-то почти благоговейный интерес. Впрочем, думаю, не только у меня. Недра земли, изрезанные проходами, иногда совсем узкими и низкими, иногда разворачивающимися в огромные залы, восхищали хотя бы даже потому, что являли человеческому глазу то, что обычно от него скрыто. Подобный интерес, наверное, вызывают глубины океана и все тамошние жители – их ведь не увидишь просто так, выйдя из дома прогуляться.

Гору поливали лучи солнца, должно быть, позабывшего, что в эти края пока еще не пришло лето, и усердствовать рано. Стоило шагнуть под огромный нависший камень (нервно было под него нырять, казалось, что он вот-вот пошатнется, рухнет и раздавит меня, я и охнуть не успею), как жару словно ножом отсекло. Глубины пещеры дышали холодом каменного монолита, который никогда не знал солнечных лучей. Мои спутники принялись вытаскивать из рюкзачков куртки.

Сопровождающие нас экскурсоводы скороговоркой напомнили правила поведения, но в целом они явно привычны были к контингенту взрослых, разумных людей, которым самим как-

то не улыбается остаться в этой пещере навсегда. Застегивая куртку на последнюю пуговицу, я задумчиво пристроился в хвост группы.

Своды пещеры не поражали великолепием – серые, запыленные, только и интереса, что к приятному холодку, источаемому камнем, и фонарям, которые расчехлил наш сопровождающий. С толком сделанные фонари, они отлично освещали нутро пещеры, но не слепили – словом, все в меру. Шагая, экскурсовод с увлечением рассказывал об этой пещере, ее истории и всех интересных ее уголках, до которых мы не доберемся, потому что слишком уж далеко. Эти уголки он расписывал с таким смаком и так образно, словно завлекал на новую, длительную экскурсию с ночевками прямо здесь, в недрах горы.

И многие из нашей группы, судя по выражениям лиц, от такого предложения не отказались бы. Но предложения не последовало.

Зато вскоре стало темнее и еще холоднее, в воздухе и на губах начала ощущаться влага. Одновременно с этим захотелось пить. Ничего удивительного. Снаружи бывает очень знойно, солнце прокаливает землю до мелкой пыли, которую сюда заносит ветрами. Пыль сушит носоглотку, из-за этого хочется пить, а теперь, когда вокруг стало чуть более влажно, просто вспомнилось об этом.

В пути я несколько раз прикладывался к фляжке с подкисленной лимоном водой, которую всегда брал с собой в путешествия, и остальные тоже время от времени промачивали горло. Сопровождающий бойко вел нас вперед, останавливаясь лишь там, где, по его мнению, было на что посмотреть. То и дело щелкали вспышки фотоаппаратов, которые ненадолго слепили даже тогда, когда не были направлены в сторону группы. Это раздражало, и когда коридор наконец вывернул в огромную темную пещеру причудливых очертаний, а экскурсовод объявил, что отсюда есть только один выход, через который группа и пришла, поэтому желающие могут побродить по закоулкам, я испытал облегчение.

Другого шанса побыть здесь в одиночестве не представится, это факт. Мне хотелось забиться куда-нибудь, где никого не будет видно, и просто постоять, подышать этим воздухом, потрогать стену, которую, может быть, столетия и тысячелетия до меня трогала чья-нибудь рука, и, может, тоже пофотографировать, но без вспышки – что получится в свете фонарика, то и получится. Я сюда пришел, чтоб пообщаться с самим собой, в плотной толпе это плохо получается.

– Заблудитесь – сигнальте светом фонарика и голосом, – распорядился экскурсовод. – У всех фонарики в исправности?

Группа рассыпалась, как пригоршня гороха из ладони. «Если так пойдет дальше, я себе тут ни одного уютного закутка не найду», – подумалось в раздражении. Я зашагал в глубь темноты, распуская ее столбиком света. Такая невнятная полутьма, которую образовывал мой фонарь за пределами яркого светового кружка, не была мне привычна, поэтому глаз плохо различал подробности, надо было останавливаться и присматриваться.

По сути, пещера лишь в некоторых местах представляла собой эдакую неправильной формы залу с высоко вознесенным сводом. К этому вольному пространству, которое с трудом прошивали световые «нити», со всех сторон примыкало множество закутков-тупичков самых причудливых форм и очертаний. В некоторые из них даже нельзя было забраться, так они были низки, другие представляли собой не более чем маленькие альковы. В паре мест я заметил частокол сталагмитов, но подходить к ним не стал – там толпилась большая часть нашей группы, и вспышки фотоаппаратов срабатывали почти так же часто, как на вручении премии какого-нибудь Оскара.

Зато поодаль, в извилистом коридорчике с серыми, сухими камнями, не было никого, может быть, потому, что даже с небольшого расстояния этот закуток не бросался в глаза. К тому же здесь темно. Что повезет – то и разглядишь. Пошарив фонариком в глубине закутка, я заинтересовался не на шутку. Все-таки в каждом из нас дремлет ребенок. Столбик света так и

не уперся в стену и через три шага, и через десяток, и через три десятка. Коридорчик юлил, но свод не спешил опускаться, и развилка не было – все безопасно. Ближайшие полчаса никого из нас не хватятся, так что мое коротенькое самостоятельное путешествие едва ли для кого-то составит проблему.

А коридор все не кончался, он вился, как обрывок серпантина в пальцах, а потом вдруг распахнул передо мной пространство, пронизанное хоть и бледными, но несомненно солнечными лучиками, которые освещали пещерку намного лучше, чем мой фонарик. Да, это была именно пещерка. Похожая на длинный, но очень просторный коридор, который шел перпендикулярно тому, из которого я сюда вывалился. В некоторых местах он возносился на приличную высоту, и оттуда, сквозь проломы и щели, внутрь сочился солнечный свет.

Выключив фонарик, я огляделся. Определить форму этой новой пещеры были трудно, само собой, она, как и любые другие пещеры, имела самые причудливые очертания. Но, как бы там ни было, под определение «закуток» она не подходила совершенно. И вот отсюда был виден как минимум еще один выход... Нет, два, смотри-ка, в другой стороне тоже виден темноватый проход, наверное, еще один коридор. Видимо, тут что-то произошло, что-то где-то обрушилось, и появился выход в еще одну систему пещер, о которой сопровождающий нас местный спец понятия не имеет. Наверное, надо ему сообщить.

Я повернул назад, сделал три шага в темноту коридора и понял, что больше здесь пути нет. Необъяснимо, но сейчас вместо сквозного прохода передо мной был холодный и твердый камень.

Несколько мгновений я просто смотрел перед собой, пытаюсь понять, что, черт побери, произошло. Потом отшагнул назад, предположив, что в каком-то забытии ушел от нужного мне коридора куда-то в сторону, хотя и не помню ничего об этом. Но и рядом ни одного подходящего прохода не обнаружилось. Имелись только те, что я увидел со своего места, справа и слева. И, может быть, еще какие-то – в других закутках. Не мог же я, в самом деле, свихнуться настолько, чтобы угулять от нужного места на пару сотен метров и даже не заметить этого!

Ладно, раз уж так, то надо играть по всем правилам. Я полез в рюкзак, куда, больше ради смеха, чем с практической целью, запихнул упаковку мелков. После чего заглянул в первый из ближайших коридоров, но, обнаружив, что пол там резко пошел вниз, решил – туда не полезу. Мне-то надо на поверхность, а не абы куда.

По второму, располагавшемуся даже дальше, чем прежний, прошел недалеко. Слишком уж разительно он отличался от того, по которому я сюда пришел. Если не будет вариантов, я пойду по нему, но пока... Пока постараемся разобраться с ситуацией, отыскать мигрировавший невесть куда проход. Или хотя бы что-то похожее на него.

Я обогнул выступающий из стены кусок скалы неправильной формы. Здесь пещера продолжалась, то вознося свод, то опуская ее, но незначительно. Иногда ее освещали лучи, пробивающиеся сквозь трещины в скале, иногда свет иссякал, блек, и тогда приходилось вынимать фонарик. Едва ли на двести метров я удалился от того места, где повернул за угол скалы. Под ногами поскрипывал песок, где-то что-то шуршало, но что именно – я не мог понять.

Ощущение чужого присутствия заставило меня обернуться, потом зашарить взглядом вокруг. В тот же момент, когда на меня кинулся кто-то, я на рефлекс повернулся на одной ноге, подцепил этого «кого-то» на плечо и придал ему ускорения. Прием не совсем из тех, которым меня обучали, но зато прочно усвоенный еще в бытность мою подростком. Я однажды таким способом отправил башкой в стенку обдолбавшегося одноклассника, которому вступило в голову кинуться на меня. А после этого решил, что приемчик полезный, пригодится.

Кто именно на меня кинулся, я рассмотреть не успел, потому что следом за первым меня атаковал второй, и уже куда толковее, пытаюсь не навалиться и прижать к полу, а скорее подсесть. То, что у него в руках оружие, я понял не сразу, и, видимо, спасло мою шкуру только

то, что тыкать в меня длинным, странной формы кинжалом он не спешил. Скорее попытался использовать оружие для устрашения.

Давай, старайся. Вышел я уже из того возраста, когда железяк пугаются. Первая попытка перехватить руку с кинжалом и кинуть противника, как положено, провалилась, парень оказался тренированным. Зато вторая получилась более удачной, я вдогонку качественно врезал парню в бок, но это уже ничего не значило, потому что на меня кинулись сразу двое, и, судя по всему, обученные очень хорошо. Пока один занял большую часть моего внимания, второй исхитрился подсечь меня какой-то палкой, с чем-то металлическим на обоих концах. Дальше навалились сразу трое, я вывернулся было, схватил одного из них за горло, но через миг кто-то уперся плечом мне в основание шеи, и руки соскользнули, а в затылке полыхнула боль, короткая, как фотовспышка.

Они завернули мне руки и подняли. «Пипец, куда я попал? Блин...» Сложно было что-либо отчетливо разглядеть в этом полумраке, да еще и в ходе потасовки, но ребята, напавшие на меня, явно были одеты не в камуфляж. И вообще не в форму. Впрочем, это ни о чем не говорит. Можно было лишь гадать, во что я вляпался. Сложно судить, но, кажется, ребята смуглые.

Меня прижали к стене, блокировали руки, и один из парней – тот, что с кинжалом – уставился мне в лицо. Гляделки у него были почти черные, а может, мне просто так казалось. Лицо злое и вместе с тем равнодушное.

– Я не тот, кто вам нужен, – проговорил я.

Взгляд глаза в глаза, уже более осмысленный. Обернувшись, он обратился к одному из своих спутников на каком-то очень странно звучащем языке. Я не знаток кавказских наречий, если говорить откровенно, ни слова не знаю, однако со времени прилета звучание в принципе уловил. Ребята явно говорили не по-местному. И не по-чеченски. Я скорее взялся бы охарактеризовать этот язык как один из европейских. Но очень уж специфический.

Правда, вслушиваться дальше я не стал, и в тот момент, когда парень с кинжалом отвлёкся, врезал ему ногой.

Результат получился так себе. Все-таки в последний момент незнакомец среагировал, и пинок пришелся правее, чем хотелось бы. Одну руку я сумел освободить, а вот вторую словно сковало. Более того, парень, который меня держал, ребром ладони легонько ударил меня под ребро, и половину тела на миг словно парализовало. Я захлебнулся воздухом, и, хотя не оставил попыток вырваться, скоро был втиснут лицом в песок на полу, а двое, усевшись на меня, быстро стянули ремнем запястья, а потом и локти. Боль в вывернутых плечах заставила изо всех сил стиснуть зубы.

Они подняли меня и поволокли за собой в неприметный лаз, в который пришлось нырять, словно кролику в нору. Правда, в полусогнутом состоянии пришлось тащиться всего с десяток шагов, потом свод рванул вверх, и, помедлив еще несколько мгновений, ремень с локтей мне все-таки сняли. Перед глазами прояснилось не сразу, когда же это произошло, я понял, что меня тащат через целую вереницу небольших пещер, пронизанных солнечным светом, падающим непонятно откуда. Судя по всему, кто-то когда-то пытался привести эти пещеры к стандартам человеческого вкуса, но работу бросил на полдороги.

Выход оказался удобным и широким – хоть машину сюда загоняй. В какой-то момент свод снова резко рванул вверх, по ту сторону пещеры закачались роскошные кроны деревьев, а свет солнца ослепил еще до того, как меня выволокли наружу. То, что я увидел с порога пещеры, даже близко не напоминало обычный кавказский пейзаж. И хотя в чем именно было отличие, не удалось осознать вот так, с ходу, ощущение, что простые логические доводы мне случившееся не объяснят, появилось.

Теперь здесь теоретически появилось место, куда можно попробовать спокойно убежать, где есть смысл прятаться от бандитов. Улучив мгновение и собравшись, я попытался

вырваться. Казалось, они именно этого и ждали, и, хотя я провел комбинацию как положено, ту руку, которую все-таки удалось вырвать, тут же перехватили вновь. А потом кто-то ударил меня сзади, и, хотя с первого удара я не отрубился, успел понять, что при нынешней расстановке сил шансов у меня практически нет.

Сознание возвращалось как всегда – не сразу понимаешь, что был в отключке, не сразу вспоминаешь последние произошедшие события. Сперва, открыв глаза, я не понял, что ж такое увидел – каменная стена, где видны были приливы и не сколотые «раковины» раствора, плохо обтесанные камни... Вообще ничего себе выглядит, антуражно. Подо мной что-то жесткое, однако не настолько, чтоб заподозрить там решетчатую скамейку или пол.

Повернул голову и попытался оценить интерьер. Нет, на номер гостиницы, пусть даже и «эконом», не тянет совершенно. Как и на задворки какого-нибудь дешевого грязного рестораника... В этот момент я вспомнил все, что то ли случилось, то ли приснилось мне накануне, и сел на лежак. Лежак оказался деревянным, его застелили матрасом, похоже, набитым то ли соломой, то ли чем-то подобным. Кроме лежака и полки, врезанной в стену, я здесь, собственно, больше ничего и не увидел. Грубый половичок не в счет. Окно было забрано решеткой. Красноречиво и годится как ответ на незаданный вопрос.

Я поднимался с осторожностью, но голова на удивление оказалась ясной – не болела, не кружилась, вертикально держался без проблем. Значит, стукнули со знанием дела, либо мне просто повезло. Встал, прошелся к окну. Увы, оно походило на бойницы в замках, сужающейся трубой поднималось вверх в толще стен, и виден был лишь кусочек ослепительного неба, расчерченного полосками прутьев – поди пойми, что освещает это небо. Металл в растворе, залившим камень, держался прочно.

Дверь тоже выглядела внушительно. Я сперва поддел ее плечом, потом навалился сильнее, толкнул – и даже не смог понять, куда же она открывается. Створка стояла нерушимо, словно представляла единое целое со стеной. Нехило тут строят.

Ладно, хотя бы не яма. На официозную тюрьму тоже не похоже. Может, оно и к лучшему. Интересно, где вообще могут быть такие странные камеры, помимо всего лишённые каких-либо признаков параша и волчка. Не было здесь и труб парового отопления, и дверки вмурованной в стену печи. Можно себе представить, какой тут дубак зимой. Конечно, на Кавказе не бывает настоящих зим, но и ненастоящая тоже не сахар.

Оставалось лишь вернуться на лежак. В конце концов сейчас, когда я сижу в четырех стенах, от меня ничего не зависит. Впереди может быть много дурного, что-то хорошее – надо лишь терпеливо дожидаться предстоящих событий и не спешить накручивать себя. Психоз никому еще не помогал.

Время тянулось тягостно и неощутимо. Задремать не удавалось, и когда со стороны двери послышался многообещающий скрип, я испытал облегчение. Чему тут удивляться – хорошее или плохое, но будущее скоро станет чуть-чуть яснее.

Дверь открылась внутрь. Двое парней, которые вошли в камеру, производили впечатление серьезных ребят, не расположенных к шуткам. Одеты они были не в камуфляж, а в какую-то иную, совершенно незнакомую мне форму. Третий, шагнувший через порог последним, больше походил на штатского, правда, держался уверенно, так что он наверняка обладает тут своей долей власти.

Он посмотрел на меня равнодушно, как мог бы смотреть в тарелку с надоевшим ежедневным супом, который не меняется изо дня в день. Искоса взглянул на одного из парней, и те вдруг настойчиво притиснули меня к стене. Все-таки после удара с реакцией у меня теперь не очень. Надеюсь, временно. Прижали очень умело и сильно – не особо-то подергаешься. На всякий случай я приготовился пинать, однако в глубине души понимал, что едва ли у меня получится нанести кому-нибудь из них серьезный урон или вообще отбиться.

Штатский оглядел меня внимательно, будто сличал приметы. Потом вытащил откуда-то – мне показалось, что из рукава, – какую-то хреновину, похожую на зажим с висящей фигней, и чувствительно прищемил мне мочку уха. Не успел я подумать, что выгляжу, наверное, как придурочный пират с серьгой в ухе, как на свет появилась еще одна финтифлюшка, вроде стилоса для КПК, но с несколькими подвесками. Штуковиной он ткнул в зажим на ухе, поднес подвески к моей щеке, нахмурился, сосредоточенно глядя на них.

– Все, – произнесено это было, как мне сперва показалось, на чистейшем русском языке. Через миг впечатление испортилось, но в чем именно – я едва ли понимал. Просто чувствовал, что дело тут нечисто. – Можете говорить. – И штатский отступил к дверному проему.

– Он точно понимает? – уточнил один из парней в форме, отпуская меня. И опять же – в голосе ни следа акцента. Ни грузинского, ни чеченского, ни какого-либо иного.

– Должен понимать.

Я молчал и старался следить за всеми тремя одновременно. Ни к чему начинать беседу первым, пусть они начинают, глядишь, откроют карты или хотя бы приоткроют.

– Эй, ты понимаешь, что тебе говорят? – окликнул меня парень.

– Я не понимаю, что происходит. С этого можно начать.

– Естественно, не понимаешь, – бросил один из бойцов. С насмешкой. – Странно было б если б понимал.

– Шагайте, – приказал второй. – Я с ним поговорю.

Ему повиновались безоговорочно. Скрипнул запор двери, и незнакомец непринужденно уселся на край лежака. Он разглядывал меня без особого интереса или любопытства – деловито, как хозяйки в магазине выбирают из десятка разных пакетов с молоком.

– У тебя на родине о параллельных планах что известно?

– О каких планах? – Я бы опешил, если б не был так зол и напряжен.

– О мирах, развивающихся параллельно, на одном плане? На разных планах? О пластах горизонтального схождения? О сквозных коридорах, возникающих в таких местах? Ясно, ничего. Ладно, тогда принимай как информацию, что ты сейчас находишься не в том мире, где родился и жил. А в другом, в той же мере материальном и населенном людьми, как и твой. Понял?

– Чего?

– Ждешь, что буду повторять дважды? Ошибаешься. Понимай с первого. – Манера вести себя и выговаривать слова у моего собеседника была характерная. Я понял – он военный. При этом излагает свою абракадабру не просто равнодушно – скучающе. Будто далеко не в первый раз, и уже надоело видеть однотипные реакции и одинаковое непонимание. У военных совсем другая манера шутить.

Блин! Кто мне объяснит, что происходит?!

– Да пошел ты! – выплюнул я наполовину рефлексивно.

Собеседник лишь шевельнул бровью с каким-то незнакомым для меня значением.

– Твое дело. Можешь даваемую мною информацию не воспринимать. Здесь у тебя полная свобода. Я могу, конечно, взывать к твоему благоразумию, но следовать совету или нет – решай сам. Тебе лишь надо запомнить, что ты находишься в ином, чем раньше, мире со своими законами, традициями и правилами поведения. Тебя сюда доставили потому, что его величество любит смотреть необычные бои. В одном из них ты будешь принимать участие.

– С какой, мать твою, стати? – Абсурд ситуации душил меня почти так же невыносимо, как и ярость.

– Можешь не биться, – с тонкой жестокостью, в которой я сразу ощутил реальную угрозу, ответил он. – Мы всегда найдем, куда употребить материал вроде тебя. На любой из планируемых экспериментов... Своим бараньим упрямством ты решишь для нас одну из насущных проблем.

Он поднялся и зачем-то бросил взгляд на правое запястье, обхваченное тонкой цепочкой браслета с тремя маленькими подвесками – одна из них... Да, одна из них слегка светилась, словно в камушек была встроена крохотная галогенная лампочка. Но только что ничего не светилось, я в этом был почти уверен. Почти...

– Подвожу итог. Здесь, в замке, ты можешь ходить везде, где тебя пустят. Можешь попытаться сбежать, но лучше, если не станешь бесполезно тратить свое и наше время. Обрати внимание на браслет над локтем. – И небрежно махнул рукой на мое левое плечо. – Отыскать тебя в окрестностях не потребует много времени. На первый раз, возможно, и простим, на второй – уже вряд ли. Подумай, прежде чем что-либо делать.

И шагнул за порог. Дверь так и осталась заманчиво приоткрытой, но я далеко не сразу решился выглянуть наружу. Сперва надо было разобраться, что же происходит и что я об этом думаю, но разбираться не получалось. Растерянный, я вышел в коридор и огляделся. Мда, не слишком-то похоже на гостиницу или задворки какого-нибудь ресторана. Пол каменный, пышнотелая девица в странном балахонистом одеянии, с шарфом, намотанным на голову, без особого энтузиазма драит стену, то и дело ногой передвигая таз с места на место. Мимо прошел парень, одетый в ту же форму, что и давешние бойцы, с длинным кинжалом на поясе... С кинжалом?! Итить вашу мать, где я вообще?!

Сделал несколько шагов по коридору, но, повернув за угол, обнаружил, что передо мной возникает слишком богатый выбор – либо лестница, либо коридор налево, либо дальше вперед, где освещение оставляет желать лучшего. Кстати, насчет освещения – я впервые осознал, что оно здесь какое-то сильно необычное. Собственно, источник света не сразу фиксировался взглядом. Пришлось присмотреться, чтоб осознать, что коридор освещала бледноватая полоса тумана, протянувшаяся под потолком, вдоль одного из стыков со стеной.

Я стоял, смотрел на это и старался понять – возможно ли вообще сделать что-то подобное известными мне техническими методами? Обширными техническими знаниями я не владел, так, в пределах любознательного человека, не обладающего профильным образованием. Получалось, что либо это такая своеобразная подсветка, либо... Нет, на подсветку не похоже. Может быть, какие-то лазерные штучки... Но тогда почему они, которые по идее ничего не должны были освещать, освещали отлично?

– Эй! – окликнул меня парень, остановившийся в нескольких шагах. – Это ты новый гладиатор?

– Я не гладиатор, – ответил сквозь зубы, едва сдерживая очередную вспышку ярости.

Недоумение во взгляде было такого свойства, что даже немного остудило меня. Чувствовалось, что парень не хотел меня оскорбить.

– Ну... Это тебя сегодня доставили?

– Как понимаю, да.

– Угу... Идем, покажу тебе тренировочную залу.

– На фига мне сдалась ваша тренировочная зала?

– Э-э... Ну как же? Ты боец, интересно, как ты собираешься обходиться без тренировок?

Сперва я хотел рывкнуть что-нибудь злое, осаживающее, а потом подумал, что это не имеет значения. В конце концов, почему бы не походить по этому месту с гидом? Почему не заняться тренировками? Ждать, что я буду тут клоуна-меченосца им изображать, они облезут, а так, для себя... Почему бы и нет. Надо ж будет чем-нибудь занимать свободное время.

– Ладно, показывай.

И парень повел меня обратно, мимо двери той комнатухи, где меня запирали, за поворот, вниз по лестнице, потом на галерею. Выйдя сюда, я обомлел.

Видно было, собственно, не так и много, но всего того, что увидел, мне вполне хватило. Это был, несомненно, замковый комплекс, короткая галерейка нависала над внутренним, неправильной формы двориком, который, похоже, был из самых маленьких. Там ходили

мужчины в форме и другие – в какой-то неразлично-серой одежде, видимо, прислуга или чернорабочие. Дворик со всех сторон стискивали стены, прорезанные множеством узких окон, которые в случае необходимости сошли бы и за бойницы. Причем если строения европейских замков, которые мне доводилось видеть, редко насчитывали более трех этажей, то эти, кажется, меньше пяти не имели.

Над шестиэтажным жилым корпусом возносилась и самая настоящая башня. Кажется, вполне сравнимая с каким-нибудь шестнадцатизэтажным жилым домом у меня на родине. Гигантомания здесь в моде...

С галереи свернули еще в один коридор, который был освещен так же, как предыдущий, но чуть поярче, да и коридор оказался побольше. Здесь навстречу попадалось больше людей, и многие были одеты совсем уж странно. Нет, извините, парни, но ради какого-то инструктора по самбо, бывшего погранца и немножко спортсмена такую игру никто затевать не будет. Зачем? У меня нет больших денег, ради которых стоило бы стараться, и имущества особого нет. Разве что квартира... Но вряд ли даже московская квартира, тем более не из элитных, стоит столь изощренных усилий.

Поглощенный своими расчетами и попытками встать на место других и оценить свою привлекательность как жертвы мошенничества, я пропустил мимо сознания и памяти остаток пути. Посмотрел по сторонам лишь тогда, когда мой спутник показал на распахнутую двустворчатую дверь.

– Сюда. Заходи. Здесь три залы, сам решай, которая тебе нужна.

Теперь нужно было спуститься вниз по трем ступенькам. Стоя в дверном проеме, я смог накрыть взглядом всю залу целиком, до самой арки, ведущей в соседнее тренировочное помещение. Здесь тренировалось человек пять, двое – с оружием, двое – с манекенами, а еще один...

– Что это такое? – с трудом выговорил я, показывая на странное темно-зеленое человекоподобное существо, рубящееся на мечах с пятым бойцом.

– Тренировочный демон, – ответил сопровождающий с безграничным изумлением: мол, чего спрашиваешь, сам, что ли, не знаешь? – Пойдем, я тебе соседние залы покажу.

Я присмотрелся к этой твари, проходя мимо, и был вынужден констатировать, что на гримированного человека она походила мало. Вернее, не походила совсем. Слишком тощие были конечности, да и все пропорции нечеловеческие. Дождавшись, когда боец закончил поединок, я шагнул поближе и присмотрелся. Нет, это не человек. Существо стояло, как комод, который поставили к стенке и больше не шевелят, не моргало, и глаза один к одному напоминали стеклянные пуговицы, а никак не взгляд живого человека. Даже у пресмыкающихся не бывает такого полного отсутствия взгляда.

Нет, разумеется, верить с ходу в версию, предложенную местным чудаком, я не спешил. Разум еще искал варианты логического и технического объяснения всему тому, что я здесь увидел. Но вариант параллельного мира уже приходилось принимать в расчет. Елки-палки, крышу просто срывает от полного отсутствия вариантов. Чего они от меня, в самом деле, хотят?!

Спутник же мой явно торопился показать мне побольше и ждать, пока я соберусь с мыслями, не собирался. Возможно, у него были какие-то свои дела. Помедлив рядом, он все-таки решился ухватить меня за рукав (очень осторожно, может, опасался рефлекторной отмашки?) и потянуть за собой, в следующий зал. Там несколько десятков парней валяли друг друга по татами и пытались пырнуть муляжами ножей и кинжалов. Муляжи, кстати, странные, разноцветные, издали не разглядеть подробностей, но странности бросаются в глаза. У меня уже башка начинала трещать от всех этих странностей.

В стороне, краем глаза присматривая за происходящим в зале, стоял мужик в длинном красном одеянии. Именно к нему меня и потащили, с аккуратностью и по большой дуге огибая занятых друг другом бойцов. Встретив на себе его взгляд, я без труда понял, чем он тут

занимается и зачем стоит. И едва ли не на рефлексе приветствовал мастера-тренера кивком, который с натяжкой можно было назвать и поклоном.

– Это новый гладиатор, – пояснил сопровождающий меня парень.

– Я понял.

– Он – как всегда... Отрицальщик.

– Понял. – Мастер взглянул на меня, махнул рукой моему спутнику. – Иди, парень. Разберемся... Мои приветствия. Как понимаю, в твоём родном мире боевые традиции иные, чем у нас.

– Весьма, – буркнул я.

– Ничего, это-то и будет интересно императору. Что тебе требуется для тренировок?

– Слушай, я, конечно, все понимаю, но сперва надо ответить на основной вопрос: почему все окружающие так твердо уверены, что мне позарез понадобится развлекать вашего местного правителя? Я что – нанимался?

В ответ – недолгое молчание, взгляд вдумчивый, сосредоточенный. Либо он подбирает аргументы, либо ругательства, оба варианта одинаково любопытны.

– Что конкретно ты имеешь против профессии бойца? Поединки противоречат твоим религиозным убеждениям?

– Нет, разумеется. Но почему ты считаешь, что я должен быть в восторге, изображая тут перед местными любителями клоуна?!

Его непонимание показалось мне абсурдным. Бред, если не издевательство.

Еще одна задумчивая пауза.

– Почему ты так отзываешься о боях? В твоём мире каждый мужчина, удивляющий публику своей силой, ловкостью, сноровкой, умением наконец – клоун?

Я почему-то вспомнил спортсменов-бегунов и атлетов. Точно издевается! Нашел с чем сравнивать.

– Нет, разумеется.

– Каков статус состязаний у тебя на родине?

– Гладиаторский бой – не состязание!

– Что же тогда?

Я попытался подобрать подходящее с моей точки зрения определение и понял, что висну, как плохо отлаженный компьютер. По всему выходило, что особой разницы между прыжками в длину и месиловом с применением оружия нет.

– В ходе состязания никто не гибнет.

– Никто-никто и никогда?

– Э-э...

– Но и в ходе обычных боев гладиаторы гибнут редко. Смерти случаются чаще на жестких боях, которые мало распространены. В них участвуют либо любители рискнуть своей жизнью за очень большие деньги, либо те, у кого нет выбора... Но мы сейчас не об этом, а о статусе гладиаторских состязаний. Боец демонстрирует свое искусство, свои навыки, свои ловкость и силу – что в этом стыдного? Так же свое умение показывает скульптор, архитектор, ткач, ювелир... Любой мастер.

Я соображал нервно и торопливо.

– Вокруг скульптора и ткача не будет прыгать публика и орать: «Давай, давай! Быстрее, красивее! Давай, закручивай этот завиток!»

Тренер пожал плечами.

– Каждый умелый ремесленник хоть раз в жизни да сталкивался с подобным неуважением к своему труду со стороны неопытного, но самоуверенного человека. Для мастера это обычно повод посетовать на несовершенство человеческой природы, но в подобном случае никто ведь не предполагает, что работа скульптора или ткача не заслуживает уважения.

Я понял, что разбит. Собеседник не убедил меня, однако доводы закончились, противопоставить ему было нечего. Одновременно я ощутил, что разговор с тренером поколебал и мою собственную уверенность. О настоящих гладиаторах я знал только то, что можно было прочесть в книгах, в полунаучных или вовсе художественных, но сейчас вдруг вспомнил бои без правил, на которые когда-то ходил с друзьями, и о боксе. Нетрудно было констатировать, что на бойцов публика смотрела отнюдь не презрительно. С восхищением и благоговением – в большинстве. А чем они не современные гладиаторы?

– Тогда я вот чего не понимаю, – злясь, продолжил я. – За фиг было меня тогда сюда вытаскивать? Я что, желание изъяслял тут почетным гладиаторством заниматься?!

– Разве не изъяслял?

– Я еще с ума не сошел, предлагаю не пудрить мне мозги.

Тренер молчал несколько секунд.

– Наши маги не могут позволить себе вытягивать к нам сюда людей по принципу рыболовной сети – кто попадется. Да и у рыболовной сети есть уровень отбора – величина ячеи. Они вытягивают лишь тех, кто хочет этого.

– Я – не хотел.

– Ты хотел. Хотел покинуть свою привычную жизнь. Так? Хотел ярко и сильно, так в тебе определили молодого человека, бойца или того, кто способен стать бойцом. И не ошиблись.

Я от неожиданности едва не прокусил себе нижнюю губу. Собеседник смотрел на меня добродушно и вместе с тем снисходительно.

– Блин...

– Мне последнее время часто приходится беседовать с чужаками, которые ничего не понимают в произошедшем. Могу тебе сказать, что через несколько дней ты и без всяких объяснений будешь понимать больше, чем сейчас.

– Я хочу, чтоб меня вернули обратно.

– Это невозможно. Конфигурация миров уже изменилась и едва ли в ближайшее тысячелетие повторится в точности до дуги. Но даже если бы подобное было возможно, никто не стал бы делать это для тебя. Ты нужен здесь потому, что этого желает император, или, в конце концов, для иных целей. Твое же собственное желание здесь значит мало.

Я скрипнул зубами. Как кость в горле была столь прямая и спокойная констатация – ты тут никто и звать тебя никак. В прежней жизни я привык, когда то же самое мне объясняют корректно и завуалированно либо же напористо и по-хамски, прикрывая такой манерой поведения собственное понимание, что надо бы вести себя иначе. Мой нынешний собеседник был запредельно откровенен, и от этого ему безумно хотелось вlepить промеж глаз.

Впрочем, становилось понятно, что вlepить не удастся, и кто кого в результате раскатает – предугадывается без труда. Мужик явно был мастером.

– Что же мне предлагается делать?

– Пока тренироваться. Говори, что тебе нужно для тренировок, какое оружие предпочитаешь – будем думать. Есть арсенал, можно выбрать там.

– А если не стану драться?

– Сам понимаешь, нашим магам придется искать способ возместить понесенные затраты другим способом. Я бы тебе не советовал выбирать этот путь.

– Разве это моя проблема – затраты ваших магов?

– Теперь – твоя. – Он испытующе посмотрел на меня. – Еще вопросы есть? Обсудить что-нибудь желаешь? Нет? Тогда иди в арсенал и присмотри себе оружие. По нему буду делать вывод, что из тренировочного оборудования может потребоваться.

И повернулся к терпеливо дожидавшемуся его внимания бойцу, который, видимо, хотел что-то обсудить с мастером.

А я остался стоять, думая о том, что если все сказанное мне – действительно правда, то я попал по полной программе, и выплывать придется, надеясь на чудо. Где-то в глубине души дремала надежда на то, что весь этот абсурд никак не может быть правдой, а значит, надо лишь отыскать логическое объяснение случившемуся, и все устаканится. Но вместе с тем я понимал, что для такого оптимизма не видно никаких оснований. Театр абсурда обретал плотность, объем и вполне физическую реальность.

– Так что, пойдём в арсенал? – осведомился парень, тот самый, который привел меня сюда. Он переждал мой разговор с тренером в сторонке и сейчас смотрел на меня с совершеннейшим, невозмутимым спокойствием. Я вдруг осознал, что для него подобная ситуация не в новинку. Что он уже водил к мастеру тренировочного зала таких, как я, и ждал, пока тот все им объяснит.

В этот миг пришло осознание, что все это происходит на самом деле и вполне серьезно. Я понял, что мне не приснилось, не почудилось, и – самое главное – никто не пытается обмануть меня, изобразить что-то несуществующее, чтоб развести на деньги. Всем вокруг наплевать, верю я им или не верю. Они просто делают свою привычную, слегка поднадоевшую, но необходимую работу и ждут, когда же до меня все дойдет.

То состояние шока, которое волной накрыло теперь, было мне в новинку – ничего подобного не приходилось испытывать раньше. Утонув в разрозненных переживаниях и груде бессвязных мыслей, я безучастно дал отвести себя куда-то переходами и лестницами, которые то и дело сменяли друг друга. Очнулся уже только в длинной, напоминающей коридор зале с низким потолком – то ли подвальное помещение, то ли просто похожее. Часть пространства занимали грубые деревянные столы, на которых было разложено всевозможное оружие, по стенам тянулись многоуровневые подставки с мечами всех форм и размеров.

– Вот, – с облегчением произнес парень. – Я сейчас отойду ненадолго. Господин Релиш, – обратился он к старику, выступившему из-за необхватной квадратной колонны. – Новому бойцу надо подобрать оружие, но он пока сам не знает, что ему нужно. – И, разведя руками, поспешил ретироваться.

«Экое точное определение», – подумал я.

Но взгляд уже прикипел к тому, что было разложено на ближайшем столе. Едва ли какой-нибудь мужчина может остаться равнодушным при виде такого количества разнообразных боевых штук, большей части которых он пока не знает применения, но если поднапряжется – придумает. Я к тому же всегда особенно любил холодное оружие, в первую очередь «компактное». Ножи – то, что по большей части было мне доступно раньше. Здесь же помимо ножей лежало такое огромное количество диковинных железяк, что глаза разбежались.

Ненадолго я даже забыл о случившемся. Нагнулся над столешницей – никто мне не препятствовал. Когда я разогнулся, Релиш смотрел на меня выжидательно.

– Каким оружием владеет боец? – осведомился он по-деловому. – Длинный или короткий клинок? Иное?

– Я вообще... раньше без оружия тренировался. Или с ножом... Что это такое? – Я ткнул пальцем в странной формы металлическую рогульку, оцетинившуюся острыми лезвиями. С другой стороны в конструкцию без проблем можно было запустить пальцы, как в большой кастет.

Смотритель арсенала озвучил странное и вместе с тем мелодичное название рогульки, после чего надел ее на руку и сделал несколько выпадов. Воздух взвизгнул в лезвиях, но так же коротко, как коротки были и взмахи. Развернувшись, мужчина, видимо, изобразил одну из исходных позиций для атаки этим оружием, после чего опустил руку.

– Некоторые бойцы предпочитают брать сразу два таких, но в этом случае требуется не только высокий уровень навыка, но и незаурядная координация.

– А это что?

– Это «когти». Используются для ближнего рукопашного боя. Эти – для боя на средней дистанции.

– Жестко. – Я вообразил себе применение подобной штуки в ходе рукопашного поединка. Можно себе представить, как такая штуковина может изуродовать человека даже после одного-двух удачных выпадов. По-видимому, здесь не знают, что такое гуманность. – А это?

– Разновидность боевого веера. Но подобные предпочитают женщины, он легкий и подвижный. Мужчине по руке такой. – Мне под нос сунули мощную конструкцию из заостренных металлических пластин, которая была похожа на что угодно, только не на веер. – Или такой.

– Э-э... Боюсь, мне слишком долго придется учиться обращаться с подобной хренотенью.

– Жаль. – Релиш внимательно посмотрел на конструкцию, что-то нажал и звонко собрал пластины в «брусок», будто настоящий веер. – Императору бы понравилось, он любит поединки на нестандартном оружии. Может, увидишь здесь что-нибудь более близкое для тебя? – И обвел рукой два соседних стола.

Остаток дня я провел в арсенале, перебирая самые не обычные предметы, которые здесь использовали в качестве оружия, или иное снаряжение. Время от времени в залу заходили другие люди, но они-то четко знали, что им нужно, быстро брали, раскланивались с Релишем и уходили. Смотритель спокойно и терпеливо показывал мне железку за железкой, ничем не давая понять, что он устал от меня или дожидаться уже не может момента, когда я наконец-то выберу нужную вещь и отвалю. Казалось, ему и самому доставляет особенное удовольствие перебирать свои сокровища.

В конце концов я остановился на нескольких ножах, кастете непривычной для меня формы, однако весьма удобном, и одной из тех штук, которую смотритель арсенала поименовал «малыми когтями». Штуковина крепилась на запястье и «наползала» на тыльную сторону ладони наподобие перчатки без пальцев. Режущие выступы смотрели от кисти, и действовать ею следовало осторожно. Но, прикинув, что мне с моими навыками штука может оказаться полезна, на руке сидит как влитая, почти неощутима, прихватил с собой.

В каморку меня проводил давешний парень. Я ждал, что он будет подкалывать меня: мол, смирился, гляжу? – но он молчал, видимо, решил не рисковать. В камере, которую язык не поворачивался назвать комнатой, меня ждало лишь два изменения – на топчане постельное белье с валиком вместо подушки и стопка одежды какого-то буро-зеленого оттенка, немного похожего на цвет полевой военной формы.

– Переодевайся и шагай в трапезную, – сказал мне мой «гид». – Я покажу.

– А не переодевшись нельзя?

– Хочешь внимание к себе привлечь? – усмехнулся тот. – Давай быстрее, я же жду. Между прочим, тоже не ужинал.

С тем, что с ходу ссориться с местными не стоит, я в целом был согласен. Поэтому, вздохнув, облачился в принесенную одежду.

Понятие «трапезная» у меня, как и у любого моего соотечественника, ассоциировалось в первую очередь с монастырями. Задумавшись об этом по пути, я вдруг осознал, что это лишь самый близкий аналог, который мое сознание подобрало к понятию чужого языка, понимаемому насильственно. Образ, который я воспринял в диалоге со своим собеседником, теперь скорее вызывал в сознании образ эдакой сводчатой залы с длинным столом-подковой, за которым сидят бородатые средневековые мужики и жрут все, что попадаете им под руку. Но для того, чтоб осознать это, надо было сосредоточиться на услышанном.

Зала оказалась примерно такой, какой я ее представил себе. Действительно сводчатая, не изобилующая окнами, но ярко освещенная таким же туманчиком, который стелился под потолком любого коридора здесь. За столами хватало места, я поискал было взглядом раздаточное окошко, но спутник потянул меня к свободному месту рядом с одним из больших блюд

с лепешками и хлебцами. Кивнул через стол на мрачного бородатого парня, зачерпывавшего корочкой соус из миски.

– Познакомься. Вот тоже чужак, из какого-то периферийного мира, тоже не хотел быть гладиатором.

– И не хочу, – буркнул тот, неласково глядя на моего «гида». – И не дергай меня, Аршум, а то как бы не зашибить.

– Давай, попробуй! – рассмеялся Аршум.

– Нарывайся, нарывайся. – Мужик засунул остаток корки в кудлатую бороду и несколько секунд усердно жевал. Потом перевел взгляд на меня. – Да, привыкай, парень. Тут вариантов все равно нет. Хоть жрачка приличная. Только не давай тут на себя плевать. Себя сразу надо поставить. – И, отодвинув миску, встал.

Ко мне и моему сопровождающему подошла полноватая девица с большим подносом, ловко поставила перед нами блюдо с мясом и миски с кашей – каждому. Оценивающе оглядела меня, но, судя по всему, моя внешность не слишком впечатлила ее. Она фыркнула, поправила платок, повязанный на волосы, и гордо прошествовала к выходу из залы.

Каша выглядела странно, не походила ни на одну из тех, что мне приходилось есть раньше. Я попробовал осторожно – ничего себе так, есть можно, особенно если перемешать с мясом и соусом из-под мяса. Посолено оказалось едва-едва, но на столе обнаружилось нечто похожее на солонку, с крупными солевыми кристаллами. Странно, похоже, здесь не принято было их дробить.

Аршум накинулся на еду так, словно проголодал пару дней. Он обращал мало внимания что на меня, что на других обедающих. Я же, ополовинив содержимое миски (порции здесь предлагали большие, уже хорошо), принялся разглядывать других ужинающих.

Здесь почти не было женщин, разве только в обслуге – девицы в балахонах, обмотанных по талии и бедрам длинными шарфами (кстати, выглядело ничего так, приятно посмотреть), с платками на голове. Обедающие мужики все разные, и не только внешне, но и по повадкам. Как-то на уровне ощущений чувствовалось, что здесь присутствуют далеко не только местные аборигены, но и множество ребят, которым здешние порядки так же непривычны, как и мне. Правда, судя по всему, они тут уже прожили какое-то время, чуток пообвыкли.

Неплохо было бы хоть с кем-то из собратьев по несчастью найти общий язык. Чем черт не шутит – вдруг сообщая мы сможем найти выход? Но сперва нужно осмотреться, сообразить, что к чему, сориентироваться в чужом пространстве.

Поэтому я отполовинил себе порцию мяса с блюда и взял хлеба. Уж что-что, а морить себя голодом я не собирался.

Хлеб оказался странным на вкус, но вполне съедобным. Мясо – даже вкусным.

Когда слева освободилось место, ко мне подошел и присел рядом молодой парень с ярко-белым шарфом на плече, со своей миской в руках.

– Привет. – Он очень странно, старательно артикулировал, но звучало понятно. Все та же магия, конечно. – Я тоже из чужаков. Меня захватили, когда я был в бегах от своего сеньора, и теперь дерусь здесь. Император любит жесткие бои.

– Что значит «жесткие бои»?

– Бои до конца. До смерти либо до серьезного ранения. Впрочем, бывают и исключения. – Он посмотрел на меня сочувственно. – Но гладиаторы здесь действительно живут неплохо. По крайней мере они не прислуга какая-нибудь. – Парень презрительно сморщил нос и оттопырил губу. – Они – бойцы!

– И это дает какие-нибудь бонусы?

– Не понял?

– Ну, привилегии есть какие-то?

– Естественно! Уважение!.. В рамках, конечно. – Он снова поскущел. – Все-таки здесь много знати бывает, разница чувствуется... Но к бойцам отношение особое. Тут не только те, кого захватили, но и те, кого купили в других мирах, или даже переманили сюда – отличные воины... Кстати, я отсюда три раза сбежал.

– И как? – искренне заинтересовался я.

– Да так... Никак. Выходишь за ворота, тебя сразу берут. И через черный ход пробовал, и даже с барбакана прыгал. Взяли на том берегу рва. Без толку. На нас на всех маячки, чтоб им особо не утруждать себя. Я и после боя пытался когти рвануть. С императорской виллы. А, все без толку.

– И на что надеешься теперь?

– Да всегда есть на что, – искренне удивился парень, после чего утер рот краем своего белоснежного шарфа. – В конце концов, если будешь выходить победителем из каждого боя, будущее тебе обеспечено.

– И что для этого нужно? Оказаться самым лучшим бойцом среди лучших бойцов из разных миров?

– Примерно так. – Он и сам уже смеялся.

Я с любопытством рассматривал собеседника, пытаюсь представить, из какого мира он родом. Явно не из того же, что и я, но подобное открытие стоит мало. О его родине я точно так же ничего не знал, как и об окружающем меня мире. И даже сформулировать первый вопрос не был готов. С чего тут можно начинать? Попросить рассказать о традициях? Но собеседник вполне логично поинтересуется – о каких именно? И здесь можно будет закопаться в разговор не на один час. Если, конечно, ему вообще сейчас будет что сказать, он ведь тут тоже чужак.

Глупо – подходить к чужому миру со своими мерками, но иного выбора у меня нет.

...Я долго не мог уснуть в ту ночь, ворочался на в меру жестком матрасе, и меня все не оставляла ярая надежда, что утром непонятное преобразуется в понятное, и чужой мир вместе с императором и странными, неведомыми традициями окажется лишь сном.

Когда меня разбудили, я не сразу осознал, где нахожусь и что вообще происходит.

– На тренировку, – хмуро сказал мой вчерашний невыспавшийся «гид». – Не знаю, как у вас, а у нас тренировку начинают с утра пораньше.

– Елки. – Я сел на топчане, поскреб затылок. – Блин... Полночи не спал.

– Зачем?

– Что за вопрос-то?! Не спалось.

– А помедитировать?

– В смысле?

– Если человек хочет спать или считает это необходимым, он может это сделать в любых условиях, главное – готовность сознания к этому. Так мне учитель всегда говорил.

Несколько мгновений я сосредоточенно рассматривал своего собеседника.

– Слышь, умник... Ты сам-то так умеешь? Так, как твой учитель говорил?

– Не особо... Раз или два получилось.

– Ага, когда само спалось, даже на ходу... Так чего с советами полез? Станешь гуру, приду к тебе учиться.

Аршум усмехнулся – он явно не был расположен спорить, тем более с утра пораньше. Но снисходительности во взгляде немного поубавилось – должно быть, решил, что я не стою его усилий.

– Где будешь тренироваться? Есть площадки под открытым небом, есть свободные тренировочные залы. Поскольку император любит необычные бои, мастер считает, что ты должен тренироваться так, чтоб этого никто не видел. Ну, само собой, противника своего ты тоже не увидишь до самого боя.

– А с кем я, интересно, буду тренироваться? – весело изумился я.

– Тебе дадут напарника из бойцов, которые не выступают, а только тренируют. И тренировочного демона, чтоб ты мог себе сконструировать подходящего противника. Маги помогут. Так чего ты хочешь больше?

– Давай под открытым небом. Для начала.

– Идем.

Глава 2

Ненастоящий гладиатор

Пространство, отведенное для тренировок, восхитило меня. Даже безотносительно того раздражения, которое появлялось в ответ на уверенность окружающих, будто я стану послушно выполнять требования местных шишек. То, что мастер и его помощники, казалось, даже не задумывались об алгоритме действий на случай, если я скажу: «А вот хрен вам!», угнетало и действительно лишало воли к сопротивлению. Выполнение всех требований начинало казаться единственной возможной реальностью.

Но истины ради пришлось признать, что бойцам здесь создавали все возможности для совершенствования. Тренировочный демон, оказавшийся человекообразной скотиной с твердокаменной шкурой, действительно программировался буквально на что угодно, даже на противодействие приемам боевого самбо, о котором здесь никто не имел представления. Сперва маги не могли понять, чего я хочу, но после того, как я пару раз без напряжения кинул одного из таких чародеев через плечо, понимание вдруг пришло, и демон стал действовать отменно.

О том, как трудно кинуть через себя стокилограммовую тушу, при этом гибкую, поджарую и очень подвижную, я предпочитал молчать, когда мастер спрашивал меня, все ли устраивает.

А что можно было возразить? Первые дни работы с демоном я заподозрил, что в момент перехода из мира в мир потерял все предыдущие навыки. Тварь, которую я сумел наконец-то правильно отрегулировать с чужой помощью, никак не давалась, хотя тело мое двигалось по-заученному, само собой. Потом я сообразил, что чем труднее придется на тренировке, тем выше шанс на победу, и немного подуспокоился. Пусть сейчас ничего не получается – получится потом.

Тем более сейчас речь идет о жизни. Причем в куда большей степени, чем полгода назад, когда я еще служил в армии.

В свете нынешней сомнительной перспективы те времена казались мне абсолютно спокойными и даже радужными. Сейчас я словно бы балансировал над пропастью, не зная, что безопаснее – оставаться на месте или шагать вперед? Что мне делать в сложившейся ситуации?

Мне постарались сразу дать понять, что побег невозможен, причем такими методами, которые доходят лучше всего, потому что косвенны. Пару раз маги, по утрам проверявшие отданного мне в пользование тренировочного демона, прикасались какими-то своими камушками на цепочках к моему предплечью, обхваченному кожаным браслетом. Под него при всем желании и самых упорных усилиях не получилось запустить палец, и это уже вызывало тревогу, хотя браслет совершенно не мешал и не ощущался.

Каждый раз камушек вспыхивал голубоватым, и меня оставляли в покое. Но уже и одного раза хватило, чтоб увериться – штукавина магическая, висит здесь не просто так. Я мог побиться об заклад, что местные чародеи смогли бы присобачить на меня маячок совершенно незаметно, и никто никогда бы не догадался, где именно он располагается. Но его зримое воплощение здорово остужало порыв рвануть из замка куда угодно, лишь бы подальше.

Магии здесь вокруг было полно. Местные обыватели пользовались ею так же привычно, как мои сородичи пользуются бытовой техникой. С теми элементами магии, которые попадались мне на пути, я освоился довольно быстро, должно быть, именно потому, что всю жизнь рос в окружении приборов, на которых просто надо было нажать пару кнопочек в нужном порядке. Выходцам из миров, где о бытовой технике, равно как и о магии, не слышали, приходилось намного сложнее.

С утра пораньше, придя на отведенную мне открытую площадку на крыше одного из тренировочных залов, я первым делом как следует разминался, наслаждаясь чистым воздухом,

мягким солнцем (в середине дня его свет переставал быть ласковым и шпарил уже с такой злобой, словно мстил за что-то) и одиночеством. Потом подходил к застывшему в уголке демону и жестом пальца перед грудью пробуждал его. Существо несколько мгновений рассматривало меня выпуклыми черными глазами, коротко кланялось и занимало исходное положение.

В середине дня, когда становилось слишком жарко для тренировки, а купаться по какой-либо причине не хотелось, я поднимался на одну из башен замка. К самой высокой никого из бойцов не подпускали, зато одна из боковых была нам доступна в любое время. Конечно, не так легко было преодолеть чуть меньше трехсот ступеней вверх по винтовой лестнице, но зато в тисках каменных стен прохлада сохранялась даже в самое жаркое время дня. Поэтому, воспринимая этот подъем как одну из тренировок, да еще и в приятной прохладе, я взбирался на самый верх, на террасу под черепичной крышей.

Оттуда были видны лес и противоположный берег широкой реки, один из притоков которой обхватывал замок с двух сторон. Эта махина, не иначе как авторства архитектора, большого гигантоманией (донжон в высоту насчитывал уж никак не меньше ста метров), располагалась на скальном основании, лишь отчасти оставляющем внизу лиственный лес. Внешний круг стен с высоты в добрых шестьдесят метров (а может, и больше) казался несолидным, но стоило подойти поближе, и появлялось уважение к усилиям каменщиков и инженеров. Такие стены не станешь штурмовать от нечего делать.

А уж внутренний круг стен заставлял сомневаться, не исполняет ли такая высота скорее функцию «попонтоваться», нежели защитную. Иначе зачем возносить ее так высоко, и меньшую высоту уже будет не штурмануть особо. Однако, припомнив, что мир здесь магический, и может быть своя военная специфика у каждого тактического и стратегического приема, я не стал никому задавать ехидных вопросов. Просто любовался с высоты почти птичьего полета на лабиринт внутренних двориков, кишачих людьми-муравьями, на галереи и террасы, опоясывающие соседние башни в нижней и средней их части, на плоские крыши жилых корпусов, где тоже шла своя обыденная жизнь, для меня еще пока слишком экзотическая.

Впрочем, я и не рвался осваиваться с местными традициями, вживаться в среду. Не было ни желания, ни – как мне казалось – смысла. Я не задумывался о том, как смогу вернуться к себе на родину, когда это произойдет. Даже теоретически мне не приходило в голову, что я могу остаться здесь навсегда. Слова о конфигурации миров иной раз всплывали в памяти, но почти сразу вылетали прочь как явно невозможные. Мне как-то не приходило в голову, что я считаю невозможным то, в возможность чего просто не хочу верить.

За две недели жизни здесь, за две недели тренировок я успел познакомиться лишь с крохотной частью замка, научился отыскивать путь из своей каморки в обеденный зал и залы для тренировок, да еще пробираться через вязь коридоров и внутренних двориков к одной из калиток, ведущих сквозь внешнюю стену на берег реки. Там разрешали купаться. Переплыть реку, наверное, тоже возможно. Но толку? Противоположный берег не был пустынным, там раскинулся поселок, на берегу теснились причалы и лодки, да и все на виду. Даже проверять не хочется, особенно после того, как мой новый приятель, Руйш – тот самый, не снимавший с шеи шарфа даже в воде, – проделал на показ такой эксперимент.

По его словам, раньше два раза незнамо откуда взявшиеся солдаты ловили его на том берегу, стоило ему выбраться из воды. Теперь же из калитки почти сразу выглянул один из местных чародеев, без спешки спустился к самой воде, терпеливо дождался, когда Руйш доберется до противоположного берега, сделал какую-то сложную манипуляцию руками, и моего товарища по несчастью протащило прямо по воде в обратном направлении, причем на приличной скорости. Выкинуло на песок.

Пару секунд маг спокойно наблюдал за тем, как его жертва, извиваясь, откашливается и отплывывается на берегу, после чего развернулся и ушел обратно в замок. Просто и доходчиво.

Я лишь хмыкнул ему вслед.

– Они что, за нами постоянно следят?

– Получается, – выхрипел из себя Руйш. Стащил с шеи чудом удержавшуюся там мокрую тряпку, прокашлялся в нее. – И жаловаться-то не на что... От ведь!..

Да, жаловаться действительно было не на кого и не на что – нас ведь предупреждали. Сбежать же ночью и вовсе было невозможно – после заката, когда закрывались внешние ворота, нашего брата дозор не допускал даже на внутренние стены. Хочешь любоваться окрестностями – поднимайся на башню. А оттуда можешь хоть птичкой порхать. Здесь разве что могло иметь смысл искать подземный ход, но по законам фортификации моего родного мира он должен был начинаться откуда-то из донжона. Так что эту идею я оставил сразу.

Оставалось лишь тренироваться и уповать на свою счастливую звезду.

А еще через неделю ко мне подошел мастер.

– Как оцениваешь свою форму?

– Серединка на половинку, – переводя дух, ответил я.

Последний залихватский бросок дался мне с особенным трудом. Демон, скотина, оказался самообучающимся, и теперь то и дело норовил перехватить и швырнуть меня. Правда, получалось у него пока так себе, но недостатки техники старался возмещать силой и напором, далеко превосходящим возможности человека. В подобных случаях приходилось иногда уступать и лететь на пол, чтоб не оказаться со сломанной рукой.

– Вот завтра и посмотришь, – невозмутимо отозвался тренер, чьего имени я так пока и не удосужился узнать. – Завтра у тебя бой.

– Вот так прямо сразу завтра?

– Что не так? Или ты рассчитывал, что я сообщу тебе о бое за несколько дней?

– Неплохо было бы, между прочим.

– Свое желание его величество высказал сегодня. Я знаю его вкусы, но предугадывать желания не могу.

– А если бы он пожелал бой вот прям шас?

– Ты бился бы прямо сейчас. – На меня смотрели безмятежно и спокойно, как, наверное, смотрят боги, а еще абсолютно счастливые люди, занимающие в мире то самое место, которое только их и дожидалось. Спорить с ним было так же бессмысленно, как и со скалой. – С самого первого дня здесь ты должен был готовиться к этому, – добавил он. – Времени было достаточно...

Мне показалось, что этих трех недель просто не было. И проблема не в физической подготовке – я никогда еще не пребывал в настолько великолепной форме. Просто я вдруг понял, что совершенно не готов быть гладиатором.

Я мог представлять себе, как это все должно выглядеть, разве что по прочитанным книгам, по кино – не более того. Не так-то просто было представить себя на месте подобного существа – я ведь не представлял, какие они, чем живут, о чем думают, выходя перед боем на арену... Почему-то именно так я себе представлял – арена, трибуны, полные тщедушных орущих людей, песок под ногами, рев хищников где-то за спиной и противник, лицо которого скрыто кожаной маской. Почему – не знаю.

Эти мысли вцепились в меня мертвой хваткой, от их близости перехватывало горло и начинало душить. В какой-то момент мне показалось, что перестает хватать воздуха, и, подхватившись, я понесся вверх по лестнице на самую вершину башни, на открытую террасу. Там уже стоял кто-то из малознакомых мне бойцов, прижав к себе статную, податливую, но при этом замотанную в платки от пяток до затылка девушку – видимо, из obsługi.

Правда, заметив меня, парочка очень быстро исчезла, и я остался на террасе в одиночестве. Омываемый ароматным ветром (да, здесь вам не тут, свежие выхлопные газы и «ароматы» помоек остались на родине), я ненадолго забыл, зачем я здесь, и просто стоял, вдыхая воздух, просто любовался на уходящее за горизонт солнце, на переливы цвета в перьях обла-

ков. Отсюда земля казалась умопомрачительно красивой – ничего неприглядного, лишь моховой ковер леса, серое мутное зеркало реки и ее притоков, крохотные сельские домики и игрушечные кораблики на берегу.

Мне казалось, что я оказался в сказке. Однако эта сказка готова была вот-вот обернуться самой что ни на есть реальной реальностью. Осознание подкрадывающегося будущего сбило нафиг весь благодушный настрой. Что делать-то? Послать нахрен всю эту кодлу, пусть сами дерутся? Отличная идея, только в этом случае шанса у меня не будет вообще никакого. Здесь с техникой боевого самбо никто, кроме моего тренировочного демона, не знаком. Значит, есть шанс остаться живым после боя.

Попробуем его сыграть?

А у меня есть иные варианты?

Я несколько раз глубоко вздохнул, словно хотел унести с собой побольше этого чистого прозрачного ветра, и стал без спешки спускаться вниз. Отыскал путь в обеденную залу, с аппетитом поужинал и прихватил с собой пару свежих булок, чтоб съесть перед сном.

Аршум остановил меня у выхода.

– Спустись в арсенал, скажи, какое оружие тебе к завтрашнему дню будет нужно.

– Все, что мне нужно, у меня есть.

– Ну, смотри... А ты молодец! Спокойный. Другие в первый раз психуют, вибрируют перед боем. А ты как скала – погулять, поесть...

– Отвянь. – Это было последнее, чего мне хотелось сейчас, – разговаривать с ним.

– Ладно, ладно, станешь крутым гладиатором, будем все на тебя снизу вверх смотреть!

Кто-то засмеялся за моей спиной, но неизбежно, скорее так, для разрядки. Я впервые подумал, что нервы тут могут пошаливать у многих, ведь здесь было много «чужаков», и часть из них в новой, непривычной для них роли держалась не без усилий. Но своя рубашка в любом случае ближе к телу – сейчас меня больше волновало собственное будущее, чем чужие чувства.

Впрочем, спал я в эту ночь «с аппетитом». Давно так не спалось.

А утро разнообразием меня не удивило. Все та же тренировка, сперва в одиночку, потом с демоном, такой же завтрак, как всегда, немного свободного времени...

– Император будет смотреть бои на вилле, – сказал мастер, не поленившись подняться на вершину облюбованной мною башни. – Вечером. Сегодня больше не тренируйся.

– И не собирался.

– Идем, я покажу тебе, где ждать переезда. Через два часа будь готов и жди внизу.

– Всегда готов, – со злобой отозвался я.

И поднялся в свою каморку, чтоб еще раз проверить оружие.

Опыта в обращении с «когтями» у меня пока было немного, но оружие казалось настолько удобным, что, поколебавшись, я все-таки решил взять их с собой. Прихватил и каскет, Впрочем, скорее по принципу «на всякий случай». Нож на пояс, это уж само собой, хотя бы для солидности. Странное ощущение пустоты – нет ни опаски, ни ожидания чего-то необычного. Собираешься как на постылую работу или в магазин, например.

Внизу, в одном из внутренних дворов побольше, посвободнее, я ждал не один – со мной вместе в ожидании топтались еще несколько бойцов, кого-то из них я знал, с кем-то лишь изредка сталкивался на обеде или ужине. Большинство держались спокойно, даже равнодушно – они были опытнее, чем я. Обнаружился здесь и Руйш, Впрочем, под определение новичка он не подпадал, я знал, что у него уже было два успешных боя.

– Ты можешь мне рассказать, как все это выглядит? – вполголоса поинтересовался я у приятеля.

Руйш развел руками.

– Да никак особенно не выглядит. Приводят в залу, где куча гостей и сам император, а иногда гостей нет, а есть только одна из императорских наложниц или вообще никого, кроме

него. Потом ты первый раз видишь своего противника, потом начинаете драться. Дальше как повезет. Ты главное императору не удивляйся. Он не совсем человек.

– В смысле? А кто?

– Как я понимаю, наполовину демон.

– Настоятельно не рекомендуется обсуждать императора, даже между собой, – холодно бросил стоявший рядом с нами маг, которому предстояло нас сопровождать.

Недоумение и любопытство душили меня, но намек не стоило пропускать мимо ушей – таков был тон, очень узнаваемый для российского человека.

А потом из арки внезапно выплыло длинное гибкое чешуйчатое тело, и я не сразу заметил у него сложенные веером крылья, плоскую вытянутую голову и небольшой гребень. Я вообще сперва ничего не заметил, кроме массы бурой матово блестящей плоти, описавшей двор неровным кругом, заключившем нас в петлю. Стоявшие рядом со мной бойцы реагировали на это явление с безмятежным спокойствием, поэтому я, сперва напрягшись, снова расслабился.

Потом пришлось прилаживаться к странной формы седлам, не слишком-то, как выяснилось, удобным, потом пристегиваться, а потом еще и вцепляться в выступающую луку, потому что существо взяло с места слишком уж резко. Мимо промелькнули ворота, потом еще одни, и я почувствовал себя словно в скоростном поезде, в одночасье лишившимся и крыши, и стен. Плавное извивавшееся длинное чешуйчатое тело миновало мост, не касаясь мостовой, проскользнуло над луговой травой и втянулось в лес, где меж мощных стволов под раскидистыми, высоко вознесенными кронами хватало места для живого «транспортного средства».

Ящер лавировал меж деревьями, ловко подбирая крылья, а я почему-то вспомнил фильм «Звездные войны», шестой эпизод, великолепную гонку на спидерах сквозь чащу. Стало жутковато, хотя происходящего впереди я практически не видел, потому что ехал, уткнувшись взглядом в спину Руйша. И еще до того, как успел перенервничать до окостенения, зверюга вдруг вильнула влево, впритирку к опушке леса, взмыла по скальному склону, словно по горке, перетекла по каменному мосту на другой берег широкой реки, похожей, впадающей в море. Еще несколько минут пути то вверх, то вниз по петляющей меж красивых рослых деревьев вдоль дороги – и вот наконец-то кольцо каменных стен, пониже и подекоративнее, чем замковые.

В первом же дворике животное опустилось на землю, сложило крылья и повернуло голову, словно хотело проследить, что все мы слезли, никто не зацепился за чешую или луку. Погонщик – мужик, замотанный в черные тряпки по самые глаза – без спешки разбирал поводья, рядом с ним ждал сопровождавший нас маг. Только теперь я разглядел это существо – по сути, огромная ящерица с удобно-плоской спиной и крыльями, совершенно не соответствующая моим представлениям о драконах.

– Идем, – сказал мне чародей. – Засмотрелся...

Комната, в которую нас привели, оказалась на вид довольно уютной – диванчики, столики, на которые статная девушка в чем-то легком, но, к сожалению, многослойном, принесла два подноса с прохладительными напитками, мелкое печенье на блюде, приволокла таз и огромный кувшин с водой. Двое немедленно рванули к тазу и принялись усердно умываться, отфыркиваясь, будто приехали не на виллу, где судьба разыграет в рулетку их жизни, а в баню.

Я уселся на один из диванчиков и уставился в окно. Узорная решетка выглядела очень изящно, но все равно намекала на отсутствие пути к отступлению. О том же напоминал и сопровождающий нас маг, торчащий у входа со скучающим видом. Вышел он из комнатки лишь на пару минут, и то никто кроме меня не обратил никакого внимания на этот факт. Умывающиеся отфыркивались, еще трое со вкусом тянули прохладное питье из высоких стеклянных стаканов, Руйш хрустел печеньем и алчно поглядывал в окно, за которым всюду шуршали под ветром цветущие кусты.

Заглянув в комнату, маг махнул мне рукой.

– Иди. Тебя ждут.

Та беломраморная лестница, по которой мы поднимались, восхитила меня даже сквозь стиснутое напряжением горло и затуманенный взгляд. Великолепие интерьеров, искусно подобранные оттенки мрамора, отделка ярко начищенным металлом, изысканнейшие подсвечники, каждый из которых был увенчан облачком магического света, скульптуры и драпировки из шитых золотом и серебром тканей – рядом со всем этим интерьеры Эрмитажа и прочих царских дворцов жалко блекли.

Если бы не предстоящий мне бой, я, наверное, задержал бы шаг, чтоб полюбоваться всей этой красотой. Сейчас на любованье уже не хватало душевных сил, и я лишь отметил для себя, как восхитительно все вокруг, и если будет потом возможность и желание, неплохо бы присмотреться повнимательнее.

Мне снова пришлось ждать в крохотном закутке с диванчиком и столиком, рядом с офицером в местной своеобразной форме, похожей на дикую помесь японского национального костюма и бедуинского наряда, но при этом вполне официозного на вид. Офицер посматривал на меня с подозрением и, хотя я ничего не спрашивал, довольно резко предложил мне ждать, когда император пожелает смотреть бой.

Император пожелал смотреть бой слишком скоро. В комнатку заглянул еще один чопорный мужик в тряпках и с жезлом (я уже успел понять, что местные военные чины таскают при себе знаки своей власти, и не всегда это оружие, иногда – просто выразительные штучки-вины, в бою бесполезные, символы власти, не более) и, бегло оглядев меня, велел:

– Сними рубаху.

– Зачем? – удивился я.

– Делай, как сказано, – негромко, но зло рявкнул первый офицер, сузив глаза.

Мне остро захотелось начать поединок прямо здесь и назначить себе противника самостоятельно, тем более что «когти» уже были пристегнуты к запястьям. Наверное, что-то такое появилось в моем взгляде, потому что крикун выдернул из-за пояса свое оружие – окованный металлом короткий шест – и слегка пригнулся.

– Парень, делай, что тебе говорят, – устало бросил маг, видимо, на всякий случай подворачивая манжету и открывая простенький ободок браслета. Я готов был побиться об заклад, что это магическая штучковина, при помощи которой он справится со мной в два счета. Поэтому опустил руку и, поколебавшись, все-таки разделся по пояс. С раздражением заново затянул ремешки на запястьях. Побуждение сказать что-нибудь в адрес императора, любящего пялиться на обнаженные мужские торсы, все же предпочел проглотить – мало ли, какую это вызовет реакцию.

Меня попытались подтолкнуть в спину, но я уклонился, пропустив чужую руку мимо плеча, и сделал поспешный шаг вперед, в залу, роскошнее которой мне видеть не доводилось. Вместо одной из стен – череда арок, закрытых резными экранами, выполненными то ли из стекла, то ли из какого-то прозрачного камня вроде хрусталя. В гранях экрана свет переливался мягко и так завлекательно, что от этой игры почти невозможно было отвести глаз.

Противоположная стена была отделана колоннами с серебряными капителями в виде волн, и продолжающие их «пенные барашки», украшенные искристыми вставками, закрывали собой потолок. В складках отделки теснились облачка магического света, создавая эффект настоящего бурного моря над головой – такого нечего было и думать добиться известными мне техническими методами.

В зале стояло три стола, один повыше, два пониже, и за ними пировали мужчины и женщины, разодетые по местной моде. Женщины были слишком прилизанные, слишком красивые и изысканные, мужчины с давней привычкой смотрели не на меня, а сквозь меня, точно так же, как они взглядывали сквозь прислугу, беззвучно снующую туда-сюда с подносами и кувшинами. Императора среди них я с ходу не успел разглядеть, приглядываться же не решился.

Я и так с трудом заставил себя отвлечься от красоты и великолепия интерьеров, и теперь поспешил взглядом оценить доступное мне пустое пространство. Что ж, если быть осторожным, то места должно хватить. Главное не влететь в хрустальный экран, не запнуться ногой о возвышение, откуда уже начинается «гостевое» пространство, не подцепить спиной вон ту жаровню, на которой, похоже, разогревают некоторые блюда.

Осмотрелся я вовремя – из противоположного входа выступил парень, тоже раздетый по пояс, как и я, сжимающий в руках короткие клинки. Лицо его мне не понравилось, может, потому, что он смотрел на меня, словно на кусок балыка, который надо срочно напластовать.

На залу опустилась относительная тишина, краем глаза я уловил, что большинство гостей смотрят на нас. Мой противник слегка пригнулся, а потом вдруг ринулся на меня, словно пловец в слишком холодную воду. Двигался он очень быстро, я едва успел отскочить с его дороги, уходя заодно и от сметающего взмаха клинками. Развернулся, но слишком медленно, и пришлось падать назад и вбок, уходить в перекат.

Противник мой явно обрадовался этому факту и прыгнул следом, похоже, надеясь просто затоптать меня и добить вдогонку. Извернувшись, я толкнул его плечом в ногу. Не так удачно, как хотелось бы, парень рухнул, но тут же вскочил на ноги. Правда, это промедление дало и мне возможность подняться на ноги, и не просто подняться – подготовиться. Даже нож на поясе успел поправить, чтоб при случае было удобнее его выдергивать.

Мы сцепились в опасной близости от хрустального экрана, но сделать с этим я в первые моменты боя не мог ничего. Противник рвался к моему горлу с такой яростью, словно я был причиной всех его бед в этой жизни, и это вызывало недоумение: он реально не в курсе, что мы все здесь – невольники императорского каприза?

Пришлось перехватывать его за локоть и уводить в сторону от себя, чтоб дальше хлопнуть по загривку, сдобрить это пинком в пятку и опрокинуть мужика на пол. Ножей его я не боялся. Я давно уже отвык бояться оружия в руке своего противника – при должном навыке обращения с собственным телом человек вполне способен противопоставить голые руки ножу. Огнестрельному оружию – уже вряд ли, но здесь и не было огнестрельного.

Парень, даже имени которого я не знал, с ненавистью смотрел на меня. Его правую руку с ножом я отвел в сторону четко, как на тренировке, а вот левую уже не успевал. Поэтому обошелся левым «когтем», в большей степени защищающим тыльную сторону ладони, нежели действующим как оружие. То есть оружие из него тоже получилось бы. Вроде хорошего кастета.

Оно и получилось. Несколько секунд мой противник пытался зацепить меня одним из своих клинков, приободренный, похоже, моей пассивной тактикой. Да, ножами он владел неплохо. Но не было в его движениях чего-то более важного... Определенно, собственным телом он владел чуть хуже, чем оружием. Я попытался подхватить его ритм, едва не заполучил порцию металла в бок, ушел в перекат, проехался по полу и чуть не врезался головой в ножку одного из нижних столов. Что-то весело прогрохотало мимо меня – кто-то выронил из рук поднос с посудой.

Боец с восторгом рванул следом за мной – у него на лице была написана уверенность, что вот теперь-то до моей крови он доберется в считанные мгновения. Я бы почувствовал к нему презрение, если бы у меня было на это время – не надо быть профессионалом, чтоб выиграть бой против более опытного, но отвлекшегося противника. Для этого нужна только удача.

Один из ножей мелькнул перед глазами – неплохой выпад. Я развернулся и пнул парня пятками в бедро. Пнул на выдохе и правильно, поэтому его отнесло от меня. Боец споткнулся на слуге, который кинулся убрать с дороги упавший поднос, но, к сожалению, не навернулся, сумел сохранить равновесие.

Я нагнал противника в два прыжка и поставил ему, развернувшемуся в панике, скользящий блок, на который он попался, как начинающий. Дальше привычно развернул его вместе с собой, поймал вторую руку с ножом... Неудачно. Парень не промах, присел, нырнул, осво-

бождаясь от моего захвата, и пришлось отшатываться, теряя преимущество, чтоб в обратном взмахе он не смог зацепить меня ножом.

Мы схватились в очередной раз – руки и ноги мелькали, уследить за действиями противоположной стороны было немыслимо, даже если привык читать ритм чужих движений по плечам. Поэтому в этой схватке в большей степени приходилось полагаться на опыт тела, вдолбленный в мускулы годами обучения. Уже отшвырнув противника от себя, я осознал, что по ходу дела сумел найти способы противодействовать каждому из его приемов, причем все это прошло мимо сознания. И получилось как-то само собой.

Очередной рывок в мою сторону – я на рефлексе отшагнул и подставил ногу. Запнувшись, он все-таки попытался пырнуть меня клинком, пришлось перехватывать его руку, и не правой, а левой, блокируя на таком расстоянии от себя, чтоб не рисковать. Парня повело за собственной рукой. Буквально на мгновение перед глазами у меня появилась его шея, и движение правой рукой, рубанувшее «когтем» по незащищенной плоти, получилось неосознанно. Так же машинально я отскочил в сторону и пропустил мимо себя упавшего, зажимающего глубокую рану в шее человека.

– Добивай его, – приказал мне один из офицеров, на которого я до того не обращал внимания и потому, считай, не видел.

Смерил его взглядом, в который, кажется, вложил многое из того, что уже успел передумать и перечувствовать за последние четыре недели. Ноль реакции. На языке вертелись сразу два возможных ответа: «Добивай сам, козел» и «Пошел на хрен», поэтому я не успел сказать ничего. Один из мужчин за «верхним» столом поднял голову и сделал какой-то жест – тот самый офицер поспешно поклонился и, подхватив недобитого под локоть, сам выволок его из залы.

Этот мужчина на первый взгляд мало отличался от других мужиков, сидевших за одним столом с ним. Ни рогов, ни чешуи, ни хвоста... Впрочем, если он хвостат, я этого видеть не мог, разве что под стол заглядывать, под уложенные пышными складками белоснежные скалтерти. Да, чуть более смугл, чем другие, с жесткими чертами лица, с очень бедной мимикой... Вернее, она у него практически отсутствовала. В тот момент, когда он перевел на меня взгляд, я, вздрогнув, понял, что мимика ему без надобности – все то, что выражают мускулы человеческого лица, вполне могли выразить эти глаза.

Одного его взгляда вполне хватило для того, чтоб поверить, что в жилах этого человека течет изрядное количество нечеловеческой крови.

– Иди, – миролюбиво окликнул меня другой офицер, и я пошел, машинально проверив, не потерялся ли где-нибудь мой нож.

В комнате, куда меня отвели (здесь отыскалось все, что только может понадобиться сразу после боя – новая одежда, лохань и два кувшина с теплой водой, накрытый стол, напитки, удобная кушетка и глубокое кресло возле окна), я первым делом насухо вытер правый «коготь», прощупал все ремешки, которыми он крепился к руке. Удобная штука, оказывается. Правда, не слишком-то гуманная. Похоже, в этом мире вообще мало гуманности. Не доросли пока.

Отложив оружие, я наклонился над блюдом с закусками. Все очень красиво разложено, хотя и видно, что для гладиатора собрали на одной огромной тарелке все то, что для больших господ распределяют по разным, – тут тебе и рыба, и мясо, и особым образом приготовленные овощи, и икра, и сыры, и перченый соус в вырезанных чашечками ломтиках фруктов. С местной изысканной кухней я еще не сталкивался (повседневная была настолько проста, что к ней легко было привыкнуть), поэтому первый ломтик отправлял в рот с огромной опаской. Оказалось необычно, но довольно вкусно. Уже через минуту я усердно наворачивал рулетики из пластинок печеной репы и ветчины, макая их в соус.

Очень нескоро отворилась дверь, и сопровождавший нас маг ввел в комнату еще одного бойца, который шагал неуверенно, пошатываясь, усадил его в кресло. Осторожно ощупал забинтованное плечо.

– Все нормально?

– Да, порядок, – слабо ответил гладиатор. Он был бледен почти до синевы. – Уже не болит.

– Добро. Будет болеть или кровить, скажешь парню за дверью. Он позовет меня. – И, отстраненно взглянув в мою сторону, чародей вышел.

– Эй, брат, не плеснешь мне вина? – спросил раненый, неловко двигая рукой. – Вот из той бадьи.

– Думаешь, стоит тебе глушить? – Я наклонил тяжелый серебряный кувшин над кубком. Аромат напитка скоро добрался и до меня. Похоже, напиток был стоящий, надо попробовать.

– Самое верное дело, чтоб кровь возродилась в жилах. Благодарствую. Заверни мне кусок мяса в лепешку, не сочти за труд. Вот того... Благодарю.

– Трудный был бой?

– Не слишком-то. Но, видишь, слегка неудачный. Впрочем, мне повезло больше, чем моему противнику. – Парень радужно усмехнулся, продемонстрировав великолепные зубы. – Царапина-то заживет. А твоему другу вообще не подфартило.

– Что? – Я не сразу сообразил, о ком вообще можно было так сказать.

– Руйшу. Руйшу не выгорело.

– В каком смысле?

– Да ни в каком. Убили его. Я видел, как выносили тело.

До меня эта информация дошла лишь с большим запозданием. Я успел что-то промычать в ответ, кивнуть головой, сделать лицо, которого, как мне казалось, собеседник ждал от меня... Потом он стал рассказывать что-то о своем бое, а я вдруг осознал, что же такое услышал...

И из головы разом вылетели и впечатления от собственного боя, и интерес к чужому. Руйш, парень, так настойчиво пытавшийся сделать отсюда ноги, не сумел выжить. Наверное, он чувствовал, что для него все это веселье хорошим не закончится, поэтому так упорно пробовал каждую возможность убежать, которая только ему представлялась.

Стало холодно и неприятно, еда потеряла вкус. Я попробовал вина и даже оценил тонкий его букет, но никакого удовольствия не получил. Отдых и расслабленность упорно перешибало одно веское соображение: почему я сегодня остался в живых? Потому, что повезло. Ну да, Руйшу тоже два раза везло. Или три, не помню. Я ведь дерусь не так, чтоб хорошо. Хреновенько дерусь, особенно если сравнивать меня с мастерами. Как мне должно везти, чтоб выживать и в будущем?

Вот только что тут можно сделать? Сбежать Руйшу не дали, не позволят и мне. Остается только тренироваться и научиться драться так, чтобы мои шансы стали хоть чуть больше. Даже если этого будет недостаточно, лучше умереть сражаясь. Просто лечь и давать себя добивать слишком страшно.

Жалко Руйша. Не выразить, до чего жалко.

– А что, здесь всегда кого-то из пары убивают? – спросил я, прервав рассказ раненого о каком-то бое год назад, в ходе которого умерли все, и довольно быстро. Глаза жгло, и казалось, что если перевести ощущения в разговор, с собой проще будет справиться.

– Почти всегда. Иногда император приказывает биться не до смерти, но это бывает очень редко. Или какую-нибудь из своих наложниц спрашивает, хочет ли та, чтоб проигравшего доби́ли. Некоторые из них иной раз просят пощадить.

– И щадят?

– Ну, в таких случаях да. Но это очень редко происходит. Не стоит на это рассчитывать.

– Я и не рассчитываю, – буркнул раздраженно.

В открытую дверь завели сразу двух парней из тех, что прибыли сюда с нами. У одного была перебинтована голова, но смотрел он весело и сразу же первым делом кинулся к лохани с водой. Потом – к кувшину с вином.

– Уже три трупа, между прочим! – радостно сообщил он, оторвавшись от горлышка. – И не знаю, вытянет ли последний. Может, станет четвертым.

– Ты оптимист, – протянул раненый, вяло поднимая глаза.

– Ну так что ж... Лучше они, чем мы.

– «Мы» – это кто?

– Ну кто-кто... Я, например. Блин, каждый раз прямо чувствуешь, как это классно – жить! – воскликнул «весельчак», запуская руку в блюдо с остатками еды и копаясь там, словно в каких-нибудь огрызках или отбросах. Я порадовался, что уже наелся. – Вот почему я люблю эту работу! Вот почему!

– Мы прониклись уже, – огрызнулся третий, не раненый, судя по всему, мало расположенный болтать или чему-либо радоваться. – Заткнись, наконец.

– А ты чего с похоронной рожей, будто мать родную закопал? Мы ведь живы, что это для тебя – горе, что ли?

– Я не собираюсь ничего тут с тобой обсуждать. Понял? Отвяжись.

Мне оставалось лишь отвернуться и всем дать понять, что этот разговор не только меня не касается, а я его не слышу. Пожалуй, я понимал обоих – и развеселившегося, и обозленного. У всех своя реакция на крайнее напряжение и встречу со смертью лицом к лицу.

Я сам себе удивлялся и в тот день, и в последующие. Мое спокойствие казалось мне странным, даже в чем-то ненормальным, но с другой стороны, я был рад, что способен оценивать происходящее с холодной беспристрастностью. Трезвая оценка всегда намного полезнее эмоциональной.

Видимо, это просто шок. Я впервые вот так, просто, безыскусно и стремительно, терял знакомого, почти успевшего стать другом.

Слегка удивило, что по возвращении в замок (на спине все того же чешуйчатого существа с крыльями) меня отвели не в прежнюю скучную каморку, а в другую комнату, побольше, неплохо обставленную, с дверью без запоров снаружи, зато с небольшой задвижкой изнутри. Здесь обнаружили даже портьеры на окне, расположенном иначе, чем в прежнем закутке тюремного вида – в него хотя бы можно было выглянуть. Теперь я мог спать на настоящей кровати с мягким матрасом, сидеть в мягком кресле, присесть на удобный стул за настоящий стол.

Видимо, чужак, способный сдохнуть в первом же бою, не стоил подобной заботы. Приличные условия жизни заслуживал лишь тот, кто хоть на что-то оказался способен.

Мастер, пришедший в «мой» тренировочный зал на следующее утро, терпеливо дождался, пока я закончу комплекс упражнений, и осведомился:

– Я так понимаю, условия боя показались тебе подходящими?

– Разве что показались, – проворчал я. – Тот парень-то выжил?

– Выжил. Ты очень аккуратно его ударил, за дверью его легко залатали. Его величество не стал интересоваться судьбой проигравшего. Но в следующем бою ты вряд ли с ним встретишься.

– И не рвусь. Получается, чистая случайность, что в этой ситуации он выжил?

– Именно так. Ему повезло, как и тебе, ведь ты победил в первом своем бою. Очень хорошо.

– Кхм... А когда следующий бой с моим участием?

– Не раньше чем через две недели, остальное же зависит от желаний его величества.

– Я понял, понял... Что-то еще от меня требуется?

– Только одно – тренировки. Качественные ежедневные тренировки.

«Я что, враг самому себе?» – захотелось мне ответить, но показалось бестолковым. Я же не школьник, чтоб перед учителем оправдываться.

Немного мне, в самом деле, оставалось. По утрам я вскакивал без побудки, не на заре, конечно, но лишь чуть позже, когда ближайший лес еще стоял в туманной вате по верхушки, а в прибрежном поселке не начинал звучать молот кузнеца. Разминался под мычание выгоняемых на пастбище коров (в замке их оказалось немного, но они были) и запахи растапливаемых печей. Когда к аромату дымка примешивалась явно посторонняя, но очень аппетитная нотка, тренировка временно прекращалась, я спускался умыться перед завтраком.

В такой жизни была своя прелесть, я заметил, что впервые за полгода сплю с особым вкусом и ем с удовольствием. Мир окончательно обрел формы и закономерности, и здесь мое мнение мало что значило... А если точнее, не значило ничего. И можно было расслабиться. Необходимость принимать решения вместе с обязанностью делать выбор осталась в прошлом.

Теперь, после первого боя, пришлось намного серьезнее посмотреть на все произошедшее со мной. Самому себе я с трудом признавался в том, что раньше до упора верил, будто это не всерьез. А теперь немного жалел, что на вилле императора практически не смотрел по сторонам. Не увидел я в том числе и реакцию публики на бой. Кстати, была ли таковая вообще? Если верить местным, для них гладиаторские бои – нечто самое что ни на есть обычное. В том числе и весьма жестокие.

Раз я завяз в этом мире, надо как-то научиться в нем ориентироваться.

Каждое утро я гнал от себя мысли о том, что завтра может быть следующий бой, который с некоторой долей вероятности окажется для меня последним. Напрягало еще и то, что местный тренер уходил от ответов на вопрос, по какому принципу подбираются пары. Собрат-боец из числа местных, которого я решил расспросить о том же в обеденном зале, развел руками.

– Обычно в клубах и на аренах стараются поставить в пару равных по уровню бойцов. Понятно, почему – и схватка интереснее, и результат менее очевиден. Но это обычно...

– А необычно? В смысле здесь?

– Не представляю. О правителе говорят, что он любит сложные бои, и по логике получается, что все должно быть так же... Но на деле... И еще некоторые знатные любят полюбоваться, как опытный боец расправляется с неумехой, а иногда и с двумя сразу. Любят и просто кровавое месиво посмотреть... Кто чужаков будет беречь? Берегут только известных, опытных. Таких, кого ценят уже только за технику, чем... Сам факт...

– Понял. – Чувствовалось, что парень с трудом подбирает слова, не стоило его мучить. – Так думаешь, мы здесь просто «мясо»?

– Не знаю. Слушай, у тебя ведь больше шансов. Ты пришел из мира, где не в ходу мечи, я это слышал. Владеешь какой-то особой техникой... Тебе и карты в руки на пути к успеху.

– Я не стал бы так на это рассчитывать, на твоём-то месте, – безразлично бросил еще один боец, оценив меня взглядом, в котором было мало симпатии. – Если человек ничего толком не умеет, разве что ножичком крутить и сало резать, долго он на чужих штучках выезжать не сможет.

Я подумал о том, что мне здорово не хватает Руйша.

К исходу недели мастер сообщил мне, что, коль скоро слуги готовят какое-то празднество, то ему предстоит подбирать для него «развлечение». Правда, наслаждаться зрелищем будет не сам правитель, а его наложница с подругами. «Вот суки», – подумал я, не решившись поинтересоваться, нормальное ли это по местным меркам явление – знатные дамочки, любующиеся, как мужики в кровь метелят друг друга. Можно предположить, что да.

На этот раз я был спокоен и накануне, и в день Икс, когда в числе других «избранных» спустился во внутренний замковый дворик ждать, пока погонщик подготовит свою тварь к полету.

– Перед императором заставили биться полуголым. Интересно, что придет в голову местным знатым бабам, – пробормотал я как бы в сторону.

– Рассчитываешь, что велят раздеться? – весело полюбопытствовал один из моих товарищей по несчастью, не выглядевший, впрочем, несчастным. Сразу ясно, что либо местный, либо родом из мира, где примерно такие же порядки. Плевать хотел на свою жизнь (либо просто чересчур оптимистичный), не станет беречь и чужую.

– Надеешься, что какая-нибудь благородная дамочка тобой заинтересуется? – спросил другой. – Ой, вряд ли... Что ты там сможешь ей предложить?

– Да пошли они! В гробу видал всех этих холеных баб!

– Ну и дурак. С них не только удовольствие, но иной раз и выгода. А будешь кобениться – нажалуется, останешься без головы. Или еще чего...

Погонщик появился, кутая голову в длинную полосу ткани. Его можно понять и даже от души посочувствовать – что еще может защитить его от ветра, бьющего в лицо на такой скорости? Животное не оборудовано лобовым стеклом, и можно лишь гадать, как мужику вообще удается смотреть вперед, да еще без очков.

Празднество оказалось чем-то вроде пикника на природе. Конечно, знатым дамам никто не предлагал сидеть на траве, время от времени стряхивая с себя комаров и муравьев, самым жарить над углями мясо и вытирать пальцы об землю. В живописном закутке леса на берегу реки слуги растянули огромные шелковые походные шатры, подвезли кресла, столы, даже лежа, а также безумное количество ковров, подушек и прозрачных покрывал. Этими покрывалами они завесили изрядное пространство вокруг – и от шатров до деревьев, и между деревьями, и у реки.

Служанки с опахалами и веерами гоняли по шелковым лабиринтам мух и комаров, не оставляя ни одному из докучливых насекомых ни единого шанса вцепиться в нежную дамскую кожу. Где-то в стороне, чтоб не тревожить изысканные носики запахами стряпни, готовилось мясное и овощное изобилие, в пиршественный же шатер подавалось на тарелках и блюдах почти в том же совершенном виде, что и с дворцовой кухни.

Магические светильники способны были разогнать тьму хоть во всем этом лесу, но, поскольку выезжали сюда явно не только за шатровым уютом, но и за «лесной романтикой», для антуража рядом были разложены костры. Красивым полукругом.

В этот полукруг первую пару бойцов потребовали сразу же, не дав нам даже отдышаться после полета. Руки у меня еще слегка тряслись – вцепляться в лук приходилось сильно, потому что крылатую тварь почему-то болтало намного сильнее, чем в прошлый раз. Опять меня выбрали начинать серию поединков, и я догадывался, почему – не слишком умелый, чужой, сгодится для затравки. Кому придет в голову меня беречь?

Разве только во взгляде мастера-тренера я видел озабоченность тем, чтоб тренировки мои были максимально эффективными, и я не расслаблялся, накапливая опыт и умение. Но в этом скорее чувствовался его профессионализм, а отнюдь не личная заинтересованность в моей персоне. Плох тот тренер, который не уделяет внимание всем своим подопечным и не прилагает все усилия, чтоб каждый из них стремился к своему «потолку» в мастерстве рукопашного боя. Его внимание к ученикам положительно говорит не об учениках, а о нем самом.

Сопровождавший нас маг первым делом ткнул пальцем в меня, разминающего затекшие пальцы, а потом, помедлив, еще в одного бойца, тоже не из лучших. Парой фраз он перекинулся с офицером, присматривающим за гладиаторами с лентой, и из этого разговора я понял, что ждут еще одну группу бойцов, которая то ли опаздывает, то ли просто должна прибыть позже. И, за неимением вариантов, выбирать магу приходилось из своих «подопечных».

Я оглянулся на своего будущего противника – тот выглядел даже не бледным, а зеленоватым, кажется, его здорово укачало. Друг на друга мы посмотрели обреченно – ни тени желания выяснять отношения с помощью оружия или без оно. Мне безумно захотелось показать

цветнику дамочек, спрятавшемся за тончайшим шелковым экраном, красноречивый неприличный жест. Мол, хотите боя, козы, так выясняйте отношения между собой. Из-за мужика, к примеру.

Наверное, что-то такое появилось у меня во взгляде, потому что офицер, бдительно приглядывающий за гладиаторами, сдвинул брови и сделал шаг в мою сторону. И я вспомнил, что по своему положению не волен посылать кого хочется куда хочется. И никогда не буду волен. Если императорская подстилка оскорбится, она наверняка не будет даже время тратить на жалобы высокопоставленному любовнику. Просто прикажет меня утопить. И утопят – в этом я не сомневался. Тут и речка рядом.

Я вновь перевел взгляд на своего будущего противника и пожал плечами. Тот вытащил меч, со вздохом потащился в полукольцо огней. Ну что тут можно сделать...

Подумалось, что если будет такая возможность, постараюсь дать товарищу по несчастью шанс. Главное, чтоб у него возникло такое же желание. Так что я замедлил шаг и стал стягивать с правого запястья «коготь». Маг и офицер посмотрели на меня недоуменно, но не вмешались, из чего можно было, наверное, сделать вывод, что в их глазах боец волен по крайней мере красиво покончить с собой любым угодным ему способом.

«Не дождетесь», – эта мысль принесла мне некоторое облегчение.

Парень, с которым мне предстояло биться, тоже удивился моему жесту, нахмурился. Взглядом я постарался дать ему понять, что тут нет никакого подвоха, и слегка подмигнул, мол, поразвлечем богатых дурочек. Кажется, понял меня. Пошел по дуге, как бы выгадывая удобное положение для удара, а в действительности давая мне понять, в чем особенность его манеры бить. Что он имел в виду, я догадался, но подсказкой воспользоваться не смог бы все равно, потому что о бое с мечом знал слишком мало.

Впрочем, даже при наличии некоторой доли притворства поединок получился совершенно не учебным. Все всерьез, и каждый из нас ступал по краю бездны даже не потому, что мог прикончить противника, не желая того. Просто богатые дамочки в любой момент могли поставить нас в ситуацию, когда выжить удастся только кому-то одному, и они явно намерены были это сделать.

Несколько раз я с огромным трудом пропускал атакующего противника мимо себя, и то лишь потому, что он в последний момент брал чуток вбок. Едва ли заметно стороннему глазу, но достаточно для меня. Спустя мгновение я, подмигнув парню, во время очередного финта словно бы поскользнулся и покатился ему под ноги. Знак он уловил и красиво прыгнул. Да не просто, а с переворотом. Красиво. В стаде дамочек зазвучали восторженные ахи – порядок.

Пару секунд мой противник делал вид, что гасит меня ногами – я, извиваясь, уворачивался. Потом извернулся особенно удачно, ногой вцепился парню по руке с мечом и вышиб оружие куда-то в темноту, торопливо сгущавшуюся за полукольцом огней. Стадо опять разохлось.

Мы сцепились врукопашную. Это уже была более знакомая мне сфера, главное было, отшвыривая, не вцепить своего противника спиной в огонь. Он, как оказалось, тоже что-то такое умел. И получалось неплохо. Некоторые приемы, вляпавшись в которые и лишь чудом вывернувшись, я сразу оценил. Ими, пожалуй, после некоторой доработки можно было бы разнообразить самбо. Пару минут мы сосредоточенно валялись друг друга.

– Опа! – пропыхтел я. – Что за прием? Покажи еще разок.

– Сдай влево, – зашипел он мне.

Я зрелищно пнул его ногой, поставил скользящий блок и нырнул туда, куда было указано. Опробовал прием на себе еще раз, сообразил наконец, чем можно ответить. Вообще дельная штука, надо будет отработать и усовершенствовать.

– Давай с переворотом, – выдохнул я. Мы великолепно, словно заранее готовились, выполнили сложный финт с переворотом и успели отвесить друг другу по зуботычине, звучно, но почти безболезненно.

– Не слишком-то увлекайся, – шепнул мне парень, стоило нам войти в аккуратных, хоть и кажущийся яростным клинч. – Госпожа Миралей кое-что понимает в боях.

Я смутно вспомнил, что так вроде бы зовут наложницу императора. Вот, блин, повезло напороться на опытную кровожадную бабу. Перехватив руку противника, привычно вывернул ее и притиснул парня к земле, но, сообразив, что сейчас меня заставят его зарезать, а то и, не дай Бог, голыми руками придушить, позволил ему высвободиться.

Еще несколько минут мы тузились с переменным успехом, однако каждый раз давая «оппоненту» возможность освободиться из опасного захвата.

– Ну, довольно уже! – отмахнулась вдруг рослая дама из самых на вид роскошных. Я бросил взгляд на мага – тот махал рукой, мол, стоп.

Женщина отвернулась, слушая кого-то из офицеров, почтительно склонившегося к ее бархатному ушку, и пока она смотрела в сторону, мы оба предпочли убраться с глаз долой. Вдруг не вспомнит. Похвастаться великолепным знанием женской натуры я, пожалуй, не мог, но был достаточно опытным, чтобы увериться: нежные возвышенные барышни если и существуют, то лишь в литературных памятниках прошлого.

И здешние охреневшие от вседозволенности бабцы, подозреваю, смогут дать фору мужикам в жестокости и изобретательности. Наложницы правителей обычно как раз такие. Ну его на фиг – проверить.

Отступив за спины отвечающего за наше поведение офицера и мага, я присмотрелся, пытаюсь понять причину легкого переполоха, отвлекшего, слава богу, общее внимание от поединка. А, вот в чем дело! Прибыли наконец бойцы из другой группы, которые должны были здесь появиться одновременно с нами. Вон их ведут. Э-э... Бабы?

Я покосился на своего недавнего противника. Тот все не мог отдышаться и сосредоточенно тер локоть. Похоже, я ему здорово приложил. На мое удивление он лишь недоуменно приподнял бровь, мол, что тебе непонятно-то?

– Девицы? Конечно, девиц-гладиаторов хватает, – ответил он на прямой вопрос. – Поединки парень – девица пользуются спросом. И, между прочим, встретиться в бою с девицей – штука очень неприятная.

– Почему?

– Потому что дерутся обычно очень неплохо. Очень даже неплохо. И при прочих равных, даже если девка работает в той же технике, что и парень, в результате у нее получается нечто совершенно иное.

– Понял. – Я с сомнением окинул взглядом ближайшую ко мне девицу.

Цыпочка выглядела очень даже – невысокая, гибкая, быстроглазая, она миглом накрыла нашу группу взглядом, словно выбирала, с кем идти танцевать. Взгляд у нее был под стать личику – нежному, трогательному, так и тянет приобнять за плечи и защитить от всего на свете. Может, не очень и красивая девчонка, но какая же милая. Может ли такая уметь нормально биться?

На нее указали, подбирая первую пару, а против нее поставили бойца из местных, которого я знал, – он дрался отменно и был намного опытнее, чем я или мой новый приятель. Меня удивил напряженный взгляд этого бойца. С чем ему тут возиться? И в первые минуты, когда она взялась за своего противника с решительностью, стремительностью, легкостью и мастерством, которых от подобного существа едва ли было ожидать, решил не верить собственным глазам.

Однако буквально через несколько минут юная гладиаторша уверенно и легко полоснула бойца по горлу и ушла от его последней атаки воздушно, словно в танце. И обернулась к шатру, задрапированному прозрачным шелком, с мило приподнятой бровкой, мол, кого еще зарубить?

– Мать твою, – пробормотал я, начиная понимать, в чем подстава. С опытным противником эта малышка расправилась так быстро, что этому немыслимо было отыскать ни объяснений, ни толкований.

Приподнявшаяся в подушках госпожа Миралей с интересом покрутила пальчиком, и против девчонки выставили еще одного парня. Тот был бледен, но решительно взялся за меч. Впрочем, эта решительность помогла ему мало – с ним девчонка расправилась быстрее, чем с предыдущим, и столь же непринужденно. Мечом она управлялась так красиво, что если б я не осознавал, сколь близко ко мне это воплощение неминуемой гибели, залюбовался бы.

– Так-так! – воскликнула императорская наложница, приподнявшись с подушек и сбросив с плеч великолепное верхнее одеяние. Под этой помесью халата и кимоно с совершенно необычными, ни на что не похожими рукавами у нее обнаружили самые обычные брюки и легкая светлая рубашка. – Ну-ка!

Меч ей протянул один из телохранителей.

– Все, ребятам конец, – едва слышно просвистел мой недавний противник.

– Что так? – уточнил я, машинально отшагнув назад.

– Она всех положит. Каждый раз это заканчивается грудой трупов.

– Она так хорошо дерется?

– Дерется сильно. Впрочем, ты увидишь. И молись, чтоб до нас с тобой не дошла очередь.

Я напрягся. Впрочем, не только я – ребята следили за развитием событий с напряженностью, и в какой-то момент все мы ощутили сродство. Все – опытные и новички, местные и чужаки – сейчас оказались едины в своем желании выжить, и друг другу не были в этом стремлении конкурентами. Усевшись прямо на траву в стороне от костров, куда не достигал свет и бдительные взгляды нашей охраны (охрана, окружавшая лагерь знатных дамочек, конечно, видела все, но пока я не пытался сделать ноги, не вмешивалась), я попытался оценить особенности мастерства императорской девицы.

А она явно умела драться, без преувеличения. Высокая, крепкая, хоть и не лишенная изящества, с жестоким взглядом и холодным изгибом губ, госпожа Миралей ступала по траве плавно, как нацелившаяся на птичку кошка, при этом ошестинившаяся сразу двумя стальными лезвиями. В этот момент трудно было поверить, что кто-нибудь захотел бы приласкать ее, проявить нежность и дожидаться нежности от нее.

С первым гладиатором она расправилась за несколько минут, можно было бы даже решить, что тот, уступая ее высокому положению, поддался. Только подобное предположение едва ли уместилось бы в голове нормального человека – кто в здравом уме отдаст свою жизнь ради того, чтоб доставить удовольствие богатенькой бабе?

Со вторым противником женщина возилась дольше. На удивление, он сопротивлялся ей намного эффективнее, чем его более опытный товарищ до того, и с каждой минутой градус ожесточения императорской наложницы повышался. Причем это несколько не влияло на мастерство, с которым она действовала мечом и длинным кинжалом. Наоборот – казалось, что чем холоднее и злее становится ее взгляд, тем искуснее она действует.

Третьим противником леди Миралей стала девушка. Гладиаторша продержалась против наложницы императора дольше всех, однако и она в конце концов схлопотала несколько сантиметров стали в тело и откатилась прочь, тиская пальцами бок. Добивать ее дама не стала, отвернулась и отшвырнула оружие. Устало потянулась. Подруги зарукоплескали императорской наложнице, и слуги, повинаясь жесту одной из них, самой здравомыслящей, понесли в шатер новую порцию закусок и свежие напитки со льдом.

Ночью в замок возвращались только мы двое – двое из десятирех гладиаторов, отобранных для того, чтоб развлекать местных знатных дамочек. Только двое, и, глядя друг другу в глаза, мы оба вполне понимали, что нам просто повезло попасть в первую пару, когда публика еще «не раскачалась».

«С ума сойти, это ж надо было так вляпаться во все это», – подумал я, укладываясь в постель.

Глава 3

Меч и «коготь»

Все происходящее предстало передо мной в новом свете. Казалось, я опять посмотрел по-новому на то, к чему уже успел отчасти привыкнуть. Только чудо сохранило мне жизнь на этот раз. Так что, если намереваться и дальше выживать (а я, несомненно, намеревался), следовало так или иначе осваивать местные традиции боя. В том числе и на длинном клинковом оружии. Или по крайней мере тренироваться с теми, кто владеет мечом.

Об этом я сообщил мастеру, едва он поднялся ко мне с утра пораньше.

Исмал – мастер-тренер, чье имя я все-таки удосужился узнать, хоть и с запозданием почти в месяц – посмотрел на меня взглядом, который я пока не научился распознавать.

– Ты с Аэмиром довольно неплохо разыграл представление. Твое счастье, что госпожа Миралей и ее подруги этого не поняли.

– Не поняли же, так о чем говорить?

– Не о чем, верно. Однако, надеюсь, ты сделал выводы?

– А что тебя беспокоит? – Я давно уже перешел на «ты» и, поскольку никто такому обращению не удивлялся и не возмущался, сделал вывод, что так здесь принято. – Что разозлятся клиенты или что меня, разозлившись, прикажут прикончить?

– Я привык относиться к своим подопечным с бережливостью. Смерти, которых можно было бы избежать, меня огорчают. Наилучший результат, которого ты мог бы добиться, если пожелаешь, – это долгая жизнь гладиатора. Здесь мы с тобой хотим одного и того же.

– Не могу сказать, что хочу именно этого от жизни.

– Чего же ты хочешь?

– Вернуться на родину, например.

Мастер усмехнулся.

– Я имел в виду – из реального. Если бы мне захотелось стать императором, я предпочел бы помалкивать о подобных своих мечтах. Но, думаю, ты желаешь жить, не так ли?

– Как почти любой человек.

– В таком случае тебе следует тренироваться еще усерднее и стараться не устраивать подобных представлений, разве что с тобой заранее разработают сценарий. Это вполне возможно. Ты желаешь тренироваться с мечником? Очень хорошо. Интересуют ли тебя бойцы, владеющие иным оружием?

– Само собой.

– Очень хорошо. Я познакомлю тебя с моим помощником, который будет тренировать тебя. Тебе еще нужно многому научиться.

– А когда будет следующий бой? Я успею освоить хоть что-нибудь?

– Не представляю. Ты можешь биться через неделю или через месяц. Или через год...

Но это же не повод не тренироваться.

– Да уж, – прошипел я.

Месяц с лишним, проведенный здесь, – достаточное время, чтоб успеть привыкнуть к интенсивной ежедневной нагрузке. Еще прежде я усвоил объяснения прежнего своего тренера, учившего меня определять оптимальное количество тренировок, и старался не превышать их. Ни к чему загонять себя до смерти.

Немолодой помощник Исмаля оказался раздражительным, но очень знающим. Он не терпел противоречий, попытка спорить с ним иной раз приводила к тому, что прямо на месте спора случался импровизированный спарринг. Дрался бывший гладиатор отменно, не стеснялся иной раз крепко заехать ученику в челюсть или в живот, но каждый раз словно по вол-

шебству обходилось без членовредительства. Впрочем, может быть, и не по волшебству, а лишь по причине искусности.

Я на него не обижался. К тому же занятие это в моем положении бесполезное. Если хочешь получить умения и знания, приходится терпеть. И я старался выполнять требования нового учителя, не отвечал вежливой усмешкой на его плосковатые остроты, пропускал мимо ушей его брань, которую тем более понимал с трудом (видимо, транслитерирующее заклятье, навешанное на меня в первый день моего пребывания здесь, перевод обценной лексики не подразумевало), – словом, рвался к результату.

Следующий бой был назначен через две недели, мастер отобрал десять пар, но до последней, в которой были я и Аэмир, очередь не дошла. Заскучавшие гости велели привести танцовщиц, и летающая чешуйчатая тварь повезла нас двоих и трех раненых гладиаторов обратно в замок. Я, с облегчением вздохнув, подумал о том, что судьба предоставила мне шанс – короткую отсрочку, которую я могу отдать тренировкам, и в следующий раз, может быть, справиться с более опытным противником.

Эта жизнь постепенно затягивала меня. Более опытные товарищи охотно рассказали, что после четырех удачных боев меня, возможно, начнут выпускать из замка, давать немного денег, словом, все пойдет намного приятнее, чем теперь.

– Вообще жизнь гладиатора – отличная штука, – объяснил мне один из них. – Гладиатор – уважаемый человек, настоящий мужик, кто спорит? Эта профессия – самый лучший способ заработать неплохие деньги, чтоб хватило и семье, и детям, и на обеспечение старости. А потом, когда трудно станет драться, сможешь работать тренером или охранником – тебя везде возьмут. Самые же знаменитые гладиаторы получают столько денег, что живут, как господа, никакому ремесленнику не снилось.

– И жизнь постоянно на кону. В любой момент можно проиграть голову.

– В любой момент любого трудягу на улице прирежут, или лошадь понесет, и прямо по нему проскачет. Гладиаторы не так уж часто гибнут, да и даже если так... Оно стоит того, чтоб играть. Охотники и солдаты рискуют жизнью намного чаще, намного сильнее и денег добывают, как правило, меньше. Однако ж не переводятся. О чем это говорит?

– Что жизнь здесь у вас тяжелая.

– Именно так! Гладиатор – это профессия самая что ни на есть лучшая для здорового мужчины. Далеко не каждый может стать гладиатором, даже если желает этого. Большинству жаждущих нашей доли приходится пройти через массовые бои, а это мясорубка, из которой выбираются лишь самые удачливые или талантливые. Но тебе ничего не надо добиваться – ты уже являешься гладиатором. Радуйся!

– Радуюсь, – пробормотал я. – Ты-то сам как стал гладиатором? Проходил через эти массовые бои?

– Нет. Мой отец был хорошим бойцом. Так что у меня оказалась протекция.

– У-у-у... И тут не без блата...

– Но ведь и тебе повезло.

– Хочется верить.

Я осознал, что, хотя живу здесь уже больше месяца, совсем не знаю этого мира. За прошедшее время успел разве только понять, что общество здесь жестко иерархично, император вправе творить все, что ему в голову взбредет, и вся знать, которая отстояла от него на одну или несколько ступеней социальной лестницы, в общем-то, смотрела на простолюдинов как на своих законных рабов. Конечно, в массе тех, кто не относился к числу благородных, имелись свои градации, и не все было так уж просто. В этих тонкостях я еще не разобрался, однако понял, что разбираться в этом надо не сидя в замке, в отрыве от живой жизни.

Но даже месяц спустя, когда меня и еще несколько других гладиаторов перевезли в один из городских императорских дворцов (не столичный, как я понял, но расположенный

в довольно крупном городе), не изменилось ничего. Постигать чужие традиции следовало не взаперти, а обитая где-нибудь в городе, толкаясь локтями с местными жителями на базаре и самостоятельно набивая все шишки.

Следующий бой, в котором мне пришлось принять участие, к моему неприятному изумлению, произошел даже не в пиршественном зале, а в спальне.

Императорские покои не уступали роскошью интерьеров ни Эрмитажу, ни Версалью и впечатлили меня, пожалуй, даже больше, чем то и другое вместе взятое. В чертах местного интерьер-дизайна было что-то восточное, что-то греческое и даже готическое – дичайшая смесь. Огромные окна смотрели в парк, сквозь прорези золотых экранов, искрящихся вставками, в спальню просачивался свежий ночной ветер. Часть светильников, напоминающих разлапистые кувшинки на массивных основаниях, украшали собой свободные от мебели уголки, другие канделябры свисали на цепях с потолка. Выглядели они чрезвычайно стильно.

На широченной кровати (хрена се сексодром!..), убранной тонкими шелковыми занавесями полога, валялись леди Миралей, которую я узнал с первого же взгляда, и его величество, в котором мне очень хотелось, но не получалось отыскать демонические черты. Оба едва прикрыты простынями, причем так, что при одном же взгляде становилось очевидно – одеться господа не озаботились.

– Нефиг смотреть в ту сторону, – прошипел мне противник, прежде чем коротким поклоном обозначить свою готовность к бою.

Я едва успел «когтем» перехватить и увести в сторону удар мечом. Клинок прошелся по левой, защищенной руке плашмя, и ему болезненно ответило мое запястье. Слишком стремительной получилось атака, без всякого перехода, слишком неожиданно. В конце концов слуги еще только заканчивали выносить напольные светильники, а заодно и кресла, чтоб освободить для нас место.

Позволил ему обойти меня слева и нырнул, чтоб подставить колено и локоть, помогая противнику споткнуться. Он не споткнулся, но открылся, и попытка пырнуть его в бок «когтем» почти удалась. Почти. Ловкий, гад, и подвижный. Мы разошлись и снова сошлись – как двум лезвиям ножниц, нам некуда было деться друг от друга.

Он ударил, казалось, без особой надежды на немедленный успех, но уже в полете клинок изменил траекторию движения и пошел параллельно полу. Такие сюрпризы надо было уметь читать в «мимике» чужих плеч. Как следствие, мне пришлось падать вбок и назад, и все это произошло автоматически, заученно, поэтому в полете я еще и ногами махнул от души именно туда, куда следовало. Противник мой получил пинок под коленку, опрокинулся назад и потерял один из двух своих клинков. Длинный.

Ну да, именно по правому запястью мне повезло ему врезать коленом, причем совершенно случайно.

Извернулся на полу движением змеи с прищемленным хвостом, и из этого положения как-то особенно легко поднялся на ноги, но перед тем цапнул с пола меч – совершенно автоматически. Блок мечом удался не без труда. Рукоять рванула мне кисть, словно живая, вознамерившаяся оторвать ее нахрен, но оружие я чудом удержал. Однако насколько удобнее отбивать меч мечом же! Несколько минут я только отмахивался, а противник мой наседал с яростью. Его можно было понять – он жаждал вернуть себе оружие.

Кстати, и метод для этого избрал самый надежный – сближаться настолько, чтоб размаха для клинка уже не осталось, буквально плечо в плечо. Я стремился приблизительно к тому же, блокируя в свою очередь размах его короткого клинка. Ведь у меня на случай рукопашной схватки имелись «когти». В этом положении я терял преимущество длины меча, который захватил, и мне было понятен резон противника, хотя сейчас в целом наши цели совпали. Не в достижении одного результата, конечно, а в последовательности событий.

Если ему не удалось вышибить у меня меч в схватке на дистанции, теперь он стремился вынудить меня бросить клинок на пол, чтоб в рукопашном бою зря руку не занимал. Это я понял за миг до того, как он притиснулся ко мне справа, метя кинжалом и готовясь перехватывать падающий меч. Но навыки, приобретенные еще в школьные годы, сработали и теперь. Если во время боя что-то есть в руках, используй это как оружие. Поэтому я с силой ткнул парню в лицо гардой меча и тут же увернулся. Действительно...

Взмах, еще взмах... Да, я предпочел бы перейти на близкую дистанцию и дальше «разговаривать» с гладиатором на языке самбо, но сделать это нужно было именно так, как мне требовалось. В этот раз получилось не совсем удачно, но пробовать снова никто мне не мешает. Благо опыта хватает. Я вполне осознавал, что владею мечом отвратительно, особенно если сравнивать меня с моим противником, и действовал им скорее как дубиной, просто отгонял парня от себя взмахами железа.

Со стороны гигантской кровати донесся приятный для слуха смешок, и я запоздало вспомнил, что тут имеются еще и зрители. Кстати говоря, кое-что понимающие в рубке. Подозреваю, что побольше меня. Мои мысли в адрес госпожи Миралей корректностью не отличались, но она их услышать не могла. К моему счастью.

Мы с противником пытели, кружа друг вокруг друга, довольно долго. То ли он предполагал во мне наличие каких-то тайных, намного более значительных, чем продемонстрированные, навыков, то ли считал, что я сознательно придуриваюсь. В любом случае, он осторожничал, и это давало мне небольшую фору.

Счет времени в серьезной схватке мне никогда не давался, и то, что уже случилось, уходило из памяти в следующий же миг. Вернее будет сказать, что в дальнейшем я без труда мог все это вспомнить и повторить, но сейчас, в миг наибольшего напряжения, сосредоточен был на одних только реакциях тела, и мысль за ненадобностью останавливалась. Сейчас я отбивался, не помня, что за финт пускал в ход секунду назад.

В какой-то момент мой противник оказался совсем рядом и в такой позиции, что решение напрашивалось. Тело все сделало само. Пальцы правой руки так отпустили рукоять бесполезного в подобном положении клинка, левая щитком «когтя» поймала кинжал, шедший мне в живот. Освободившийся правый «коготь» с отдачей в плечо прошел по чужому лицу.

Парня отшвырнуло вслед за рукой и кинуло на пол. Плечо гудело, но боли я не ощущал.

– Добей его! – воскликнула женщина, привставая на постели. Простыня соскользнула, и, на миг обернувшись, я увидел ее грудь, крупную, роскошную, такую, что в ладони не спрятать.

Взглянул в глаза своему противнику – он смотрел без муки, должно быть, боль оказалась слишком сильной, чтоб ее чувствовать, или сказывалось ошеломление боя. В чертах его залитого кровью лица была предобморочная отстраненность и обреченность – последняя, возможно, просто чудилась, – и мне показалось, что он даже гипотетически не видит иного варианта, чем повиновение.

Инерция ситуации подхватила и меня. Снова взгляд в чужие глаза, слишком яркие на искореженном лице.

– Прости.

– Да уж, – засипел он сквозь зубы, а глаза его уже смотрели поверх меня, строже, используя последние мгновения сознания, чтоб подготовиться к небытию.

Я ударил в горло, чтоб наверняка и быстро. И обернулся, чтоб увериться, не будет ли еще указаний. Фиг его знает, какие тонкости гладиаторской работы мне еще неизвестны.

Но они смотри друг на друга, а не на меня. Женщина, податливо изогнувшись, смотрела на императора с дикой смесью раболепства и лукавства. Себя она вела с поразительным бесстыдством, а может, в среде знати просто не считали гладиаторов за людей? Чего их стесняться?

– Ох, как хорошо! – проворковала дама.

– По вкусу? – правитель лениво гладил ее бедро.

- Очень! А он хитрюга, этот гладиатор! Какой хитрец!
- Действительно хитрец. Он тебе понравился?
- Да уж. Забавный... А теперь я хочу, чтоб бились девушки!
- Пусть приведут, – бросил мужчина в пространство, не допуская ни на миг, что его

могут не услышать.

В приоткрывшейся двери появилось напряженное лицо офицера, которое активной мимикой принялось показывать мне, чтоб я нырнул в эту дверь и больше не занимал собой заляпанное кровью пространство. Слуги,двигающиеся плавно, как тени, уже утаскивали тело и вытирали пол. Я послушно выскочил из спальни, и только тут меня накрыло осознание того, что я добил человека, который, может, и выжил бы. Блин... Ощущение во рту такое, словно это меня в морду треснули. Мерзко.

За дверью я не сразу поднял глаза. Маг, который сопровождал меня и других бойцов на все выезды, и теперь ждал здесь, посмотрел со смесью сочувствия и одобрения.

- Молодец. Ранен?
- Нет вроде.
- Повернись. Не ранен. Отлично. Вина?
- Хорошо бы. – Мне вдруг до тошноты захотелось нажраться. – Но как я обратно поеду?

Меня ж с седла сдует.

- Куда это ты собрался на седле?
- Ах да, мы ж здесь обосновались...
- Вот именно... Дай ему глотнуть.

Офицер, ждавший рядом, с недовольным видом протянул мне небольшой кувшинчик с узким горлышком – такие удобно закупоривать восковой пробкой.

- Новичок, что ли?
- Чужак. У них другие бойцовые традиции.
- Еще одну девицу требуют. – Появившись рядом, замельтешило еще одно существо в форме. – Живее!
- Бабы не по моей части, – отрезал маг, оттаскивая меня за локоть в сторону.
- А чьи они?
- Вон там их тренер стоит... Идем, парень. Отдохнешь у себя в комнате. Вина и еды тебе

принесут.

Сейчас, когда император гостил во дворце, кормежка резко улучшилась. Казалось бы, чего удивляться, что правителя и его спутников кормят наилучшим образом, но при чем тут прислуга и гладиаторы? Ан нет, каша стала более пряной (и оттого проскакивала в желудок особенно бойко), мясо – сочнее и нежнее. Если раньше оно все больше попадалось в похлебке и все в той же каше разваренными неопределенными кусками, а отдельно – разве что на костях, не столько еда, сколько развлечение все это обглодать под слабенькое пиво, то теперь его стали подавать солидными и отлично прожаренными ломтями.

– Чему ты удивляешься? – еще утром проворчал мне собрат-гладиатор. – Раз император во дворце, значит, снабжение первосортное. Хорошее мясо тоже надо куда-то девать. Чем ему пропадать, лучше нам его скормить. Отсюда и изыски.

Так что я совсем не удивился огромному подносу самой разнообразной еды, которую мне приволокла полная служанка, изо всех сил колышущая грудью у меня перед глазами (на что она рассчитывала, можно было только гадать). Еда попроще явно готовилась на всех, мне просто немного отчерпали из общего котла. А то, что поизысканнее, видимо, осталось после господской трапезы. Само собой, вчерашними бутербродиками наподобие канапе, вчерашними пирожными и заветрившейся тонко нарезанной рыбкой, сдобренной лимонным соусом, местных шишек кормить не будут. Скорее уж утром приготовят свежее. А остатки скормят таким, как я.

Хоть и постоявшие какое-то время, закуски ничего не потеряли. Подобной вкусноты я никогда не ел, но сейчас оттенки вкуса проходили как-то мимо сознания. Да, отмечал, что вкусно, но сейчас это несколько меня не интересовало и не радовало. А что могло бы порадовать, я не представлял. Поэтому от души подливал себе вина из большого кувшина, удивляясь, с чего это вдруг мне так щедро отпустили спиртного, если в другое время гладиаторов упорно оберегали от него. Пиво не в счет, вино здесь крепче. Кстати, оно оказалось очень приятным.

Наутро я совершенно не помнил, о чем размышлял под вино и что обещал себе. Голова побаливала слегка, куда неприятнее была слабость и привкус во рту, желание улечься где-нибудь и не двигаться недельку-другую.

Но позволить себе такую роскошь я не мог. Ничто не могло гарантировать мне жизнь в будущем, но увеличить мои шансы могли только тренировки.

– Хочу тренироваться с мечом, – сказал я Хунайду, пожилому помощнику Исмала, который теперь возился с мной.

– Тренироваться-то можно, а толку? Ты с мечом так двигаешься, будто за лавку держишься.

– Если ты не будешь меня обучать, все так и останется.

В ответ меня наградили злым взглядом, на который я, впрочем, не обиделся. И, имея некоторый опыт общения с мастерами, догадался – это способ слегка тонизировать ученика, взбодрить его и заставить собраться.

– Если хочешь у меня учиться, должен делать то, что я говорю, и так, как говорю.

– Догадываюсь.

– Вот и посмотрим, на что ты способен! – возгласил помощник мастера таким тоном, с которым обычно засучивают рукава.

Я понимающе усмехнулся, но в сторону, чтоб не злить Хунайда. И не сомневался, что тот с удовольствием возьмется за меня. Его рвение напоминало месть, хотя я прекрасно осознавал, что никакой ненависти ко мне лично этот человек не испытывает, и если он злорадствует, когда, обессилив, я валюсь физиономией в пыль, или с крайним ожесточением подгоняет меня, то дело здесь не в личном ко мне отношении.

Просто у него такая манера обучать. Мало ли у кого какие взгляды на жизнь!

Если раньше режимом своих тренировок я распоряжался сам, то теперь они зависели от воли моего тренера. Иной раз он будил меня на рассвете пинком (если успевал, потому что обычно я просыпался еще на стадии распахиваемой с размаху двери), воплями поднимал на ноги. Но после того, как я однажды полюбопытствовал у него, обязательно ли орать с утра пораньше и нельзя ли ограничиться окликом на несколько тонов тише, задумался. Правда, предварительно наорал на меня и привычно задал трепку. Но чувствовалось, что он просто по-другому не умеет.

Обучение шло у меня туговато. Хунайд ворчал, что владению мечом в моем возрасте нужно учиться день и ночь и не тратить время на что-либо другое, но я, само собой, прежние тренировки не собирался забрасывать. Как ни крути, но именно мои необычные для этого места навыки до сих пор спасали мне жизнь. Сколько еще мне удастся выплывать за счет самбо, знает лишь Бог.

Но совместить навыки боя без оружия с оружием может быть выигрышно. Что ж, пока я выплывал, будем надеяться, что и дальше удача не оставит меня.

– Кстати говоря, – недовольно начал тренер, – тебя отпускают в город. Прогуляться. Лично я бы, если б со мной посоветовались, сказал бы, что это незачем. Но Исмал решил так. Тебе дадут денег, но избави тебя Небеса напиться в городе, понял?! Я от тебя мокрого места не оставляю, если хоть учую запах!

– Ну хватит. Я не мальчишка, ни к чему устраивать сеансы запугивания. Растолкуй мне лучше, куда можно заходить, а куда нельзя.

Хунайд пожевал губами, словно бы прожевывал все те угрозы, которые не озвучил. Но почему-то и в самом деле не стал дальше сотрясать воздух по привычной схеме, которую редко кто-то из его учеников решался прерывать. К его выходкам я старался относиться с юмором, и это мое отношение озадачивало тренера. Оно противоречило его опыту и всему тому, к чему он привык, чему настроился давать жесткий отпор.

– Я не понимаю, почему решают выпускать в город человека, который элементарных вещей не знает, которые знают все, абсолютно все, начиная с трех лет?

– Если я буду сидеть здесь взаперти, то так ничего и не узнаю. Нужно мне привыкать жить здесь или нет? Или ты считаешь, что боец, который не собирается жить долго и счастливо, хоть на что-нибудь годен?

– Ты просто мерзкая обезьяна, – процедил Хунайд. – Хочешь поучить меня правильно настраивать моих учеников?

– А тебе не нравится, когда я говорю правду?

– Дождешься того, что тебе за твою наглость кишки на горло намотают... Вот шельма. – Он растянул губы в подобии улыбки, хотя все еще выглядел уязвленным. Я мог чувствовать себя совершенно отомщенным за все его грубости. – Ладно, слушай. В храмы тебе нельзя заходить. Еще перед ними есть такое пространство. Площадь цветов. Нельзя ступать на нее обутой ногой. Нельзя касаться струй фонтанов, пить воду можно только из тех, из которых пьют все. Нельзя ходить там, где по брусчатке расстелены ковры или ткани. Не вздумай приставать к добропорядочным женщинам, иначе получишь пару ножей в бок. Нельзя входить в чужие процессии. Нельзя переходить дорогу перед конями или паланкинами знати. Или крупных чиновников. Так что смотри внимательно, куда суешься.

– А что, местные жители всех представителей знати и всех чиновников должны знать в лицо, что ли?

– Мои соотечественники могут определить, что за чиновник перед ними и какой областью нашего мира правит тот лорд, который встретится им на улице города. По цветам плащей и головным уборам. А ты – как грудной ребенок, бестолковщина.

– Я готов учиться. Значит, увидев высокопоставленную шишку, от нее следует спасаться бегством. Так получается?

Хунайд покровительственно усмехнулся.

– Лучше уж так.

Я не ожидал, что меня действительно отпустят на прогулку, и поэтому, когда это все-таки произошло, был изумлен. Ощупывая монеты в кармашке пояса, я вышел из ворот замка опасливо, словно не был отпущен, а в полном смысле этого слова сбежал. Поэтому не сразу взялся посматривать по сторонам – сперва следовало разобраться с собственными ощущениями, которые оказались полны этой мнимой свободой, этой игрой в свободу.

Город в парадной своей части внушал уважение размерами зданий и масштабами улиц. Здесь было где развернуться, не хуже, чем в ином современном городе. Через несколько минут, углядев приземлившуюся возле роскошного, судя по всему весьма дорогого магазина чешуйчатую тварь вроде той, на которой мы, помнится, летали, я сообразил, почему так. Эти транспортные животные занимали много места. Не меньше, чем хороший дальнобойщик, а может, и побольше, если учесть крылья.

Я поглядывал на великолепные особняки, каждый из которых словно бы стремился перещеголять соседей в горделивой строгости и стильности. Ничего лишнего, но как же хорошо! Местная архитектура выглядела очень своеобразно, и я, мало что понимающий в специфике «строительных традиций» у себя на родине, не мог сказать, каких черт, по моему мнению, в очертаниях зданий больше – восточных или западных. Слишком уж самобытно, но чему удивляться? Чужой мир, е-мое!

Здесь было много зелени, узорные оградки отрезали от проезжей и «прохожей» части крохотные лоскутки земли под палисадничек – и чувствовалось, что иметь подобный личный зеленый уголок было уделом лишь самых богатых людей. Тоже понятное дело, к императорскому дворцу в первую очередь жмутся самые родовитые, люди света. И не здесь следовало искать сердце города, в этом квартале можно было разве любоваться фасадами домов и облизываться на дорогие магазинчики и лавки. И еще отскакивать с дороги роскошных процессий.

Я довольно быстро сориентировался в том, как надо действовать, если на пути внезапно появилось несколько красивых лошадей или ящеров, украшенных попонами, лентами, цветами, иногда перьями или иными украшениями, материал которых не удавалось опознать с первого взгляда. Отскакивать успевали все горожане, если только не были калеками или слепыми (а таких в фешенебельные кварталы, видимо, не допускали, потому как тут я не увидел ни одного). Тем же, которые мешкали, быстроты добавляла охрана.

Правда, меня короткие копья бойцов не коснулись ни разу. Присмотревшись, охрана обходила меня, самое большее – давая знак, что нужно еще потесниться. И я понял, зачем при выходе за пределы дворца мне приказали накинуть красный плащ с черной полосой и намекнули, что с собой следует брать оружие. Похоже, по плащу и «когтям» на поясе во мне опознавали гладиатора и предпочитали не связываться.

Впервые за все время пребывания здесь я начал осознавать, что у моего положения действительно есть свои преимущества. И, наверное, для средневекового города дифференциация по цветам одежд и форме полосок актуальна. Сейчас я был, пожалуй, рад, что гуляю по городу в качестве гладиатора, а не какого-нибудь горшечника, кузнеца или дровокола.

Но для того, чтоб понять этот город, следовало гулять не здесь, а там, где можно было почувствовать пульс города, где ритм городской жизни входил в резонанс с самоощущением и начинал докучать над ошеломленным чужаком. То есть следовало идти искать что-нибудь базароподобное. Где еще, как не на базаре, можно увидеть город во всей его непарадной «красе»?

И я отправился искать базар. Найти его не составило особого труда. Несколько вопросов, заданных встречным (ответы мне давали очень подробные и довольно вежливо), развернули меня в нужном направлении. Как я понял, город когда-то увенчал собой огромный покаты́й холм. И теперь по всем законам логики и жанра вершину занимал императорский дворец и самые богатые кварталы, чуть дальше располагалась торговая часть, Средний город, где также обитали ремесленники всех мастей и достатков, а у подножия холма селились все остальные.

Средний город оказался чуть менее просторным. Зато дома здесь несколько подросли в высоту. Нижний этаж занимали магазинчики, к ним лепились уличные прилавки, и людей здесь толклось уже намного больше. Обнаружил я в Среднем городе и широкие проспекты, однако к ним лепились извилистые узкие улочки, где помещалось разве что два прилавка по обе стороны и проход между ними. Правда, таких мне попалось немного.

Над некоторыми дверями висели покрывала с кистями, похожие на скатерти, и изображения большой пивной кружки. Из этих заведений потягивало ароматом свежего хлеба и жареного мяса, и догадаться было несложно – тут кормят. Внутри одного из таких я заглянул не без сомнений, однако на меня отреагировали вполне положительно. Не потребовали продемонстрировать деньги, поспешили поставить передо мной кружку напитка, похожего на эль или кисловатый сидр, и блюдо с закуской. Мясные ломтики с маринованными овощами – стоящая штука.

– Угодно ли господину заказать мясо молодого поросенка? – увесистая дама в затянутом под грудь переднике наклонилась надо мной. – Сегодня резали.

– Порцию, – согласился я, вынимая одну из двух монет, которые мне дали с собой.

Глаза у дамы вспыхнули, и я понял, что стоимость заказа сильно меньше.

– Еще что-нибудь могу предложить?

– Я подумаю. Пока отдай мне сдачу, а я подумаю.

Женщина фыркнула, словно я ткнул ей в лицо лисьим хвостом, посмотрела на меня обвиняюще, но, уйдя, скоро вернулась с горстью монеток поменьше.

– Неужто ты думаешь, тебя тут обманут? Здесь никого не обманывают, здесь достойное заведение! И уж тем менее могут обмануть гладиатора!

– Это понятно, – успокоил я. – Но не люблю подсчитывать. Лучше видеть глазами, сколько у меня еще денег.

Она снова фыркнула, хоть и не так яростно, и ушла, покачивая бедрами. Порцию мяса с напластованными баклажаном и репой мне принесла девчонка, у которой из-под короткого халата типа кимоно торчали босые ноги, и смотрела она на меня с восхищением и любопытством. Угощение было настолько вкусным, что ненадолго я забыл обо всем. И когда кто-то опустил мне на плечо руку, я вздрогнул.

– Эй, боец. – Парень, стоявший надо мной, был изрядно пьян и взглядом буквально сверлил меня, словно искал во мне черты своего обидчика. У меня вполне рефлексивно сжались кулаки. Однако, натолкнувшись взглядом на фибулу, которую мне вручили вместе с плащом и велели застегнуть на плече, пьянчуга поспешно отшатнулся. – Извинения просим. Обознался.

– Вали отсюда! – велел я, на всякий случай поднимаясь.

– Да ушел уже, ушел...

Убедившись, что несостоявшегося обидчика действительно вынесло из залы, я украдкой покосился на фибулу. На ней был тот же герб, что на длинных шелковых полотнищах, свисающих со стен дворца, только чуть упрощенный. Должно быть, у этого был свой смысл. Или все просто, и таким образом император маркирует свое «имущество»?

– Примите, господин, – зашепила ко мне полногрудая трактирная работница, а может, и хозяйка. Блюдо, которое она передо мной поставила, было наполнено какой-то аппетитнейшей мешаниной, залитой ароматным соусом. И хотя я вполне насытился свининой, понял, что не смогу отказаться от угощения.

– Сколько с меня?

– Оставьте, господин, угостить императорского бойца мы всегда рады.

– Я могу заплатить, зачем?

– Ну что вы, господин. – Однако все же приняла от меня монетку. От ее обиды не осталось и следа, женщина смотрела умильно и радушно.

Овощи и мясо были приготовлены искуснейше, соус оказался выше всяких похвал. Добирая лепешкой его остатки, я вздыхал лишь о недостаточном объеме моего желудка. И, выбравшись из заведения на улицу, постарался запомнить его местонахождение. Забегаловок в городе наверняка очень много, но надо держать на примете вот эту, где так вкусно кормят.

Во дворец я вернулся раньше того срока, который мне обозначили, и Хунайд, придирчиво поморщившись, все-таки не высказал претензий. Вернее, нет, одну-таки высказал:

– Ты что-то больно правильно себя ведешь! И вернулся раньше, и на своих ногах... Подозрительно!

– Я благоразумный. – И, набрав побольше воздуха в грудь, старательно дыхнул мастеру в лицо. Видимо, учуяв легкий запах пива, тот совершенно успокоился.

Последующие бои я запоминал во всех подробностях и каждый переживал по много раз, просыпаясь по ночам и рефлексивно пытаясь схватиться за оружие, повторить атаку или блок. Несмотря на это, привыкание шло стремительно.

Вот странно, но уже через месяц я вполне освоился в замке, с тренировками, с Хунайдом и его манерой тренировать меня, с боями, случавшимися все-таки не чаще, чем раз в две недели. Здесь все воспринимали подобную жизнь не просто как нечто нормальное, а как огромную удачу. Сложно было не поддаться общей инерции. К тому же не лучше ли видеть в ситуации хоть что-нибудь хорошее?

Заставить себя наслаждаться положением смертника слишком трудно, однако привыкнуть к нему, как оказалось, было вполне возможно. Два последующих боя не завершились смертями – в первом случае я ранил противника (сам, правда, тоже по ходу дела получил пару неприятных царапин), и это вполне удовлетворило правителя, а во втором случае он прервал бой и велел нам уходить, потому что к нему явился посыльный с какой-то срочной депешей. Это немного примирило меня с реальностью – я получил доказательство, что поединок не обязательно должен закончиться смертью одного из бойцов.

Полученные царапины уже через пару дней перестали меня беспокоить – лечили здесь великолепно. Так что, если меня искорежат и посильнее, но не добьют, есть шансы быть отшoppedанным по полной программе. И, может быть, если после этого я не смогу драться со всей отдачей, оно даже будет и к лучшему...

– Глупости тебе в голову приходят! – загремел Хунайд, услышав от меня эту идею. – Ты чем намереваешься зарабатывать на жизнь, если не сможешь драться? Ты еще хоть что-нибудь умеешь?

Умею ли я? Эта мысль меня обескуражила. Разумеется, у себя на родине я мог без труда заработать в сфере IT, неплохо водил машину, разбирался в технике... Здесь все было иначе. И, пожалуй, из всех моих навыков только умение дать в морду годилось для этого мира.

– Во-во! – неверно истолковав выражение моего лица, взорвался мастер. – Давай! Разве что корзины таскать тебя возьмут, будешь спать под окнами постоянного двора, потому что на жратву деньги будут, а на ночлег – уже нет. Как перспективка, а? Совсем дурак? Ты если обучишься драться и выживешь, потом в любой клуб, на любую арену устроишься. Тебя как бойца везде возьмут, достаточно тебе будет сказать, что ты перед императором выступал. Золото будешь грести обеими руками... Если доживешь, конечно.

Следующего боя я ждал в напряжении. Мне не могло так долго везти. Ведь предыдущий противник, с которым мне пришлось довести поединок до конца, споткнулся о табуретку, которую слуги вовремя не убрали. Случайность. А последняя драка прервалась не потому, что я оказался сильнее. Пожалуй, в ней у меня было маловато шансов на благополучный исход. Хорошо хоть, что удалось продержаться до момента, когда к его величеству завалился посыльный со срочным извещением.

– Кстати, учти, что тебе предстоит биться через месяц на большой арене, – заявил Хунайд. – Имей в виду, там биться сложнее, чем в приватной обстановке. Ты выступал перед публикой? Можешь рта не открывать, и так знаю, что нет. Куда тебе. Думаю, впрочем, что если ты не будешь пачкать себе голову всей этой дурацкой ерундой про «хорошо б меня ранили», то сможешь справиться. Даже мои четырнадцатилетние ученики справляются.

– Что за представление устраивается? – полюбопытствовал я, собрав всю свою выдержку. Первое, что мне хотелось сделать – это заржать ему в лицо и уточнить, действительно ли он верит, что я стану выходить на какую-то там арену? Но жизнь здесь, пусть и не слишком продолжительная, уже оказала воздействие. Да, я буду. Да, выйду. Куда я денусь? В конце концов, какая разница, где драться – на арене или в комнате? На арене, наверное, даже удобней, там места больше.

– Празднество в честь годовщины восшествия на престол нашего императора. Семидневные игры, как положено. Массовые бои и поединки известных гладиаторов вперемежку с выступлениями императорских бойцов и всякой мелкоты из столичных школ. Тебе это тоже предстоит.

– Кто будет против меня?

– А кто может это знать? Жребий кидают в день боя. Как всегда. Давно пора было привыкнуть. Иди, тренируйся. Ты же хочешь выжить?

– Хотелось бы...

– Давай, шевелись! Думаешь, победа с неба на тебя упадет? Пахать надо, пахать!

Я не спорил. И пахал. Вокруг меня начиналась суета – все готовились к приближающемуся празднеству и сопутствующему представлению. Представление занимало ребят намного больше, чем все остальное, но не абсолютно. От более опытных гладиаторов, некоторые из которых оказались очень говорливы, я уже выяснил, что накануне первого дня боев принято отпускать бойцов повеселиться, немного выпить, полюбезничать с женщинами – словом, приятно провести время. Этого с нетерпением ждали многие из гладиаторов.

Такой настрой вызывал недоумение. Никто из них явно не задумывался о том, что за пирушкой неотвратимо придет миг, когда их жизнь будет разыгрываться в божественную рулетку. А впрочем, может быть, никто из них не видел ничего такого эдакого в своей судьбе. И это вполне понятно. Если здесь все так живут и так смотрят на мир, то с чего бы гладиаторам отличаться?

Мне продемонстрировали кольчугу – тонкое плетение, удобные наплечники, в остальном же штукавина хиленькая, от сильного прямого удара не спасет – и велели тренироваться в ней. Разумно. Здесь не хватало места для индивидуальной тренировочной залы каждому гладиатору, и нам приходилось выжимать из себя пот на глазах друг у друга. Но никого уже не волновало, что кто-то сможет подсмотреть хитрые приемчики друг друга. И меня не волновало – я в основном тренировался с мечом, а самбо оставлял на вечер.

Приближался этот день, и если сперва я в глубине души желал растянуть время и сделать так, чтоб дни сменяли друг друга как можно медленнее, то потом наоборот стал мечтать, чтоб назначенный день как можно скорее наступил, а там уж будь что будет.

– Где мы будем биться? – спросил я Хунайда, когда решил, что кроме ругани и показательного негодования могу узнать и еще что-нибудь.

– Болван, где еще, по-твоему, могут происходить празднества, как не в столице? Мог бы сам догадаться и не отрывать меня от дела своей ерундой. – И, с довольным видом потирая щетинистый подбородок, удалился.

– И скоро нас туда перевезут? – спросил я у своего напарника, с которым на этот раз отрабатывал ближний бой на мечех.

– За день до открытия празднеств. Там же будет и пирушка. Правда, я их не очень люблю. Перепьешься, а потом жребий падет на тебя, и будешь с похмелья драться. Нафиг надо.

– Так не напивайся.

– Когда начинаешь, там очень трудно остановиться. Обстановка такая. – Он покрутил пальцами и, не найдя, видимо, подходящего выражения, взял меч на изготовку. – Ну что, продолжим?

Почему-то ближе к надвигающемуся событию беспокойство оставило меня. Я привык к мыслям о грядущем состязании на арене и до самого последнего момента оставался невозмутимым. Ждал подозревающего взгляда Хунайда, когда заявил, что вечеринка меня не интересует и я на нее не пойду, но тот отреагировал вполне спокойно.

– Хочешь сработать на разогреве?

– Не хочу, но могу.

– Болва-ан, – добродушно наградили меня. – Спервоначалу публика добродушна, а его величество вообще заканчивает заниматься делами, поэтому шансов на то, что проигравшего помилуют, больше. Ты же все это понимаешь, хитрец! Поэтому и напрашиваешься.

Я не спорил. Напрашиваюсь так напрашиваюсь. Мне же проще.

В столице, куда бойцов доставили на двух десятках огромных драконообразных существ, размеры императорского замка поразили воображение тех из нас, кто пока не имел счастья наслаждаться этим зрелищем. Всю столицу немыслимо было накрыть взглядом с той высоты, на которой двигались крылатые животные. Но мощь твердыни, вокруг которой теснились бесчисленные городские районы, впечатляла.

Как почти каждый замок, его не возвели разом вот таким, а достраивали и укрепляли десятилетие за десятилетием. И теперь он сам по себе тянул на средних размеров город. Интересно, как его думают защищать в случае чего? Впрочем, с магией это может оказаться намного легче, чем просто руками и телами. Ведь должна же здесь бытовать не только та магия, которая помогает вытаскивать из других миров то одного, то другого бойца, непременно есть и боевая.

В замке оказалось так много места, что, как и раньше, мне досталась целая комната, в которой, впрочем, предстояло прожить недолго. Если все пойдет как надо, после празднеств выжившие вернутся обратно, а если я не выживу...

Накануне открытия пышных празднеств я спал особенно сладко и даже, кажется, видел какой-то завлекательный сон. И утром проснулся свежим. Мальчишек, будущих гладиаторов, прислали помочь одеться и вооружиться сущим гладиаторам, и, увидев восторженные глаза юнца, подававшего мне подкольчужник и кольчугу, я второй раз за время пребывания здесь невольно испытал удовольствие от своего положения. В самом деле, трудно не дрогнуть душой, когда на тебя взирают, словно на живое божество.

Нас позвали спуститься во двор, когда солнце уже вовсю заливало брусчатку и щедро поджаривало дорожную пыль. Под рев труб распахнулись замковые ворота, и, предводительствуемые красиво экипированными и вооруженными солдатами из императорской гвардии, а также четырьмя магами в длинных бирюзовых мантиях, мы, гладиаторы, ступили на улицы города.

Здесь былолюдно и шумно. Разодетые горожане толпились на обочинах дорог, не переступая прорисованной прямо по брусчатке желтой границы, кричали, махали руками, иногда швыряли цветы или пригоршни крашенных зерен, а те, что помоложе, еще и подпрыгивали. Так и тянуло помахать рукой в ответ наподобие какого-нибудь знаменитого боксера, подступившего к рингу.

Черные с красной полосой плащи на наших плечах трепал теплый ветер, грозивший ближе к полудню превратиться в обжигающе-жаркий. Слава богу, что в этих краях принято было устраивать гладиаторские представления рано утром и поздно вечером, а днем, в самое пекло, посещать прохладные храмы, смотреть представления в закрытых театрах и пировать – об этом мне уже подробно рассказали. Хоть не придется размахивать мечом, когда солнце в зените.

Жмурясь, я поглядывал по сторонам, разглядывая роскошные особняки и арки, благожелательно поглядывая на молоденьких женщин в ярких платьях и накидках, на яркие флаги по стенам... Или, может, это были просто куски тканей, изображений-то на них нет, разве кое-где повторяющийся узор... Точно ткани. А вот и с той террасы свисает ярко-красное полотно, отделанное гирляндами живых цветов. Красиво, ничего не скажешь.

– Шествия – штука дурацкая. Но публике надо дать насмотреться на настоящих мужчин, – бурчал шагающий рядом со мной гладиатор из старших. – И нам приятно, и им интересно. Только лучше б они кидали не зерно, а монету. Они сейчас насмотрятся, потом будут еще смотреть на нас на арене. А мы – потеть.

– Они ведь за места платят, – вставил другой боец.

– Но тут-то не платят ни черта!

– Ты уж за каждый чих готов требовать монету. Тебе должно быть лестно, что тебе рукоплещут. Вчера нам устроили праздник...

– Не они, а император.

– Император – владыка всех этих людей. Они ему служат, а он им за это – праздники.

– Закрутил-то, закрутил...

Я лишь хмыкнул про себя и улыбнулся молоденькой горожанке, которая особенно настойчиво тянулась вперед, не решаясь все же переступить через желтую черту. На улицах здешних городов нельзя было увидеть полураздетых девиц на шпильках, чья грудь при ходьбе

выпрыгивает из декольте с таким же рвением, с каким ягодицы норовят выскочить из штанов с заниженным поясом. Все местные женщины кутались в тряпки не хуже мусульманок, разве что предпочитали не черные мешки, а тончайшие прозрачные, приятные глазу драпировки.

Однако при всем при этом представительницы прекрасной половины человечества этого мира привлекали к себе куда больше мужского внимания. Может быть, здесь сказывалось то, что они избегали его, а может, то, что избегали недостаточно усердно. Обрисовываемое складками тело казалось намного более манящими, чем практически полностью открытое взгляду.

Дорога тянулась под гору, дома постепенно становились все выше, а людей – все больше. Перед нами вставал огромный столичный стадион, занимавший, как было видно с башен императорского замка, куда нас пускали полюбоваться видами, изрядный кусок драгоценной городской земли. Внешние террасы были расцвечены многоцветием самых разных магазинов и ресторанов, а также других заведений, развлекавших горожан в дни, когда на стадионе не случались игры. Впрочем, все это изобилие было к услугам клиентов и в дни праздничные.

Для нас были настезь распахнуты огромные кованые ворота, обычно плотно запертые, и подходы к ним устилали ковры. Я успел узнать, что ковры на улицах обычно подстилаются под ноги самым уважаемым людям, и в этом было еще одно свидетельство того, как высоко положение гладиаторов в здешнем обществе. Лепестки цветов и ветки с зелеными листьями, брошенные нам под ноги, скоро усыпали эти ковры настолько, что трудно было разглядеть узор.

Таким же зримым знаком почтения к нашей профессии явилась стайка облаченных в прозрачные ткани, увешанных венками из листьев плюща девушек, выпорхнувших нам навстречу с золотыми дисками в руках. Оказывается, эти диски умели звенеть не хуже бубенчиков. Танцевали девушки восхитительно, и я с удовольствием остановился вместе со всеми, чтоб полюбоваться этим зрелищем. Аккомпанировал им затейливый перелив барабанов, доносившийся незнамо откуда, чуть позже присоединились звуки каких-то сипелок... Что-то восточное было в этой музыке, как и в этом танце, но какая, в конце концов, разница?

Потом стайка рассыпалась, и девушки вдруг оказались совсем рядом с нами, овеявая нас ароматом цветов. Я заметил искрящиеся улыбкой глаза под распущенными тугими кудрями и полные губки, а потом мне в руку сунули венок и исчезли, не дав даже толком полюбоваться на все остальное.

И гладиаторы двинулись дальше, к воротам и за ворота, оставляя позади ликующую толпу. Чего ж им не ликовать – они предвкушали захватывающее зрелище.

Поворачивая вслед за всеми во внутренние помещения стадиона, я лишь краем глаза успел взглянуть на празднично изукрашенную арену. Да, изрядно места. Неудивительно, что сюда выгоняют сразу с десятков, а то и больше, сражающихся пар. Столько места не нужно для двух бойцов. Интересно, как будем сражаться мы, гладиаторы высшей касты?

– Сюда. Бросать жребий на день! – зычно окликнул нас Хунайд. В большой зале, уставленной скамьями и столами для оружия, он ждал нас не один – здесь же обнаружился Исмал, двое его других помощников-мастеров, и еще люди – наверное, тренеры других групп. – Серт и Гунвилль не бросают жребий, они дерутся сегодня.

– Куда ты рванул, тебе же сказано не бросать жребий, – толкнул меня в бок гладиатор, с которым я шагал в этом шествии плечо к плечу.

– Названо было два имени, – хладнокровно ответил я. – Какое из них относится ко мне?

– Как какое?.. А, я и забыл, что ты чужак. Тебя император назвал хитрецом, а значит, таким и будет твое имя на арене. Серт означает «хитрец» на языке аврер, на котором мы молимся и даем имена нашим детям. Теперь отзывайся на имя Серт, а то Хунайд тебе покажет свое неудовольствие.

Я в недоумении посмотрел на своего собрата по профессии, потом перевел взгляд на Хунайда. Тот хмурил брови, потряхивая мешочком, в котором что-то постукивало. Камушки какие-нибудь, наверное, или кости. В первый момент я не смог вспомнить, при каких таких

обстоятельствах его величество мог меня заново окрестить. А потом припомнил бой, происходивший в опочивальне императорской наложницы. Да, что-то такое про хитрость тогда было сказано. Наверное, они решили, что я вполне себе умею владеть мечом (как любой местный гладиатор), просто придурился.

Интересно, кто мог услышать их разговор? В зале тогда не было никого, кроме них, меня и моего противника. Ну, еще слуги... И того офицера, который нос в дверь совал, а внутрь шагнуть не решался... Блин! То есть в этих краях каждый пук правителя наделяется каким-то особым значением?! Слава ему, что он меня не обозвал задницей или чем-нибудь похуже.

Я отступил назад и переглянулся с тем бойцом, который тоже не полез вперед. Видимо, это и есть Гунвилль. Можно кивнуть ему и получить ответное приветствие. Наверное, он тоже не любит выпивать накануне боя, поэтому попал в первый состав вместе со мной.

– Все кинули жребий? – еще раз гаркнул Хунайд. – Те, кто вытянул белые камни, бросают их в эту чашу и ждут своей очереди в жребии на время, остальные отошли назад. Серт и Гунвилль тянут первыми. – Он сунул мне мешочек прямо под руку, и я ощутил внутри гладкие, обточенные водой голыши с рельефными вставками на каждом. На ощупь они ничем не отличались, поэтому я хватанул какой-то и вытянул. В середину серого окатыша была вставлена молочно-белая искорка.

– Серт – первый! – объявил Хунайд и неожиданно подмигнул мне: – Одно слово – Хитрец.

Глава 4

Бой ярости и бой надежды

– Тебе лучше ждать своей очереди здесь, – сказал Хунайд, приведя меня в небольшую комнатку со сводчатым потолком. Здесь имелось окно, забранное решеткой, и выходило оно как раз на арену. – Тебя заблаговременно предупредят и позовут. Прислать массажистку?

– Куда мне сейчас еще женщину?

– Тебе решать, но бодрящий массаж не помешает. Вот бойцы пошли – только о развлечениях и мысли, не о деле! Болван ты...

– Меня зовут Серт. – Я испытал вдруг вспышку легкого раздражения – достало однообразие его замечаний. – Так решил ваш император. Можешь звать меня так.

Помощник мастера как-то сразу сник, пробурчал что-то неразборчивое и убрался. «Вот, – с удовлетворением подумалось мне. – Будем бить врага его же оружием».

Снаружи разноголосно взревели трубы, засияли под солнцем всплеснувшие под ветром флаги, и на арене появилось множество девичьих фигурок, увешанных не столько тканями, сколько цветочными гирляндами. К беззвучно прокравшейся в комнату массажистке я повернулся в недоумении, но ненадолго – зрелище стоило того, чтоб не отводить от него глаз.

– Разве у вас считается приличным появляться в таком виде? Я решил было, что ваши традиции предписывают женщинам кутаться...

– Это представительницы цеха танцовщиц, – коротко отозвалась девушка, оправляя на себе широкий белый балахон. – Им грех публичного обнажения прощается еще при принесении цеховой присяги. Недостатка в женихах после выхода из цеха ни одна из них не испытывает – многие мужчины желают получить танцовщицу в единоличное свое владение... Господин Серт ляжет или предпочитает, чтоб его массировали сидя?

Я уже не изумлялся подобному обращению – такова уж была местная форма вежливости. «Вы» здесь никогда не произносили при обращении к одиночке.

Девушка покропила руки маслом и взялась растирать мне плечи.

Это было приятно, а еще приятнее оказалось наблюдать за происходящим снаружи. Даже танцем сложно было назвать это великолепное многолюдное действо, гдедвигающиеся женщины образовывали, казалось, единый организм, завораживающий зрителя своими трансформациями. Каждая танцовщица к тому же искусно манипулировала двумя огромными цветными платками, и потому их жесты обретали многоцветие.

Воздух снаружи сотрясаясь от музыки, которую образовывали только барабаны, трубы и голоса – ничего больше. Варварская музыка, но, боже, до чего захватывает! Мне показалось, я не живу, а следую этому ритму, в резонансе с ним, как вся человеческая жизнь звучит в унисон сердцебиению. Блеск золотой парчи в руках танцовщиц сменялся шелковым разноцветием, а потом на арену вступили ряды бойцов, двинувшиеся в массу танцующих девушек, словно на штурм вражеской твердыни. Лишь в самый последний момент танец рассыпался, и танцовщицы кинулись в разные стороны, ловко уворачиваясь от мужских рук. Ритм взвился в последний раз и оборвал мелодию.

Трибуны приветствовали два строя гладиаторов восторженным мощным гулом. Удивительно, как там никого не сдуло. Я запрокинул голову, расслабляясь под пальцами массажистки. Теперь мне как-то понятнее было желание императора и его наложницы наслаждаться любовью и зрелищами одновременно. Все тридцать три удовольствия – это по-настоящему круто!

Строй разбился на пары, и началось представление. Впрочем, дрались они всерьез и – как я внезапно обнаружил – отнюдь не только друг с другом.

Вероятность того, что с тобой вдруг без предупреждения вступит в схватку соседняя пара или кто-то один выживший, как выяснилось, существовала в практике любого гладиатора, выступающего в общих боях. Причем произойти это могло буквально в любой момент. Только теперь я начал понимать слова более опытных товарищей, втолковывавших мне, что мое счастье – в судьбе привилегированного бойца, который сразу начал с парных боев. Удел элиты, это ясно, достаточно взглянуть на творящийся снаружи «разогрев».

Девушка закончила массаж сильными тонизирующими нажатиями и щипками, полотенцем сняла с плеч излишки масла и, собравшись, ушла. Чуть погодя в комнату заглянул один из младших помощников Исмала.

– Сейчас, после общей схватки, будут выступать три пары женщин, потом – бой верхами, а потом – твой выход. Сейчас выпей вот это. Давай.

– Я бы лучше съел чего-нибудь. – Только теперь вспомнилось о том, что сегодня нас не покормили завтраком.

– Ну ты даешь! Если тебя при полном желудке ранят в живот, спасти будет труднее.

– Если думать о такой вероятности, то перед боем надо не поститься, а ставить клизму.

– Да ладно, ты ж чужак, что ты в подготовках к бою можешь понимать?! Вот, выпей это, и тогда в случае чего лекарю будет проще с тобой возиться. Глядишь – и выживешь.

– Оптимистично, – пробормотал я, осушая кубок. Зелье отдавало мятой, но в целом было противным, как почти любое лекарство.

Допив, вернул посудину и вновь уселся к окну. Общий бой шел полным ходом, постепенно из совокупности пар превращаясь в одну общую массу. Кто там с кем дрался, понять уже было нельзя, но бездыханные или едва шевелящиеся тела под ногами множились в геометрической прогрессии. Через пару минут над ареной взвыл рог такого тона, что при должном упорстве способен пробрать до печенок. Выжившие прекратили насакивать друг на друга, опустили оружие, поклонились примерно в одну сторону. После чего побрели прочь, а мимо них уже неслись стадионные работники, утаскивающие тела и раненых, засыпающие песком пятна крови.

Девицы, вышедшие на арену следующими, интересовали меня еще больше, чем их предшественники. Правда, ожидания они обманули. Их выход не предваряли танцы и ликование, да и амуниция не напоминала традиционно-фэнтезийное мини. Никаких голых животов, декольте до пупа, ног, обнаженных аж от промежности. Кожаные брони, брючки, длинные рукава. Видимо, только мужчинам в этом мире прилично было выступать полуголыми. Припомнив гладиаторш на вечеринке леди Миралей, я был вынужден сделать вывод, что да.

Пожал плечами и стал натягивать подкольчужник. Будет жарко, зато шансы выжить чуть увеличатся. Судя по всему, бой этих трех пар будет малоинтересным и непродолжительным. Схватка конных вызывала теперь большее любопытство. Но после нее уже и мой черед, так что лучше заблаговременно подготовиться, а потом смотреть себе спокойно.

– Давай помогу, – предложил заглянувший в комнату младший помощник Исмала. Поднял кольчугу. – Доспех должен лежать, как вторая кожа, тогда он не будет мешать. Поэтому его надо правильно надевать. А ты ж чужак... И вот эти ремни затяни, но не так, чтоб впивалось. Подвигайся... Удобно? Пояс чуть ниже сдвинь.

– Мне так удобно.

– Это тебе сейчас удобно, а потом, когда придется резко нагибаться? То-то. Ну, готовься.

– А шлемы почему не предлагают? У меня на родине гладиаторы всегда были в шлемах.

– У каждого мира свои традиции.

И ушел. Снаружи уже не размахивали мечами женщины, зато разворачивались к атаке две ездовые крупные рептилии, на каждой из которых сидело по двое – видимо, возница и боец. При мысли о том, что от смерти меня, возможно, отделяет не так много времени, внутри все свернуло короткой судорогой. Я закрыл глаза и вдруг понял, почему обычно перед боем

молятся. Не столько от того, что надеются за короткое время выхлопотать себе заступничество, а для успокоения. Ослабив свои связи с землей, подняв глаза к небу, проще рисковать.

– Серт, пора! – окликнули из двери. – Спускайся!

На арену, впрочем, я ступил далеко не сразу. Исмаил лично проверил, как закреплены у меня на запястьях «когти», после чего с улыбкой кивнул на арку, за которой уже начинались песок, солнце и вопли толпы:

– Считай, они и тебя приветствуют.

Снаружи задышали трубы, пригоршней сухого гороха рассыпались барабаны. Появившаяся, казалось, из ниоткуда девичья стайка развернулась ровным кругом, который сперва сомкнулся, потом разомкнулся и истаял, оставляя на песке цветы. «Как на могилу, ей-богу, – мелькнуло у меня. – Хренова группа поддержки».

Меня подтолкнули в плечо, и я шагнул под ливень солнечного света.

– Не забудь поклониться императору, – прозвучало вслед.

А навстречу уже шагала чужая фигура, при мече, щите и тоже без шлема. Собрат по несчастью. Впрочем, по несчастью ли? И собрат ли? Кому из нас повезет?

Я помнил, мне говорили, куда надо пройти, где встать и куда повернуться. Отсюда, из центра арены, трибуны выглядели захватывающе и величественно. Кто-то когда-то построил местный Колизей с художественной выдумкой, и императорская ложа потому была выполнена в форме разинутой зубастой пасти, обрамлена гривой и крыльями, а тело и хвост этой твари обмыкали трибуны. В «теле» были проделаны окошки, видимо, сквозь одно из них я и любовался зрелищем.

Нутро императорской ложи пестрело яркими одеяниями, сам он на этом фоне выделялся, как золотой перстень в устланном темным бархатом футляре. Видимо, золото было цветом правителя. Ничего удивительного, в общем-то.

Да, ему следует поклониться. Мой противник проделал то же самое. Покосился на меня. Опытный, сразу видно. Мне капец.

Мы дождались сигнала рога. Парень, против которого меня поставили, не спешил атаковать, с осторожностью присматривался и примеривался. Его явно беспокоило отсутствие нормального оружия в моих руках. Ну еще бы. Вот он, мой шанс – противник этот не имеет и не может иметь представления о самбо. Свой козырь надо разыграть с максимальной выгодой – и я поспешил надеть на тыльную часть правой руки кастет.

Если б мой «оппонент» не был так сосредоточен, у него б, наверное, глаза на лоб полезли. А так лишь посмотрел с недоумением. Ну что поделаешь. У тебя – меч и щит, а у меня – только «когти», надо иметь возможность отражать клинок обеими руками.

Сперва следовало избавиться от щита. Мы кружили друг вокруг друга; он сделал пару выпадов, которые я пропустил мимо себя. В какой-то момент сознание напомнило мне, что вокруг полно народу, жаждущего традиционного зрелища, что трибуны неистовствуют, не поймешь, от негодования или восторга. Как бы меня не дисквалифицировали стрелой в затылок за ломку шаблона. Но на подобные раздумья уже не оставалось времени.

Смерть маячила передо мной, балансируя на кончике меча и подрагивая в кромке щита. Особенно щит меня заботил – с ним мне сложнее всего разобраться. Все-таки самбо рассчитано на совершенно другие обстоятельства.

Выпады противник совершал короткие и точные, чувствовалась сильная умелая рука. С таким можно действовать только наверняка, пробной попытки не будет. И позволять себя ударить щитом нельзя ни в коем случае. В моем положении щит – то же оружие, сокрушительное, смертоносное. Поэтому здесь требовалась строгая продуманность действий.

В какой-то момент, сгладив выпад и уведя его сторону, я оказался совсем рядом со щитом, которым меня как раз примерились пнуть в грудь. Зацепил верхнюю кромку и рванул вниз – не то движение, которого может ожидать мой противник. Махнул «когтем» над щитом,

от меча увернулся уже на автомате – слава богу, что потратил столько времени на соответствующие тренировки. К тому же выпад оказался не из сложных: рефлекторный, потому что панический, а значит, предсказуемый. Его я просто увел в сторону столь же жестко отработанным образом.

Не получился финт, щит остался в руке противника, ранить не получилось, хоть сам цел. Отметил себе, что этот прием больше не пройдет, нет смысла и пытаться.

Парень сузил глаза, и в этом прищуре была холодная угрожающая оценка. Он ударил сложным крученым приемом, который мне не приходилось отрабатывать, но зато случалось видеть. От него сложно было уворачиваться, и я наоборот шагнул вперед, позволил чужой руке пройти почти у самого моего бедра следом за клинком, согнулся, хватаясь за запястье... Мы двигались друг вокруг друга, словно дельфины, делящие рыбину, и в той вспышке наития мускулов и выучки была даже какая-то красота и гармония. Воспринятая, впрочем, с задержкой.

Противник громыхнул мимо меня на песок, не выпуская из пальцев меч, за секунду до того едва не вскрыл мне бедро. Я прыгнул следом – мне было не в новинку так нырять – и два раза сильно пнул по щиту. Первый пинок, заполошный и кое-как скроенный, гладиатор выдержал, второй прошел удачнее. Кулачный щит вылетел из руки, и я поспешил прыгнуть на кругляш сверху, чтоб в дальнейшем не было смысла его поднимать.

За это время мой противник успел подняться на ноги.

Мы сцепились снова, как два хищника, отстаивающих свое достоинство – землю, самок, добычу. Никто из нас уже не помнил, что все это лишь игра, правила которой писали не мы, а как минимум один из нас даже, собственно, не подписывался их соблюдать. Забылось сейчас все, просто было вздрагивающее горло врага и его руки, ошетиленные железом, и ноги, пока еще нас обоих державшие, и воздух, пока вливавшийся в легкие. Мы даже не способны были слышать вой трибун, и если б нас окликнул распорядитель игр (не слишком-то часто обнаруживавший свое существование) – мы не восприняли бы.

Пару раз я перехватывал его за руку и швырял через себя, один раз успел полоснуть «когтем» снизу и вдогонку, но попал по кольчуге. Пару раз противник мой цеплял меня мечом, оба раза по доспеху. Очень крепко, но и боль тоже удастся ощутить лишь потом, после боя. Как пьяный, я не ощущал боли, я был пьян схваткой.

И когда удар «когтем» все же прошел, а следом за ошетиненной металлом рукой рванул поток упругих плотных темных капель, я сперва даже не осознал, что происходит. Развернувшись по инерции, приготовился перехватывать очередной удар, но его не последовало. Он последовал по ногам, неловко, агонически: отскочить не трудно. Парень, зажимавший рану, повалился в пыль на колени – правая рука его не слушалась. Я поднял глаза к императорской ложе – его величество смотрел в сторону, а кресло, в котором раньше вроде как сидела его наложница, оставалось пустым.

На меня смотрела одна из дам, явно приближенная к особе его величества, правда, держащаяся как-то по-особому, в отличие от них, даже одетая совсем в другой манере – тут это было важно. Она поймала мой взгляд, восприняла бешенство трибун, требовавших, чтоб решение по поводу поверженного было наконец принято. Поднялась с места и взмахнула тонкой рукой, давая мне знак, чтоб я опустил оружие.

Содрав с запястья правый «коготь», я упал на колено рядом с недавним противником, зажал ему рану, видя, что тот слабеет, не в силах сам сохранить остатки своей жизни. Он повернул голову и сперва сделал попытку оттолкнуться от меня, должно быть, истолковав мой порыв превратно. Потом ослабел, позволил нормально взяться за свое плечо. А по арене уже бежали двое, и один явственно был врачом – местные эскулапы носили белое длинное полотно через плечо поверх черной одежды и мешочек, привязанный к локтю.

– Держись, парень, сейчас, – пробормотал я, пытаюсь оценить размеры кровавого пятна на песке и прикинуть, есть ли у гладиатора шансы.

Тот что-то вяло пробурчал в ответ. Потом меня потеснили, и лекарь ловко взялся за пациента, а набежавшие следом работники стадиона аккуратно переместили раненого с песка на носилки и бодренько унесли прочь.

Мне же прежняя дама сделала знак подойти, и я в недоумении сделал несколько шагов в сторону императорской ложи. Меня никто не спешил прогонять, да и на эту тему я был совершенно спокоен – если что, мое странное поведение спишут на чуждость, и если я вдруг выйду за рамки приличий, распорядитель праздника сразу появится рядом, словно из-под земли.

Император наконец-то соизволил повернуть голову и благосклонно взглянул на меня, потом – на даму, дававшую мне знак. Вынырнувший из-под ложи распорядитель в роскошном алом плаще, подвернутом совершенно особым образом, проорал что-то на тему удовольствия, полученного правителем от созерцания боя и необычайного мастерства, продемонстрированного мной. Удивительное дело – его крик вполне перекрыл шум, производимый публикой, либо же публика в тот момент притихла, ожидая услышать интересное.

Потом взвыл рог, ему разноголосо ответили трубы. Все тот же голос известил, что его величество желает наградить меня, после чего распорядитель двинулся в мою сторону и с надменным видом божества, дарящего мир своей милостью, вручил длинную полосу ткани, вроде ленту, и тяжелый золотой браслет. Грозно свел брови, не заметив у меня никакого благоговения или восторга в лице, и зашипел:

– Хоть поклонись!.. Хамье нерасторопное!

Я поклонился, после чего поспешил убраться прочь с арены, хоть это и оказалось не так просто. Засыпанное песком пространство вновь наводнили танцовщицы, их даже, пожалуй, стало раза в три больше, а может, мне просто так показалось. Одеты они были по местным традициям очень уж облегченно, с блескучими кружевами на груди и складками ткани на бедрах – красиво и очень волнующе, не поспоришь.

Нельзя же было их расталкивать, в конце концов. Красиво танцуют, да и вообще... Ожидание было вполне вознаграждено – девушки расступились, пропуская меня к выходу с арены.

В арке ждал Исмаил – довольный на изумление. Он ободряюще хлопнул меня по плечу.

– Молодец! Далеко пойдешь, если постарайшься и не растеряешь свою удачу.

– Хм... – только и нашел, что ответить я.

– Эти браслеты, – видимо, мастер догадался, в чем суть моего недоумения, – знак императорского внимания. Даже в будущем, если ты перестанешь быть императорским бойцом и уже не будешь иметь право носить плащ, заколотый аграфом с императорским знаком, то этот браслет у тебя никто не заберет, и, видя его, каждый будет знать, что тебя отметил правитель. Это путь к высотам гладиаторской карьеры, да и просто к почтению.

– А вот это? – Я с недоумением рассматривал ленту – цвета крови, с узкой золотой полоской по краю.

– То же самое. Можешь передать в будущем своей жене илишить на свою одежду. – Исмаил посмотрел на меня задумчиво. – Неужели ты думаешь, многие гладиаторы могут похвастаться подобными знаками монаршего внимания? Тебе везет здесь всю дорогу, а ты этого даже не осознаешь. Я уж молчу о том, чтобы ценить, ценить свою удачу! Ты не понимаешь, что, продолжая и дальше тем же манером, всегда будешь несчастен и обманут жизнью. Потому что помнить станешь лишь неполученное, а о полученном забудешь. Ты страдаешь по недостижимому, при этом отказываешься ценить благодеяния, которыми тебя одаряет бытие – ну не глупость ли?

– Я очень даже понимаю, как это круто, что я все еще жив!

– По твоему ответу понимаю, что ты ничего из того, что я сказал, не понял.

- От меня еще что-то требуется? – Я потерял терпение.
- Нет. Ступай, мальчик проводит тебя к врачу, а потом можешь быть свободен до вечера.
- В каком смысле?
- Практически в буквальном. Можешь погулять по городу, если желаешь. Вот деньги.

Но сперва – к врачу.

Спорить – да зачем? Я поднялся на этаж, позволил стащить с себя кольчугу и продемонстрировал два солидных синяка. Трещина ребра – пояснил лекарь, обследовав один из них. Ничего страшного. Вот мазь, сейчас его помощник мне вотрет и будет приходить втирать каждое утро и каждый вечер. Три дня тренироваться аккуратно, в щадящем режиме, потом можно наращивать нагрузки. Постепенно, само собой. Если будет болеть, прийти и сказать. А теперь лучше бы освободить комнату и внимание врача, потому что с моим противником еще очень много возни.

Я вышел из служебного выхода со стадиона – зрелищами боев, да и танцами тоже, я был сыт на сегодня по горло. Разумеется, от дразнящих воображение свидетельств праздника не увернуться, да и не надо. Главное – знать, что на этот раз от меня отвязались, и я волен какое-то время наслаждаться покоем и стабильностью в этой жизни.

А если не держать в голове вероятность летального исхода, то существование местного гладиатора – штука довольно приятная.

Остаток дня прошел в ощущении какой-то невероятной усталости. В трактире, куда я заглянул (полупустом, конечно, почти все умотали любоваться на смертоубийство), вокруг меня плясали сразу три свободные служанки – а меня это раздражало. Я хотел, чтоб меня оставили в покое. Предлагаемые блюда, должно быть, очень вкусные, глотал без какого-либо удовольствия, и, осознав, что уже не вмоготу, заторопился обратно, в замок, поближе к своей комнате. Может, сказалось еще и лечение... Словом, мне хотелось только одного – лежать.

В замок меня впустили не сразу, а когда я все-таки добрался до отведенной мне комнаты и рухнул лицом вниз, в дверь снова заглянули. Девушка, которая раньше носила обеды и ужины, от двери продемонстрировала мне кувшин.

- Винца притащить?
- Не хочу.
- А пива?
- Отстань. – И тут же пожалел, что вырвалось, – с местными, тем более с обслугой, я предпочитал поддерживать хорошие отношения.

Правда, девушка нисколько не обиделась.

- Что, умаялся? Как понимаю, развлечения тебе предлагать тоже бессмысленно?
- Да уж!
- Ну ладно, отдыхай. Врача позвать? – И упорхнула.

Может быть, благодаря усилиям местной медицины я чувствовал себя намного лучше, чем должен был, только очень уж вялым и равнодушным. Два последующих дня празднеств прошли как-то мимо моего сознания, хотя они изрядно проредили моих нынешних знакомцев, спускавшихся к ужину в общую залу. Выжившие не теряли оптимизма. Кроме меня еще только один гладиатор щеголял золотым браслетом. Только увидев его и выражение лица, с которым он демонстрировал награду интересующимся, я понял, как следует держать себя бойцу, удостоенному императорского знака внимания. И заодно – как нужно этот браслет носить.

Мне не могли не польстить завистливые, а когда и восхищенные взгляды молодых гладиаторов, большинство из которых было привезено сюда для участия в массовых или малых боях – тех, что происходили на второстепенных аренах столицы. Для них золотая безделушка с выполненными эмалью императорскими знаками была доказательством моей необъятной крутости и обязывала смотреть мне в рот. В принципе я не возражал.

– Ты как-то не слишком стремишься наблюдать за чужими боями, – сказал Хунайд, с подозрением сощурив глаза. – Думаешь, что все на свете умеешь, и опыта набираться тебе не нужно? – И, чуть сменив тон: – Что, сильно болит твое ребро?

– Ребро не сильно болит, но вряд ли я смогу набраться опыта, наблюдая чужие выступления.

– Много ты понимаешь в этом деле! – Помощник Исмала сделал презрительное лицо. – Что, думаешь, если император тебя отметил, то ты все, бессмертный?

– Слушай, мне как-то диковато тебя слушать. Ты зачем мне это говоришь? Чтоб меня в чем-то убедить или просто выговориться?

– Чего?..

– Мне как-то не улыбается доказывать, что я не считаю себя бессмертным. Выглядело бы по-идиотски. Все ведь и так вполне понятно. Ты считаешь, что мне следует смотреть, как другие бойцы выступают, – так и скажи. Не надо давать ответы на возражения, которые даже не прозвучали.

Тренер, почесывая затылок, смотрел на меня с огромным недоверием.

– Что – самый умный, да? – изрек он наконец, словно бы отыскав устраивающее его объяснение.

– Не жалуюсь.

– Ну-ну. Смотри, можно, конечно, умничать сколько угодно, но это тебе в бою не поможет. А наблюдение и тренировки – очень даже.

– Думаешь, я отказываюсь от того или другого?

– По мне, так ты слишком много треплешься. Ну да, я понял – это вроде как твоя хитрость? Хочешь себя представить неумехой и недоумком? Отличная идея! Главное, чтоб побольше народу в это поверило, Серт.

Я усмехнулся. Мой опыт в словесных баталиях был намного значительнее, чем у здешнего старого гладиатора, ставшего тренером, – он-то привык выяснять отношения другим способом.

– Буду над этим работать. А ты, может быть, прекратишь дурака валять и изложишь четко, чего ты от меня хочешь?

Хунайд сперва набычился, приподнял плечи, словно собирался свернуть мне челюсть хорошим ударом, но потом передумал.

– Так, ты завтра должен быть на арене вместе со всеми, и не забудь оружие. И умничанье можешь отложить до конца праздника. Или думаешь, что, один раз подравшись, освободился до конца праздника?

– Значит, нет? С этого и следовало начинать.

– Ты мне еще поуказывай! – И, отвернувшись, поспешил уйти, должно быть, утомившись от непривычной словесной баталии.

– Неплохо ты умеешь убалтывать, – заметил один из бойцов, подойдя ко мне.

Этот был один из самых опытных императорских гладиаторов, на новичков, чужаков и уж тем более то и другое одновременно он не обращал никакого внимания. Но с момента моего последнего выступления все изменилось, теперь со мной по вечерам в общем зале здоровался и он, и остальные «старые гладиаторы». Несложно было понять, что причиной здесь – подарок от имени правителя.

– Не обижайся на Хунайда, он со всеми так разговаривает. Считает, что если не дергать учеников беспрестанно, результат будет хуже. Уже привык так.

– Это понятно. В голову не приходит обижаться.

– Просто завтра, помимо всего прочего, может случиться бой выбора. Его величество сам может пожелать выбрать пару бойцов или позволит кому-то из своих людей, или даже зрителям, выбирать. Могут выбрать и тебя. Причем очень вероятно, что выберут. Очень уж

странно ты дерешься, твоя победа похожа на случайность. Точно так же бой выбора случается и на шестой день праздника. Да и в любой момент, если на то будет воля императора. Поэтому мастера хотят, чтоб ты, как и прочие, был под рукой.

– Но сказал мне об этом только сегодня.

– Ты же пострадал в бою. Двое суток достаточно, чтоб привести тебя в порядок. Хотя бы насколько-то. Вот он и напомнил тебе то, что все гладиаторы должны знать. Ну и тому, что боец должен учиться всегда.

Я развел руками.

Это было самое настоящее разочарование. Правда, я быстро успокоил себя. Такова уж моя теперешняя здешняя жизнь, бой может случиться в любой момент. К тому же не факт, что меня выберут. Да, такому, как я, который не выбирал подобную жизнь, не стремился к ней, морально не готовился, сложно свыкнуться с мыслью, что в любой момент может начаться поединок, которых Бог знает чем закончится. Собственно, один в один как на войне. Самое главное – трудно с ходу научиться находить в этом кайф.

Но на следующий день, когда мы все (никак не меньше сотни человек) вышли на арену и голос распорядителя торжества, повторяя императора, назвал мое имя, я даже почувствовал облегчение. Человеку с моим характером предпочтительней заранее знать дурное, чем не знать ничего и мечтать о лучшем.

В качестве противника мне выбрали девицу.

– Ну, держись! – шепнул мне тот опытный боец, который обратил внимание на факт моего существования только после награды. – С бабами – самые тяжелые бои.

Я уже знал это, но лишь теоретически. И сейчас впервые пожалел об этом. В потешной схватке на вечеринке или в полутьме жилых покоев еще можно смухлевать, словчить и остаться в живых – здесь этого не допустят. Я вступал в самую опасную схватку в своей жизни, не имея ни малейшего представления о возможных подспудных опасностях такого столкновения.

Только теперь мне стали понятны упреки Хунайда, вчера воспринятые лишь как дурь помощника мастера. Если бы я хотя бы со стороны видел поединок с этой девицей на арене (кажется, тогда, на вечеринке у леди Миралей, ее не было), знал бы хоть отчасти, чего ожидать.

Девушка держалась спокойно, смотрела вдумчиво, и это настораживало особенно. Самоуверенные представительницы прекрасной половины обычно хоть в чем-то, да обнаруживают это, те, что испытывают сомнения, обычно пытаются представить себя более независимыми, чем на самом деле. Она была вооружена длинным мечом, без щита, видимо, оружие рассчитывалось на полутораручный хват. Ничего странного, все-таки физической силой она должна уступать мужикам. Двигается очень хорошо. Нечего и рассчитывать на ее слабость.

Я стащил с правой руки «коготь» и заменил обычной наручью – слишком длинным был ее клинок, чтоб полагаться только на самбо и новоприобретенные приемы. Поневоле придется брать меч, благо я хоть сколько-то, но тренировался с ним. Мое оружие мне принесли, после чего остальные бойцы оставили арену. Зрители на трибунах вопили что-то, видимо, пытались меня подгонять. Я не обращал на них внимания: не им рисковать шкурой, не им и решать, когда начнется бой.

– Тебе нужно еще время на подготовку? – вежливо осведомилась девушка.

– Через пару минут буду готов.

– Я не тороплю. – И, отступив, она опустилась на песок в позе, которую я мог бы счесть медитационной.

Либо очень опытная, прошла огонь и воду, либо можно позавидовать ее выдержке. Такие женщины мне в жизни попадались нечасто, и я по-настоящему восхищался ими. Впрочем, присутствие духа и железные тиски воли в ком хочешь восхитят – такие люди умеют отвечать за свою судьбу, принимать ее удары и не обременяют своим нытьем общечеловеческую карму.

Я тщательно проверил все ремни, меч, кастет в поясе. Повернулся к ней, показывая, что готов. Девушка поднялась легко и плавно, словно в танце, повернула голову к ложе. Император, в отличие от первого дня празднеств, смотрел не в бумаги, а на арену. Кивнул ли он или подал иной знак, но поединок начался, и это я почувствовал в каждом изгибе тела своей противницы, в ее взгляде и жестах – я не решался отвести от нее взгляд.

Незнакомка пошла боком, сохраняя уверенную позицию для атаки или защиты – все равно, и то, и другое легко было начать из такого положения, – сохраняя ее как-то даже расслабленно, естественно. У меня похолодело в животе от плохого предчувствия. Выпад, сделанный ею в движении, я ощутил лишь чудом где-то примерно в середине движения и был вынужден опрокинуться на спину. Если бой начинается с крайней меры – это нехорошо.

Она не продолжила атаку, но я знал, что могла бы. Могла бы завершить поединок в первом же выпаде. Девушка смотрела на меня спокойно и выжидательно, мол, вставай. Все-таки она профессионалка: здесь дерутся не затем, чтоб как можно быстрее победить, а чтоб развлечь боем публику.

Мне стало совсем плохо. С песка я подхватился быстро, быстро перехватил меч так, чтоб можно было атаковать. Она поморщилась.

– Повернись, – негромко бросила она. – Спину открываешь.

Действительно открываю. Черт! Атаковать ее – себе дороже, но на одной защите не то что не выиграешь – даже не отстоишь свою жизнь. Надо переводить поединок в доступную мне плоскость, только как это сделать, не атакуя? Никак. И я ринулся в бой, уповая на вбитые в меня за два месяца знания, собственный опыт и, конечно, удачу.

Девушка легко парировала все то, чем я пытался ее потеснить. Движениями танца мне хотелось бы назвать ее технику, но я не мог, это было бы неправильно. Танец избыточен, потому что стремится к достижению воплощенной красоты, здесь же не было ни единого лишнего жеста. Она билась не только точно и плавно, но и экономно, ставя блоки так, чтоб не напрячь лишний раз свое запястье, не потянуть связки, не дать себе что-нибудь повредить. В ее атаках был импульс всего тела, отточенный, гармоничный, единственно правильный в достижении главной цели – напластать противника, оставшись при этом в полной форме и полном комплекте.

Первые два выпада она отразила по всем правилам фехтования, словно примеривалась ко мне, а третий встретила с одной стороны простым, а с другой – затейливым финтом. Простым он был в том, как она его исполнила. Мгновенная короткая боль связок и пальцев – и меча в руках у меня уже нет.

Ее взгляд, понимающий и невозмутимый – она-то знала, что моя жизнь в эту минуту была на ее ладони, – а потом пару раз широко взмахнула мечом, отгоняя меня от себя. Отгоняя в направлении, куда улетел клинок.

Я понял, что благодарен этой женщине. Даже если она меня убьет, я не прокляну ее напоследок. Почувствовав огромную разницу наших уровней, она не пыталась надо мной издеваться, а наоборот, помогала мне, насколько это вообще было возможно в нашей ситуации. Я кинулся за оружием чуть ли не кубарем – надо было выиграть чуток времени, чтоб сформулировать хоть какой-нибудь план. На мечах я девчонке не соперник, даже смешно.

Но что-то же я сделать могу! И если не мечом, то, может быть, руками. Какое у меня преимущество? Самбо, только самбо. А значит, меч нужен лишь затем, чтоб сохранить жизнь, сближаясь с ней на длину руки.

Мы снова сошлись – она парировала осторожно, я это чувствовал. Не хотела сразу вышибить меч, хоть и могла, но дала мне фору на пару ударов. Спасибо ей за это... Третий ее блок был уже жестче, увереннее. Впрочем, я не сопротивлялся. Позволил лишить меня малопривычного оружия и тут же, откинувшись, нырнул затылком в песок, извернулся на нем, как жаждущая добраться до воды рыба, подсек девушке ноги пятками.

Это был отработанный прием. Она опрокинулась, но гибко, умело – сразу попыталась вскочить и оружие не выпустила. Я рванулся к ней перехватить руку, однако не успел – девушка опять была на ногах, оцетиненная мечом. Правда, меч все-таки был тяжеловат, поэтому вскакивала она чуть медленнее, чем я.

Снова подсек. На этот раз девчонка не попалась, прыгнула легко, словно кошка, и, еще не приземлившись даже толком, ударила мечом вниз, как колом меж ребер вампира. Кончик клинка вошел в песок совсем рядом с моей рукой, и в тот же миг я ударил плечом по лезвию под гардой, да еще довернулся, махнул загребушей лапой за ее тонким, хоть и крепким запястьем. Перехватил, поддел плечом. Противница оказалась еще более бойкой, чем мне сперва подумалось, легко перелетела через меня, и, хотя должна была рухнуть на песок с вывернутой рукой, легко и мягко поднялась. Целая и невредимая.

Я не удержался и показал ей большой палец. Не отреагировала. И правильно – нечего отвлекаться.

Сейчас мы были на равных – она без меча, я, считай, без оружия, при каждом по ножу, ну, и у меня кастет, который мне как-то не хотелось вынимать. Она красивая, жалко будет бить ее в лицо, да еще с утяжелением. Для женщин ведь это важнее всего, и, может быть, удовольствие от победы не перевесит горя от изуродованного носа или подбородка.

Девушка выдернула нож. Что ж, с ножом я знаю, что делать. Кстати, судя по тому, как она сделала выпад в мою сторону, как развернула руку, – в ножевом бое она тоже кое-что понимает. Пару раз пришлось даже уходить от атаки вместо того, чтоб воспользоваться ею. Потом все-таки притерся слева, перехватил и подсек, все как выучил в свое время. Она порхнула было на песок, но, вцепившись в последний момент, опрокинула и меня тоже.

Здесь все решали мгновения. Мне удалось было еще раз отшвырнуть ее, но придавить к песку не успел, девушка выскользнула из моей хватки отчаянно и сильно, словно угорь из корзинки. Извернулась, схватила свой меч и атаковала меня, даже не поднимаясь. Я никогда не думал, что такое вообще возможно, однако слабости или притворности в этом нападении не было ни грана. Чудом мне удалось подставить щиток «когтя». Скрипнув по нему, кончик клинка пришелся по пряжке ремня, скользнул по самому ремню и ушел вбок, лишь слегка рассек мне кожу на боку.

Дало о себе знать ребро. Странно, что я вообще это почувствовал – мелькнуло в голове, когда я подскочил с песка и с силой пнул девушку по мечу, ближе к гарде. «Хорошо б сломать ей пальцы». Она крутанулась волчком на песке, но не упала, как можно было надеяться, уверенно вскочила на ноги, развернулась в бедрах и меч не выпустила. Если так пойдет дальше, ничем хорошим для меня это не закончится.

Оно уже идет к печальному финалу.

Ладно, помирать – так красиво. Не знал наверняка, смогу ли сравниться с ней в реакции, но, может быть, меня хоть отчасти спасут приобретенные рефлексy. Поэтому шагнул вперед, когда она изготовилась к бою. Бить длинным мечом на ближнюю дистанцию несколько труднее, чем на дальнюю. Хотя я и не сомневался, что она это сможет. Несколько десятков раз она пыталась разорвать дистанцию, отступить, чтоб получить место для размаха, и каждый раз мне удавалось притереться к ней вновь – не настолько близко, чтоб совершить бросок, но уже что-то.

Меч я парировал «когтями» – больше, собственно, было и нечем. Пару раз она зацепила меня, один раз по бедру, второй – по ребру, где, впрочем, по-прежнему действовала анестезия. Каждый раз, мельком убедившись, что серьезный сосуд не задет, я переставал обращать внимание на ранку. Один раз пришлось отбивать чужое оружие просто локтем, и я побелел, осознав, как близок был к потере конечности – капризом судьбы стало то, что локоть встретился с плоской, а не режущей стороной клинка.

Рука онемела на несколько секунд, и мне пришлось работать ногами и левой, чтоб хоть что-то противопоставить гладиаторше. Спасла меня ее реакция на случайно получившийся прием – она с уважением взглянула на меня, приподняла брови, и взгляд стал озабоченным. Кажется, девушка решила, что я припас еще кучу хитрых финтов. Ничего, скоро убедится, что это не так.

Я отбивался от нее и сам едва осознавал, что и как делаю. Само собой, понятно – если я еще жив, значит, что-то у меня получается. Одно можно было сказать с уверенностью – так скакать меня еще никто никогда не заставлял, даже Исмал, даже Хунайд. Если бы не два месяца усердных тренировок, а до того – служба в армии, где посидеть удавалось даже реже, чем полежать, меня вряд ли хватило бы на такой подвиг.

Мы закружили друг вокруг друга, будто собирались станцевать вальс на пионерском расстоянии. Я не успел прочесть ее выпад в движении плеч, опять уловил его позже, чем следовало, но все-таки нырнул вбок свое временно, да так глубоко, что чувствительно коснулся коленом песка. Не было времени подниматься, так что запястье своей противницы я атаковал прямо из этого положения.

Девушка кувыркнулась вперед как раз в том направлении, в котором я ее отправил, но опять не выпустила оружия, поэтому я кувыркнулся следом и в движении заехал ей ногами, надеясь, что не попаду по лицу. К счастью, не попал, зато прижал пяткой клинок, и, перенеся вес, лишил хозяйку меча возможности выдернуть обратно свое имущество.

Теперь побледнела она, лишь на миг, слегка. Бледность очень ей шла. Мы откатились в сторону и подскочили, утвердились на ногах и бросились друг на друга почти одновременно. Девушка явно намеревалась обойти меня и добраться до своего оружия, я же – не позволить ей это сделать. Поэтому, перехватив противницу по всем правилам самбо, отправил ее не за спину, а вправо. И кинулся следом.

Сколько мы кувыркались, отправляя друг друга физиономией в песок, я не знал, но успел отдать должное умению девушки. Она кое-что понимала в рукопашной схватке, и, пожалуй, если бы встретилась с моим соотечественником, обладающим худшей подготовкой, могла бы с ним справиться. Отдавая должное ее подготовке, я был вынужден напрячь все силы, прежде чем мне удалось опрокинуть девушку удачным для себя образом и перехватить ее локти.

И только на этом этапе наконец втянул воздух полной грудью. Гладиаторша попыталась извернуться и освободиться хоть так, хоть с помощью ног, но после того, как я нажал пальцами на точку у основания ее шеи (здесь не требовалось прилагать больших усилий, чтоб вспышка боли парализовала добрую половину тела противника), притихла.

Публика в один момент пришла в неистовство. Большинство зрителей так орали и махали руками, что в первый момент я даже не смог понять, приветствуют ли они мою победу или, наоборот, негодуют. От шума сперва нельзя было разобрать отдельных выкриков, а в сторону императорской ложи я избегал смотреть. Вдруг император жестом требует, чтоб я прикончил девушку – пока я этого не вижу, могу считать, что этого нет.

– Извини, – проговорил я сбитым дыханием. Следовало, наверное, подняться на ноги, но я только теперь начал чувствовать, насколько устал, как дрожат колени, в конце концов. Хорош я буду на подгибающихся ногах, если встану, поэтому предпочел пока остаться коленопреклоненным.

– Да что уж, – прохрипела девушка – и почти тут же попыталась выдернуть локоть. Нет, милая, прости, но если ты сейчас освободишься, то мигом от меня оставишь одно мокрое место. Теперь, когда напряжение схлынуло, накатила такая слабость, что просто стыдно.

А публика все не унималась. Нижние ряды, чьи места отделяли от песка арены три метра от силы, буквально налегали на балюстраду животами, будто желали немедленно присоединиться к моему триумфу.

– Режь ее, режь! – вопил толстяк с налитым кровью лицом.

Лица орущих людей и так-то особой гармоничностью не отличаются, это же показалось мне откровенно омерзительным. Вспышка ярости не заставила себя ждать – возбуждение боя еще не остыло, а оно, не стесняясь, освобождает эмоции от оков привычки соблюдать правила, привитые обществом, и держаться вежливо.

Я поднялся и заставил подняться мою противницу, а потом толкнул ее в спину как раз в сторону разошедшегося оруна.

– Хочешь прирезать ее? – гаркнул я. – Валяй, режь! Сам!

Требовательные, негодующие и приветственные вопли сменились ржанием вразнобой. Толстяк побагровел еще сильнее (не хватил бы его insult!) и отпрянул. Может, ждал, что побежденная действительно ринется с ним в схватку? Девушка на самом деле вряд ли собиралась это сделать, но к мечу метнулась со скоростью атакующей кобры. Только теперь я обернулся к ложе императора – тот хохотал, откинувшись на спинку кресла. Появившийся рядом со мной насупленный распорядитель торжества, покосившись в ту же сторону, замешкался в недоумении. Затем жестом подозвал девушку, успевшую вернуть себе свое оружие, но встал между нами, значит, продолжение боя если и будет, то не прямо сейчас. Я избегал смотреть в сторону своей противницы – если нам прикажут продолжать схватку, мне крышка. Причем очень быстро. Она-то выглядит свежей и вполне готовой драться с прежним пылом, без следа усталости.

Его величество жестом подозвал кого-то из своих офицеров, а через минуту по арене затрусил помощник распорядителя, неся на вытянутых руках золотой браслет и ленту – такие же, как те, что перепали мне в первый день выступлений. Отдышался в паре шагов от нас, после чего припустил с новой силой – в мою сторону.

Мне вновь пришлось кланяться, сперва принимая дар, затем – в сторону ложи. С недоумением вертя браслет, я сделал было движение возразить, но распорядитель торжеств, с яростью ухватив меня за локоть, уволок к выходу с арены.

– С ума сошел – возражать?! Ты хочешь оскорбить императора? Если в результате тебе просто отрубят голову, можешь считать, что повезло неописуемо.

– Я просто хотел сказать, что эта награда мною не заслужена, потому что эта девушка...

– Не тебе решать такие вещи, а если его величество решил, что ты заслуживаешь награды, сомневаться в его решении – непозволительная дерзость! Уже поэтому ты заслуживаешь не дара, а колодок, но я, увы, не могу принимать такие решения в отношении императорских бойцов. – И, ненавидяще фыркнув, чиновник поспешил уйти.

Кажется, догадался, что у меня начинают чесаться кулаки.

Дернув плечом, я обернулся к девушке, своей недавней противнице, к которой уже вернулось присутствие духа, и она приятно улыбалась.

– Спасибо, что не прирезала меня в самом начале.

– А ты не промах, – ответила девушка хладнокровно.

– Спасибо. Но ты, конечно, намного лучше меня дерешься. Моя победа – просто случайность.

– Случайности случаются, – рассмеялась она с большей симпатией. – Удачи, парень!

– И тебе.

– Молодец! – заявил Исмаил, едва появился рядом. – Очень хорошо! Не говорю уж о том, что две награды за время одного праздника – огромная честь. Тебе следует ценить это, хотя ты, несомненно, заслужил оценки своей находчивостью и упорством. Думаю, ты уже понял, что шанс на победу остается всегда.

– Да уж.

– Девушка, с которой ты бился, – Оэфия Паль Малеш. Собственно, одна из лучших выпускниц школы Малеш.

– Она меня пожалела. Иначе искромсала бы уже на первой минуте.

– Верно. Однако ты выжил и даже победил, – мастер сдержанно усмехнулся. – В гладиаторе важны не только навыки и искусство боя, но и умение использовать ситуацию, повернуть ее себе на пользу, если есть такая возможность. Я тобой доволен... Нет, выбирать тебя для следующего боя выбора не станут. Так не принято. Но в любом случае советую тебе завтра присутствовать на стадионе, чтоб видеть чужие бои, – это полезно.

– Да, я уже понял.

– А сейчас можешь идти гулять. Правда, только после того, как побываешь у врача. – И многозначительно покосился на меня.

Я охотно поплелся в указанном направлении – можно было надеяться, что мне не только перевяжут кровоточащие царапины, но и намажут многострадальное ребро мазью, так что я смогу хоть на этот раз немного поразвлечься и повеселиться в городе. Не так уж часто меня выпускали за ворота, хотелось воспользоваться этим. Колени уже почти не дрожали, и слабость не накатывала волнами – вот и хорошо.

...В городе было весело – народ, похоже, оттягивался за весь год. Редко-редко когда попадались открытые лавки, и в тех по большей части торговали одеждой, украшениями, прочей дорогой мишурой – ну и, конечно, всевозможной выпивкой. Разодетые женщины и не отстающие от них мужчины, судя по их виду, было мало расположены заниматься делами – все веселились. Трактирная прислуга втюхивала закуски прохожим, причем не каждый брал на себя труд задержаться и кинуть в ответ монетку. Впрочем, как я понял, затраты местным забегаловкам заранее были возмещены из императорского бюджета.

Но иллюзия всеобщей щедрости была прекрасна.

Улыбчивая девушка в белом полотенце, повязанном поверх праздничной одежды, вручила мне завернутое в кусок лепешки лакомство с мясом, соусом и маринованными овощами. Я охотно улыбнулся ей в ответ, особенно когда взгляд ее наткнулся на аграф и золотые браслеты с императорским символом, и выражение лица стало подобострастно-испуганным.

– В ваше заведение можно заглянуть, чтоб... кхм... культурно отдохнуть?

– Конечно! – выдохнула она восторженно. – Для императорского бойца у нас всегда будет место и самое вкусное пиво на этой улице! И шествие из наших окон будет видно замечательно.

– Шествие?

– Да, вечернее шествие.

Я решил не переспрашивать – мало ли, вдруг это любой местный знает. Конечно, я никогда не притворялся, будто здесь родился, но и на лишние вопросы отвечать совсем неохота. Поэтому просто вошел в дверь, на которую она мне указывала гостеприимным жестом. В зале оказалось не так много посетителей, как можно было ожидать, видимо, большинство гуляло в свое удовольствие. Возможно, поэтому рядом со мной материализовался здешний работник с огромным подносом всевозможного угощения, которое я еще даже не успел заказывать.

– За счет заведения многоуважаемому императорскому гладиатору. – И расставил на столе тарелки и миски. – Угодно вина, пива, медового, шиповникового, можжевельного напитка? – Далее он скороговоркой назвал еще с десятка местных напитков.

– Пива. И горячего. Я устал.

– Понимаю. – На меня посмотрели с еще большим интересом и тут же приволокли огромную деревянную кружку с великолепной пенной шапкой. – Угодно ли пересечь вот сюда, к окну? Шествие начинается.

– Что за шествие? – Теперь, когда я уже втянул в себя первые глотки благословенного напитка, можно было и поболтать, если уж придется, и на вопросы поотвечать.

– Шествие ликов. Господин не здешний? Должно быть, у господина на родине не приняты карнавалы.

– Карнавалы бывают. Самые разные. И в виде шествий тоже. – Я припомнил кадры с бразильских карнавалов, представил себе тех художественно раздетых женщин на здешних ули-

цах и усмехнулся. Впрочем, может, они б и поняли, ведь танцовщицы у них тоже одеваются... облегченно.

– Вот. Любой праздник – это шалость, право и возможность одеться не так, как принято, разукраситься сверх того, что позволено, спрятать свое лицо и показаться не тем, кто ты есть. Храм это поощряет, чтоб люди не забывали, как зыбко их положение и как надо ценить то, что у тебя есть.

– Да-да, я понял.

– В шествии иной раз принимают участие даже знатные дамы – те из них, кому не запретят старшие родственники. Впрочем, их лиц никто не видит, и иной раз они идут на такие вольности, так вызываясь одеваются, что если б кто из их круга узнал, женихов у дам бы по убавилось. Но таких причудливых костюмов не увидишь в обычной жизни. И очень много танцовщиц. О, вот они! – И махнул в распахнутое широкое окно, через которое можно было созерцать едва ли не всю улицу.

Я не то чтобы ожидал увидеть целый табун полуобнаженных леди, но был несколько разочарован, обнаружив, что откровенные по местным меркам наряды не слишком-то откровенны. То одна, то другая женщина из толпы показывала ножку из разреза, да, может быть, слишком глубокое декольте, но что в этом особенного? Лица каждой были скрыты либо кружевными густыми вуалями, либо перьями, свисающими с головных уборов. Плывшие по сторонам процессии танцовщицы были обнажены намного значительно... Ах, да! Цеховое право, дающее отпущение греха недостаточно закрытой одежды.

Впрочем, и само по себе зрелище оказалось достаточно ярким и пышным, чтоб не жалеть излишне о скромности местных дам. Кстати, вон та, чье лицо лишь наполовину скрыто перьями, очень даже ничего. Какая грудь!.. Она прошла совсем рядом с окном, на край которого я облокотил руку с кружкой и, конечно же, с браслетом, и, оценив блистательную императорскую награду, завлекательно улыбнулась мне. Похоже, гладиаторы здесь пользуются щедрой женской благосклонностью.

Ковыряясь в угощении и поощряюще поглядывая в окно на женщин, участвующих в шествии, я вдруг поймал себя на том, что как-то очень органично и спокойно воспринимаю себя в этом мире. Кажется, даже готов смириться с тем, что не будет у меня больше никакой другой родины. Удивившись самому себе, я постарался припомнить родной двор, где вырос, школу, куда ходил не только на быстро опротивевшие уроки, но и на самбо, и скверик, где первый раз поцеловался с одноклассницей, хоть и не первой красавицей, но тоже хорошенькой, пользовавшейся вниманием парней.

Вспомнил встречи и тусовки, вспомнил крышу дома, которую мы осваивали с друзьями и на спор стояли на краю, и мост, с которого прыгали, и озеро в лесу, где первый раз ставили палатку, делая многоопытный вид. Для меня много значили и некоторые городские закоулки, где я с нетерпением ждал свою первую девушку, которой, помнится, увлекся до головокружения. Вспоминать о них, осознавая, что едва ли увижу эти места вновь, было больно.

Ни к чему себя мучить. Если мне здесь жить, значит, надо с этим свыкаться. И если вспоминать тяжело, мне придется не вспоминать. Если другого выхода нет, этот новый мир да станет для меня домом...

Глава 5

Игра в свободу

Все менее и менее странной мне казалась эта жизнь, все более и более естественно я воспринимал обращаемые ко мне требования и даваемые указания. После шествия императорских гладиаторов, которым завершили празднество, я не мог не оценить, пожалуй, последний сомнительный штрих тех преимуществ, которые давало положение бойца. Меня, как удостоившегося двух наград, поставили в первый ряд...

Количество людей, пялившихся на меня с открытыми ртами и оравших что-то невразумительно-восторженное, слегка напрягло. Конечно, побыть в положении звезды – в этом тоже что-то было. Не удивился бы, если б узнал, что именно так у меня на родине приветствуют известных футболистов или призеров олимпийских игр – мне самому не случалось толкаться среди публики в подобных случаях. Недоумевающий собственному оживлению, попытался убедить себя, что к удовольствию тут добавляется и сколько-то раздражения: кому, мол, может понравиться быть подобием выставочной собаки, на которую тыкают пальцем, хоть и с восторгом?

Но чувство это было фальшивым. Продиктованным представлением о том, как оно должно быть в моем положении.

– Теперь у тебя прямой путь к успеху, – сказал Исмал, поднявшись ко мне в тренировочный зал на следующее же утро после того, как всех нас увезли из столицы обратно в замок. – Даже если ты не удержишься в числе императорских бойцов.

– А что требуется, чтоб удержаться в их числе?

– Только желание его величества. Он редко оставляет у себя на длительный срок чужаков, но такое случается. – Мастер оглядел меня с сомнением. – Правда, для того, чтоб император пожелал видеть тебя среди своих постоянных бойцов, тебе следует намного лучше на учиться владеть мечом. Пока ты им не владеешь никак.

А чуть позднее в залу спустилась девушка, имя которой, несмотря на его экзотичность, я запомнил с первого раза. Именно с нею я бился в последний раз. Оэфия и как-то там дальше. На этот раз она была одета не в тонкий кожаный доспех, а в свободную рубашку и широкие брюки, похожие на штаны-афгани. Так одевались женщины гладиаторы для тренировок, это я уже знал.

– Привет, Серт, – она подняла руку.

– Привет, Оэфия.

– Паль.

– Это твоя фамилия?

– Фамилия? – Она рассмеялась. – Я же не из благородных, откуда у меня фамильное имя.

Паль – прозвище. Так же, как и Серт... Ты чужой тут, да?

– Да, меньше трех месяцев здесь.

– Не откажешься от спарринга?

– Без проблем. – Я смотрел, как она выбирает учебное оружие на стойках у стены. – У тебя были какие-то неприятности из-за проигрыша?

– Нет. – Она обернулась в удивлении. – Я же жива, сам видишь.

– Ну мало ли, как у вас бывает.

– У нас бывает очень просто. Или ты труп – или тебе повезло.

– Но ты здорово мне уступила.

– Мда. – Выбрав меч, Оэфия оценивающе оглядела меня. – Мне и в голову не могло прийти, что ты такой изворотливый. Не зря тебя так зовут.

– Не изворотливый я. Просто жизнелюбивый. – И тоже выбрал меч, поняв, что она хочет вполне традиционной схватки.

– Все мы здесь жизнелюбивы. Это не ответ. Кстати, что у тебя за техника?

– Самбо. Самооборона без оружия.

– Оно и видно... Ну что ж... Начнем?

Девушка поплыла боком, словно лебедушка, вознамерившаяся удивить публику своим необычным умением. Я «подхватил» ее прием – и поплатился за это следование чужой задумке. Удар она нанесла из такого положения и так стремительно, что отреагировать я не успел. Отреагировали ребра слева, к счастью, не то, что было повреждено, однако и тут боль ударила в загривок. Когда же она отпустила, оказалось, что меча у меня в руке нет, а кончик ее клинка – у моей груди, где-то напротив сердца.

Оэфия, сдвинув брови, посмотрела на меня.

– Ну, подбирай. – Она кивнула в ту сторону, где валялся мой меч. – Давай попробуем с твоим почином. Атакуй.

Атаковал. Чуть менее, чем неуспешно. Меч, нацеленный на укол, рванул влево, словно живой, потом к земле. Рывок был мощный и неожиданный. Я не последовал за ним лишь потому, что в шею мне уперся чужой клинок. Счастье, что деревянный и не по кадыку.

– Твою мать... – прохрипел я.

Девушка опустила руку с учебным оружием.

– Черт побери, – проговорила она медленно. – Ты что – вообще мечом не владеешь?

– До появления в этом мире меч в руки не брал. Два месяца уже тренируюсь.

– Э-э... Гхм... Два месяца? Большинство из нас начинает учиться владению мечом в возрасте трех-пяти лет. Самое позднее – шести... Это что-то невероятное! То есть человек, едва знающий, что такое меч, сумел одержать победу в схватке с элитным бойцом? Я с девяти лет на арене... Отдаю должное и восхищаюсь, ты просто молодец. Но, как я поняла, расспросив Исмала, в твоих планах – остаться в числе императорских гладиаторов?

– Вообще-то хотел бы.

– И как ты себе это представляешь? Да, верю, раз-другой ты выедешь на необычности своей техники, эффекте неожиданности и своей удачливости, однако, прости, это все не будет тебя выручать до бесконечности. До сей поры ты, как понимаю, в основном сталкивался с другими такими же чужаками, как и сам. Но теперь чаще будешь встречаться в бою с противниками намного серьезнее, чем предыдущие. Ты сможешь научиться сносно владеть мечом, но гладиаторы высшей марки дерутся намного лучше, чем сносно.

– Это я уже понял.

– Тебе поразительно везет, раз ты до сих пор жив, и поэтому я готова поверить, что из тебя может получиться гладиатор. Но стоит ли тебе рваться именно в элиту, причем сразу? Если император отправит тебя прочь, может, оно и к лучшему?

– Сначала надо хотя бы добиться, чтоб отправил. Но по сути-то – насколько это вероятно?

– Вероятно. Вполне. Нужно лишь дожить до этого. – Она позволила себе улыбнуться. – До этого многие доживают – верь в лучшее. Ты удачлив.

– Твои слова да Богу в уши. Но, откровенно говоря, мне намного больше хотелось бы стать бойцом из тех, чей бой смотрят уже больше ради техники, чем ради крови.

– Для тебя этот путь намного более рискованный, чем любой другой. Выступать в клубах и на второстепенных аренах спокойнее – там тебе мастера меча вряд ли попадутся.

– Кхм... Я уже успел понять, что выступления во второстепенных клубах, в общих мясорубках – это издевательство над удачей.

Она ответила долгим взглядом.

– Думаешь, для тебя выжить в поединке с бойцом высшего класса, догадывающимся о твоих штучках, будет проще, чем в общей схватке?

И, развернувшись, ушла, не стала дожидаться ответа. Я же, потирая горло, по которому пришлось крепко, даже уже не был уверен, что смогу быстро отыскать ответ. То ли меня раньше в основном ставили против таких же, как я, непрофессиональных гладиаторов, то ли... В любом случае первое – вернее.

Так что мне делать теперь?

Я задался вновь этим вопросом через пару дней, после того как в поединке на небольшой «домашней» арене в особняке одного из приближенных императора мне разворотили плечо. Когда противник выдернул оружие из моего тела, и кровь хлынула потоком, девятилетняя дочка хозяина особняка, для которой (и ее друзей соответствующего возраста в придачу), собственно, было затеяно представление, громко вскрикнула:

– Пусть его немедленно перевяжут! Пусть вылечат! – И прижала крохотные ручки к чистому розовому личику.

Слуги и врач, тоже ждавший наготове, кинулись ко мне с грохотом. Я, оцепенело наблюдая, с какой дикой скоростью вокруг меня растет темная глянцевая лужа, уже мысленно решил, что спасти меня не успеют. И лишь когда после пары прикосновений руки врача, вооруженной каким-то светящимся камушком на цепочке, поток иссяк, я с нежностью подумал о юном создании, пока еще жалостливом и способном сочувствовать.

Судя по тем развлечениям, к которым ее приучает отец, она очень скоро станет такой же сухой, как та же наложница императора, например. И тоже будет с удовольствием смотреть на чужую смерть. Но пока – это милое чувствительное создание, и она позволила оставить меня в живых. Спасибо ей за это.

– Эй, ты еще не отключился? – вполголоса полюбопытствовал врач.

– А должен бы?

– Нет. Терпи. Сейчас.

Меня подняли и понесли. Реальность воспринималась уже не совсем четко, однако хватало сил, чтоб осознавать – все намного лучше, чем могло быть, хотя бы потому, что я пока еще жив. И на следующий день, когда, поднявшись не без усилий, но успешно, я выполнял команды врача и рассматривал его сосредоточенное, довольное лицо, подумал о невеселом. Помимо всего прочего вспоминалась реакция зрителей. Их, взрослых, было там немного, но презрительные возгласы с той стороны я слышал.

Вот-вот, когда боец несколько дней до того выигрывает, он всем хорош. Стоит ему проиграть, он уже заслуживает презрительных замечаний, хотя за прошедшие дни ничуть не изменился.

Боец в зените лишь до тех пор, пока не проиграл.

Исмаил заглянул ко мне только на следующий день, ближе к вечеру, уточнил, что сказал врач по поводу тренировок.

– Ничего определенного. Пара дней покоя, потом – потихоньку начинать... Не представляю, каким образом местные медики умудряются так быстро справляться с серьезными травмами.

– Естественно, поскольку не имеешь представления о магии. Но это и неважно. – Взгляд мастера стал настороженным, оценивающим. – Что скажешь теперь?

– По поводу чего?

– Если мне и есть смысл что-либо обсуждать с тобой, так это вопросы твоих бойцовых качеств, выступлений и подробности тренировок. Или твоего отношения к первому, второму и третьему.

– Тебе интересно мое отношение? И что же ты рассчитываешь услышать в ответ?

– Правду, Серт, правду.

Желание сказать все от души, не сдерживаясь, стало сильнее, чем здравый смысл, нашептывающий вести себя привычно, внешне корректно и скрытно. Да и какая разница – он ведь

сам приглашал к откровенности, чем не повод разрядиться в настоящей вспышке? Так пусть хоть подавится своей правдой!

– Мое мнение на ваш счет мало изменилось. Я бы сказал, что вы – просто кровожадные варвары с этими вашими гладиаторскими традициями. Мы хотя бы их переросли уже пару веков как.

– Переросли? В действительности? – Исмаил готовился слушать с искренним любопытством – ни следа раздражения или желания поймать на противоречиях.

– Ладно, допустим, не переросли. – Зато я совсем не хотел спорить – только разрядиться. – Мы – тоже варвары. Где-то, в чем-то. Согласен. Но, ей-богу, наши недостатки не говорят о том, что так – правильно.

– Тогда я не понимаю твоего отношения к жизни. А желал бы понять.

– Интересно, почему тебе приспичило лезть мне в душу вот прямо сейчас? Раньше ты не рвался.

– После проигрыша гладиатор именно таков, каков он есть. Вылезают все сомнения, страхи, ожесточение, странные идеи, которыми боец пытается обосновать отступление. В такой момент видно, чего он стоит, и получится ли из него что-то в будущем.

Мастер сверлил меня взглядом. Неприятно. И ведь не сразу сообразишь, чем отругаться, чтоб не банально. Исмаил, в отличие от своего помощника, языком владел не хуже, чем телом.

– При чем тут проигрыш? – злясь, все же ответил я. – Мое мнение по поводу ситуации от результатов боя не зависит.

Долгий-долгий взгляд заставил меня ощутить себя мальчишкой, ляпнувшим какую-то дикую глупость. Этот мастер умеет смотреть не хуже моего первого наставника. Тот, помнится, парней держал в железной узде одними взглядами и не стеснялся осадить так жестко, чтоб в дальнейшем желание выступать по ерунде пропадало в зародыше.

– Вот именно потому, что ты не замечаешь этой разницы, ты – боец, а не мастер.

– И можно ли узнать, что за вывод ты сделал?

– Думаю, если для тебя нет разницы в твоём душевном расположении после победы и после поражения, если ты не знаешь, что не человек существует для мнения, а мнение – для человека, и потому от него зависит, то и мои объяснения тебе ни к чему. Отправляйся на тренировку и медитацию. Без напряжения, но для разогрева – обязательно. Или ты решил не стараться стать хорошим бойцом?

– Размечтались, – пробормотал я неуверенно и отправился делать разминку, ломая голову над тем, что еще Исмаил мог иметь в виду, помимо сказанного вслух.

Знать бы наверняка, какие выводы он сделал в отношении меня, ведь эти выводы, как ни крути, отразятся на дальнейшей моей жизни.

Плечо болело, особенно по вечерам, но отнюдь не так, как стало бы без толковой врачебной помощи. Все-таки магия – штука классная... Если не считать того, что лишь из-за магии я вообще оказался здесь, а не будь ее, жил бы сейчас спокойно... Тренерствовал... С Кирюхой бы поладил...

– Нечему удивляться, – объяснил Аршум – я снова тренировался с ним, потому что он лучше других умел дозировать нагрузку при тренировках с выздоравливающими. – Гладиаторы, тем более императорские, пользуются самым лучшим медицинским обслуживанием. В принципе наши маги любого могут поставить на ноги за несколько дней, но обычно стараются чрезмерно не ускорять естественные процессы. Это может быть опасно в долгосрочной перспективе.

– Что – и отрубленную конечность могут вырастить обратно?

Боец, да плюс к тому еще и младший помощник мастера, то есть человек весьма в местных делах искушенный, посмотрел длинно и задумчиво, словно поражался, какие серые личности копят с ним один небосвод.

– Да, если захочешь платить за отросшую конечность несколькими годами жизни... Нет-нет, не умрешь раньше на несколько лет, а эти самые последние годы проживешь, болея, едва-едва колупаясь, страдая. Ресурсы организма не бескрайни. Бывают и иные варианты, конечно, но они чересчур дороги даже для императорских бойцов.

– Известное дело. Как и у меня на родине – почти что угодно, были б деньги.

– Это во всех мирах одинаково... Будешь давать напряжение правому плечу или предпочтешь пока тренировать левую?

– Мы ж на мечах собирались.

– Ну и что?... Стоп – ты не владеешь левой рукой?! Э-э...

– Ты мне сейчас Оэфию напомнил. Да, я питекантроп, не умею того и этого. И местные деньги считать не умею. Все, капец мне!

– Хм... Паль, между прочим, очень толковая девчонка. С огромным опытом.

– Возможно. Но возьмите наконец в голову, что бывают и непохожие на вас люди! Даже в вашем собственном мире, побьюсь об заклад. Они гладиаторствуют, не владея мечом, владеют мечом, но не работают левой, или даже – вполне вероятно – не любят гладиаторские игры!

– Да ладно, нормальный человек не может не любить бои!

– А что для тебя нормальность? Каквсешность? Но достоинство человека отнюдь не в умении сбиваться в стадо. Иначе б мы по сей день траву щипали и больше ничем себя не обременяли.

– Странные ты вещи говоришь. Как любой чужак, – расстроено ответил Аршум. – Ты меч берешь?

– Беру.

Мы немного размялись с тренировочным оружием, аккуратно взяли в рукопашную.

– Если, по-твоему, можно не любить гладиаторские бои, – пропыхтел мой напарник, – то как же ты вообще собираешься дальше сражаться, с такими-то мыслями? Рисковать жизнью, считая, что кому-то это на фиг не интересно?

– Если ткач знает, что не все носят шелка, бросит ли он ткать шелковые ткани?

– А ну молчать! – рявкнул нам Хунайд. – Если продолжишь в прежней манере, Серт, следующий бой станет для тебя последним!

– Оптимист...

– Это называется реалист!

– Не дождетесь!

– А покажи!

– На «слабо» берешь? – Я выпрямился, затягивая на запястье ремешки «когтей». – Изволь.

– Так-так, наглец-хитрец! Я из тебя повытрясу эту дурь на радость всем, – алчно провозгласил помощник мастера, вытаскивая из ножен меч.

Действительно, террасы по стенам тренировочных залов вмиг обросли публикой.

Он взял меч наизготовку. Я ловил его взгляд – спокойный и даже рассеянный. Можно предположить, что Хунайд как боец стоит на голову выше меня и непринужденно составит конкуренцию той же Оэфии Паль. Правда, в отличие от нее, над которой я сумел одержать верх, он в курсе всех неожиданностей, которые я могу предложить его вниманию, и не склонен меня жалеть.

Крученую, сложную в своей траектории атаку мечом я не пропустил лишь потому, что именно этот прием только накануне осваивал с Аршумом. Поймал клинок в «когти», дал соскользнуть вниз и в порыве раздражения и смелости адекватно ответил, прицелившись строго в пах.

Меня словно стальным ветром сковало и толкнуло, развернув в броске, который я сумел перевести в прыжок.

– Проводи такое лишь с противником, в слабости которого уверен, – едва слышно подсказал мне Хунай.

Он уже не выглядел разозленным – скорее оживленным, азартным.

В дальнейшем поединок наш напоминал обмен самыми заковыристыми ударами, ни одного простого выпада – обязательно тонкий выпендрей. Я как-то сразу поддался инерции событий, хотя подобное поведение для бойца было в корне ошибочным, чужим правилам нельзя подчиняться, следовало навязывать свои. Но, как бы там ни было, я не пытался показывать простые и очевидные приемы – всерьез опасался, что за них меня «обласкают» столь же банальным и унижительным, вроде пинка под зад.

С полчаса мы с Хунайдом выкобенивались кто во что горазд, и если положение и умение давали ему значительное преимущество, он, как правило, малозаметно и совсем слегка уступал мне. Собственно, в иной ситуации поединок закончился бы очень быстро. Правда, я не сразу осознал его тактику и сперва пребывал в уверенности, что мне просто везет раз за разом.

Но очень скоро даже моего оптимизма оказалось недостаточно – я сообразил, что к чему, и немного успокоился. Хорошо уже то, что у Хунайда не настолько отвратительное настроение, чтоб он начал в буквальном смысле избавляться от своих подопечных.

Только вот сдаваться было преждевременно – если помощник мастера сочтет, что я «окончательно обнаглел», может и прикончить, вполне. Местные нравы принимают это как норму, особенно если речь идет о чужаке вроде меня.

А потом помощник мастера торопливо и уже без церемоний отшвырнул меня к стенке (я аккуратно приземлился и вскочил, готовясь отвечать ударом на удар), повернулся ко входу в тренировочный зал. Там стоял мужчина, сперва показавшийся мне лишь смутно знакомым. Но «смутно» мигом переросло в «отчетливо». Да уж, не узнать это малоподвижное лицо и сильный взгляд было трудно. С другой стороны – что здесь может делать император? Он раньше ни разу не появлялся в тренировочных залах. Однако гладиаторы из местных уроженцев поспешили склониться перед ним, так же, как Хунай и его помощники.

Помедлив, я поклонился тоже. Не стоило выделяться из общей массы.

Правитель сюда, само собой, вошел не один, в сопровождении целого облака мужчин и женщин, разодетых с пышностью декоративных птиц, но они воспринимались именно как облако – неосязаемое, чересчур податливое, чтоб обращать на него внимание. Не император терялся на этом фоне – а они пропадали из виду рядом с императором. И в этом вряд ли можно было прочесть только его силу, как человека и как правителя, но и их способность быть только тенью от подобострастия.

Его величество обвел присутствующих взглядом – у него это получалось медленно и потому как-то особенно значительно. Малоподвижное лицо и осанка вызвали ассоциации со статуями богов в давно заброшенном скальном святилище, величественных и грозных, давно забытых, но все еще могущественных. Глядя на него, без труда удавалось поверить, что власть его в этом мире поистине беспредельна, никакие соображения вроде закона или морали ее совершенно не ограничивают.

Посмотрел он и на меня. Оценивающе.

– Я тебя помню, – с холодком отметил он. Голос у мужика звучал мрачновато. – Ты дважды выступал на последнем празднике.

– Да.

– Интересная техника. Своеобразная и непредсказуемая. – Правитель оглянулся на Хунайда. – Я снова хочу видеть его поединок с Оэфией. Скажем, завтра. Посмотрим, каков будет результат на этот раз.

– Как прикажет его величество.

– Аршум? Будешь биться завтра со своим учителем. После Серта и Паль.

– Да, ваше величество.

– Хунайд, хочу побеседовать с Исмалом. – И император направился ко входу в соседний тренировочный зал. Старший помощник мастера затрусил следом, корректно расталкивая сопровождающих.

– Он тут редко появляется, – тихо пояснил Аршум, когда цветастое облако свиты втянулось в арку. – Тебе, похоже, предстоит суровое испытание. Мне-то больше повезло...

– Тебя уже заставляли биться с учителем?

– Да, разок. Его величеству в прошлый раз понравилось, как мастер задал мне трепку. Видимо, снова хочет поржать. А от тебя Паль не оставит мокрого места. Сам понимаешь: изрядная обида для любого опытного знаменитого бойца – проиграть новичку. Уж она отыграется.

– Что – ущерб репутации?

– Хуже. Для любого гладиатора проигрыш – это вполне вероятно смерть. Для нее то, что она ощущала в последние секунды боя, – чрезвычайно неприятно и к тому же непривычно. Унизительно. Ты должен понимать.

Я лишь хмыкнул в ответ и пошел тренироваться. Собственное спокойствие изумляло меня – ни единой мысли, что Оэфия может от раздражения прикончить меня. От нее это не потребует слишком больших усилий, если возникнет подобное желание. Однако оба раза гладиаторша не делала попыток прикончить меня, и злобы, ожесточения я в ней не почувствовал. Может быть, причина здесь была именно во внутренней ее уверенности.

До самого вечера, да и утром тоже, я пребывал в состоянии полнейшего душевного равновесия. Не отказался и от медитации, которую мне в резком приказном порядке порекомендовал Хунайд, бледный и насупленный. Можно было подумать, что император или Исмал устроили ему головомойку, и это заставило напористого, грубого, решительного человека ненадолго превратиться в угрюмого молчуна.

Впервые за все время пребывания здесь не ко мне подошли сообщить какие-то сведения о предстоящем бое, а я подошел уточнить.

– Где я буду драться?

– Здесь, в замке, раз император пока здесь. – Помощник мастера посмотрел на меня ожесточенно. – Торопишься сыграть на свою жизнь? За этим дело не станет.

– И что я тебе должен ответить? Моя бы воля, ноги б моей в этом мире не было. Ах, как я тороплюсь с кем-нибудь подраться!

– Похами мне, похами... Нет, ну правильно вообще-то, мне следовало тебе до обеда все растолковать. Не знаю, в общем, что когда будет. Его величество сейчас принимает целый косяк чиновников, если не успеет все вопросы с ними решить до ужина, наверняка даже и не вспомнит о зрелищах. Не до того.

– Ладно, мне-то какая разница. А что, императорские гладиаторы так и вынуждены дежурить за дверью, гадая, позовут или нет?

– Не только гладиаторы. Все, кто чужую жизнь и чужие судьбы держит на ладони, сам перед кем-то отвечает. И чем больше ответственности, тем больше тягот. Такова жизнь. Тебе-то что за печаль? Жди себе. Время на то, чтоб одеться и вооружиться, тебе всяко дадут.

В какую-то минуту я даже понадеялся на то, что у его величества действительно не дойдут до меня руки. Правда, эти надежды прожили недолго. Ровно до того момента, когда ко мне в комнату заглянул парнишка в коричневом – слуга, хоть и не только, раз ему дали такое серьезное, даже в чем-то почетное поручение.

– Тебя зовут. Тебя и Аршума. Пора.

– Бой все-таки будет?

– Именно так. Не забудь оружие.

– Шутку понял! – крикнул я вслед, но вряд ли меня услышали.

Всех закутков этого замка я не знал и не мог знать – гладиаторов пускали далеко не везде, но с башни, куда подняться было можно, я видел и несколько дворики в зелени и розах, и какие-то обширные террасы, и мебель на плоских крышах. Теперь меня и Аршума вели в сторону донжона, туда, где начиналась жилая замковая часть. Наверное, где-то «в тех краях» может скрываться и крохотный стадиончик. Места хватит с лихвой.

Стадиончика не оказалось – просто дворик, опоясанный двумя ступенями террас, где могли рассестся гости. Плющ оплетал балюстраду нижней части, изящные лестницы вели сверху вниз, и все выглядело так умиротворенно, по-домашнему, что нелегко было проникнуться мыслью, насколько все серьезно. Почему-то именно здесь, в этом тихом семейном дворике, а не в пиршественной зале, личных покоях и даже в спальне, совершенно не хотелось настраиваться на смертный бой.

Но приходилось. Оэфия уже была здесь, она, держа в пальцах стеклянный бокал с чем-то зеленоватым, разговаривала о чем-то, улыбаясь, с офицером в местной странной форме и мне махнула радушно. Император беседовал о чем-то с женщиной, которую я уже видел однажды в главной ложе на празднике, но явно не из числа его наложниц, не та манера держаться. Та самая, что дала мне знак оставить в покое противника, коль скоро его величество отвлекся, и ему не до нас. Женщина с неприятным жестким взглядом – в первый раз, с большого-то расстояния, я взгляд, само собой, не разглядел. Малоприятный взгляд, как и она сама – тоже.

– Готовьтесь, – велел нам император, едва прервав беседу с женщиной. И, уже обращаясь к ней, уточнил: – Это срочно или ждет завтрашнего дня?

– Ждет.

– Если хочешь, останься, посмотри бой.

– Благодарю, у меня еще одно совещание. – Она коротко поклонилась правителю, кивнула офицеру, с которым беседовала Оэфия, и, не удостоив гладиаторов даже взгляда, вышла.

Теперь своим вниманием его величество мимолетно одарил жмущуюся неподалеку от него девчонку такой поразительной, неправдоподобной красоты, что в ее сторону я даже не рисковал смотреть – возьмешь да и прилипнешь взглядом, и что тогда делать? Она, юная до безобразия, почти так же, как и красивая, смотрела на императора с подобострастным обожанием. Да уж, такие смотрят снизу вверх и с исходно подразумевающимся обожанием только на людей, облеченных космической властью, простым смертным не добиться подобного счастья.

Оэфия подмигнула мне, снимая с пальцев кольца... Ого, сколько их у нее! Еще и браслеты... Меч она неторопливо вынула из ножен, отложила последние на столик у фонтана, прилепившегося к основанию террасы. Развела руками, мол, ну что, когда будешь готов?

Если в этот миг меня и накрыло осознание того, что смерть, быть может, близка, и никто, совершенно никто меня от нее сейчас не гарантирует, то усилие воли изгнало его. Ни к чему. За те несколько раз, что мне приходилось вступать в бой, это ощущение уже стало привычным, а потому несколько приелось. Притупилось. Человек способен, пожалуй, привыкнуть к чему угодно, чем я не доказательство? Пожалуй, я был даже рад этому спокойствию и равнодушию. Дай мне, Боже, если придется, и умереть столь же безмятежно.

Начало поединка не принесло никаких неожиданностей. Девушка не спешила укокошить меня, однако на этот раз вела себя во много раз внимательнее и серьезнее, чем на ежегодных играх. Теперь она представляла себе приблизительно, на что я способен, и это давало ей двойное преимущество... Хотя стоило помнить, что тогда я показал не все, что хранил в запасе. И – самое главное – вел себя так, что в целом гладиаторша оценила это положительно. А значит, я для нее не стал врагом – просто противник. Это всего лишь работа, не более того.

Мы снова с ней существовали как бы в отдельном пространстве, где не было ни зрителей, ни стола, который сейчас слуги накрывали закусками и напитками на все вкусы, ни охраны, присматривавшей, чтоб гладиаторы занимались только друг другом... Впрочем, похоже, мест-

ные не верили, что бойцы могут перенести агрессию на кого-либо кроме назначенного противника, но правила есть правила. А почетная стража правителя – это уж само собой.

Искусно действуя мечом, Оэфия не подпускала меня к себе, и мне стоило немалых трудов в первые же несколько минут не сложиться под ее атаками. Хотя и осторожная, она демонстрировала высочайший уровень владения мечом и своим телом. По ее лицу и тому, что никак не мог поймать ее взгляд, я понял – на этот раз она предпочтет сыграть по-честному. То есть не даст мне победить себя, насколько это зависит от нее. И советов, как на прошлом выступлении, давать не собирается.

Уворачиваясь от очередного выпада, сделанного с легкостью полета бабочки, я отшатнулся назад и наткнулся бедром на каменное основание огромной вазы. Разлапистые ростки венчающего ее лианообразного растения хлестнули меня по лицу. Соображать было некогда, да бой и не место для размышлений. Я оперся руками о камень и оттолкнулся от него, целя пяткой Оэфии в живот. Живота на прежнем месте не оказалось, зато ступней удалось парировать удар мечом – тоже рефлекс с ее стороны, отмахиваться оружием от опасности.

Уцепившись руками за ту же каменную опору, я развернулся в прыжке и все-таки толкнул девицу, хоть и не так сильно, как хотелось бы. Не в живот, а в плечо, защищенное кожаной бронькой. Чуть отогнал и попытался ударить уже рукой, «когтем» – если не в лицо, то где-нибудь рядом.

Она запутала меня парой заковыристых приемов, которые я припомнил лишь отчасти только постфактум, теперь же воспринял только промельк рук и меча Оэфии, мельтешение стен и неба над головой. Взвизгнул металл, болезненно пройдясь по предплечью, и я обнаружил, что прижат к полу мечом, прошедшим под одним из ремешков доспеха. Приопустившись на колено, Оэфия держала у моего горла нож и, хотя смотрела на меня, всем своим видом показывала, что ждет обращения императора.

Его величество без спешки отставил кубок.

– Что скажешь, Паль?

Девушка пожала плечами и медленно поднялась. Меч она хоть и выдернула, но держала так, что, захоти я вскочить, наверняка напоролся бы на кончик.

– В принципе он ничего. Но не выше среднего.

– Как считаешь, есть у него перспективы?

– Я бы сказала, что нет.

У меня болезненно смерзлось в животе. По логике, и если верить литературе, перед глазами должна была пробежать вся жизнь, но я подумал только о том, что все заканчивается как-то совсем не так, и мысли крутились вокруг того, «интересно, что я почувствую».

Но Оэфия не спешила меня дорезать, и, когда я взялся осторожно подниматься на ноги, никто мне в этом не препятствовал. Девушка даже подмигнула мне, убирая меч в ножны, – похоже, сравнительно легкая и очень быстрая публичная победа вполне ее успокоила. Нет, убивать она меня явно не собирается. Появившийся в дворике Исмал – хмурый, но спокойный – дал мне знак идти прочь, освободить место для следующей пары. Удивил меня и Аршум – он улыбался и ободряюще кивал мне.

– Ну что ж... – Хунайд поймал меня за локоть и оттащил в сторонку, под арку. Прочь с высочайших глаз. – Иди к себе, собери те свои вещи, которые действительно принадлежат тебе, те деньги, которые тебе давали, и можешь быть свободен.

– В каком смысле? – опешил я.

– В прямом. Император отпускает тебя. Плащ с аграфом ты забрать не имеешь права, но можешь взять ленты и браслеты, которые тебе вручили в награду. И оружие.

– Э-э... Я не понял – меня что, выгоняют?

– Вроде того. Но ты ведь хотел этого, не так ли?

– Я хотел не этого. Верните меня на родину, и будем считать, что мы квиты.

– Тебе уже объясняли, что это невозможно. Но ты ведь хотел свободы, я прав? Вот она тебе, твоя свобода, иди и делай что хочешь. Можешь биться, а можешь заниматься чем-то еще – теперь только тебе решать. Но имей в виду, что бойца, выступавшего перед императором, возьмет к себе любой стадион и любая школа. Обдумай это на досуге.

– Знаете что, в гробу я видал ваши игры, – со злобой ответил я, совершенно не стремясь сдерживаться. Вспышка ярости, накрывшая меня, как цунами накрывает порт, была такой неодолимой и мощной, что сопротивляться было немыслимо. В порыве подобной одержимости запросто совершают убийства. – Вместе со всеми вами.

Помощник мастера не стал бить в челюсть, он просто усмехнулся мне в лицо, и это, пожалуй, задело сильнее.

– Как тебе угодно. Иди с ним, – приказал он одному из слуг. – И помоги потом найти выход из замка. Маг заглянет к тебе, чтоб снять надзор.

Если я и ожидал чего-либо, то уж никак не подобного, и потому сперва у меня не было даже простого понимания, что же, в конце концов, происходит? Буксовало воображение, что уж говорить о детальном анализе происходящего и будущего. В комнате, которую занимал уже достаточно продолжительное время, чтоб привыкнуть считать ее своей, я под бдительным присмотром сопровождающего вытащил свою старую одежду, увязанные в носовой платок деньги, те самые браслеты и ленты. Хотя последние сперва хотел бросить. Что я, девица, зачем мне ленты?

Но слуга следил так бдительно, чтоб я не упер чего лишнего, что не взбеситься тут было сложно. В старый потертый рюкзак со всеми теми вещами, которые были при мне еще при захвате, я теперь покидал все то, что мог счесть своим. Слава богу, что не заставили раздеться – лицо у слуги было такое, будто я его обворовал на комплект одежды, однако намекнуть на это он не решился.

А другой за моей спиной уже стаскивал простыню с постели и засовывал в общий ком белья использованное полотенце. Видимо, спешили подготовить комнату для другого гладиатора. Мне здесь больше не было места.

Через несколько минут, когда я уже успел покинуть свой нехитрый скарб в сумку и закрыть молнию, комната приобрела совершенно свежий, безжизненный облик, через порог шагнул один из тех магов, что приглядывал за нами, чужаками. Он поднес к моему уху какую-то подвеску на цепочке, при помощи короткой металлической фигни, напоминающей скальпель, скovyрнул-таки браслет с предплечья. Оглядел меня равнодушно и ушел.

Все это произошло так стремительно и резко, как тут избежать растерянности? Я так недавно поселился здесь и только-только начал привыкать к новому образу жизни, только-только приспособился к нему и начал находить в случившемся положительные стороны... И вот уже меня вышвыривают прочь, при этом никого не интересует, что со мной будет дальше, как раньше не интересовало, выживу я или нет.

Вроде успев свыкнуться с местным откровенным цинизмом, в эти минуты я взъярился снова. Само собой, мне хватило здравого смысла и привычки обитать в обществе, чтоб не кидаться на слуг или охрану с оружием в стремлении всем показать, как я зол. Через несколько минут я оказался за воротами, и здесь к ярости примешалась самая настоящая растерянность. Передо мной лежал город, без спешки готовящийся к ночи. За моей спиной гвардейцы скрипели запорами, собираясь закрывать ворота замка – их запирали ежевечерне, в одно и то же время.

Это был чужой мир, к тому же толком мне не известный. Что здесь полагается делать, выйдя за ворота императорского замка? Я подумал о том, что если не хочу ночевать под открытым небом, лучше поспешить с поисками ночлега. И предпочтительней отыскать постоянный двор подешевле. Деньги у меня есть, но много ли тех денег? Хватит ли на то, чтоб прокормиться хотя бы неделю?

Практические соображения живо вытеснили как первоначальную панику, так и ярость. Все, что осталось от последней, – глубочайшая уверенность, что даже нищенство не заставит меня больше выходить на арену. Лучше уж я буду таскать камни или мести улицу. Уроды!

Место, которое я выбрал для ночевки, все-таки явно было не из самых дешевых. Здесь предоставляли комнаты, а для особо безденежных – закутки в общей зале, за небольшую, сопоставимую со стоимостью ужина плату. Растягиваясь на соломенном матрасе, который мне пришлось делить с каким-то дурно пахнущим мужичком, одетым в бурое (так здесь одевались представители самых низших классов общества – те, чья работа была тесно связана с физическим трудом), я подумал, что надо бы найти вариант еще дешевле. Иначе до первой зарплаты могу не дотянуть.

А если дешевле – то определенно на окраине.

Я совершенно не знал этого мира и здешней жизни. Как здесь ищут работу? Какие условия ставят? Как спросить об этом и не быть с ходу поднятым на смех (потому что в этой ситуации скорее можно будет ожидать издевательства и злых шуток, нежели достоверной и полной информации)? Принято ли здесь ходить по домам и заведениям и просить работы? Или за подобное поведение меня запросто могут кинуть в тюрьму или руки-ноги отрубить на площади?

Почти вся ночь прошла в этих безрадостных размышлениях. Я ворочался, убирая нос от волн неаппетитных запахов, кутался в плащ, потому что одеял здесь посетителям эконом-класса не выдавали, и больше думал, чем дремал. Комфорт не на уровне, однако за него выложены живые денежки. Эх тут все сложно и напряжно...

Утром, едва солнце успело осветить залу, по ней уже принялись шастать местные заспанные работницы, босоногие, но в платках на голове. Они шоркали вениками, двигали скамьи, с противным звуком скребли столы, однако храпящих постояльцев не теребили. Потом запахло дымком – похоже, растопили печку, зашумели посудой. Здесь уже притворяться спящим стало совсем не по себе.

Остальные постояльцы поднялись все разом и попозже, чем я, – когда повариха притащила в залу котел с кашей, видимо, завтрак. Посетителям никто не командовал подъемом, никто не вопил и не объявлял, что завтрак готов. Все как-то сами поняли, что надо просыпаться, причем именно сейчас, словно по запаху или по наитию, и сразу же, оттащив в сторону матрасы, уселись есть.

Оно и понятно – местные. Они-то знают, как тут принято.

Вот с этого и следовало начинать – узнать, что и как тут принято, что можно и что нельзя. А для начала найти способ сэкономить уже имеющиеся средства.

Проглотив кашу и закинув на плечо сумку, я выбрался на улицу. Еще в начале завтрака (трактирные работницы как раз выметали сор на улицу и открывали двери) видно было, что снаружи пустовато, а сейчас улочка буквально кишела народом. Город вскипел движением в несколько мгновений – торговцы спешили развернуть прилавки перед магазинчиками, вытаскивали жаровни, на которых готовили местные закуски, раскладывали фрукты, овощи и зелень аппетитными горками. Ремесленники распахивали окна мастерских – оттуда доносился разнообразнейший шум, свидетельствующий о том, что работяги этого города изо всех сил трудятся над его благосостоянием.

А вот и добропорядочные местные замужние дамы в разноцветных платьях, с покрывалами, накинутыми на голову, – красиво и романтично – и с корзинками в руках. Видимо, отправились за покупками, чтоб было из чего приготовить еду на семьи, которые, надо понимать, здесь, как в любом традиционном обществе, бывают очень даже многочисленными. И кое-где уже разгоралась эмоциональная, многословная и пылкая торговля. Здесь, как, впрочем, и везде, торговались не столько из жадности, сколько ради процесса. Там, где в силу мен-

тальности или обстоятельств жизни рядиться из-за цены становилось не в кайф, эта традиция очень быстро отмирает.

В какой-то момент я поймал себя на мысли, что на мельтешащих вокруг меня людей смотрю с завистью. Они все были частью этого пространства, каждый из них с рождения занимал свое место, знакомое до мозолей, протертое до дыр и дорогое именно этой своей привычностью. Они все вокруг знали, и для каждой жизненной ситуации у них имелись алгоритмы действия. А в случае, если бы готового ответа не нашлось, они всегда знали, к помощи кого из вышестоящих прибегнуть, поднеся дар или даже обойдясь без такового.

Я же был как рыба, выброшенная из воды, мог лишь бессильно ловить ртом воздух и биться на горячем песке. В моем родном мире каждый из этих людей чувствовал бы себя так же или даже хуже, но сейчас-то именно я оказался черт знает где.

Оглядываясь, остановился на перекрестке. Приставать с вопросами к кому-то из здешних торговцев или мастеров казалось неуместным. Эти-то наверняка пошлют, особенно с утра пораньше. Ладно уж. Если такой не адаптированный в здешнем мире человек, как я, собирается искать какую-то работу, то это надо делать на окраине. Вряд ли тут меня возьмут, я ведь прохожу по разряду неквалифицированной рабочей силы.

Блин... Быть неквалифицированным рабочим в чужом средневековье – это похуже, чем гастарбайтером у нас. В сомнении я прошел десятком улиц, все больше присматриваясь и прислушиваясь (хорошо уже то одно, что я свободно говорю на местном языке, спасибо неиссякающему лингвозаклинанию). Окрестности становились все более неприятными, тротуары – грязными, женщины – менее нарядными, корзинки – более скромными. Здесь постоянных дворов было меньше, да и выглядели они убого – я уже успел привыкнуть к совсем другому уровню.

Собственно, то, что и нужно.

Да, когда-то надо решаться. С сомнением покосившись на приземистую дверь очередной лавчонки, где, похоже, торговали тканями, я закинул сумку подальше за спину. И шагнул через порог.

– Эй, хозяин, нет ли работы?

Внутри слабо мерцал магический светильник – каменное круглое основание и шарик света. На прилавке огромными сардельками лежали материи всех оттенков серого и бурого, шкаф был забит ими же, хрупкая, бледная до зелени девчонка с лицом, наполовину укутанным кисеей, осматривала размотанную полосу ткани, видимо, искала брак. Мужик, обернувшийся на мой вопрос, пересчитывал товар. Рассматривая меня, он прищурился, и стало ясно – чем-то я не удовлетворял его представлению о разнорабочем, которого можно было бы успешно нанять.

– Что за работу ты хочешь получить? – спросил он меня с подозрением. – Мне охранник ни к чему.

– Я готов взяться за любую другую работу. Тюки таскать, к примеру.

Недоуменный, подозревающий взгляд.

– Ты пьешь? Или нюхаешь?

– Нет.

– И хочешь меня убедить, что представитель цеха воинов будет мне тяжести таскать? – Хозяин магазинчика почти кричал. – Выметайся, пока я окружного мага не позвал! Происки конкурентов мне тут не нужны! Выметайся. – И стал теснить меня, пытаясь собою же заслонить шкафы и прилавок.

Он вряд ли по-настоящему умел драться, но ярость его была настолько велика, что я поспешил отступить. В такой ярости и ребенок может воткнуть что-нибудь острое в хорошего бойца. Ни к чему доводить человека до полного отчаяния.

Отступив на улицу, я с недоумением оглядел себя. Как мужик сумел определить во мне бывшего гладиатора? Я ведь не надевал браслетов, полученных от императора. Похоже я одет каким-то неподходящим образом. Не в те цвета? На мне была та одежда, которую я носил, когда жил в замке правителя. Логично, если здесь людей дифференцируют по одежде или, скажем, цвету штанов, то на меня будут смотреть с подозрением в любой захудалой лавчонке.

И что мне делать?

Может, если признаюсь в какой-нибудь пагубной привычке, реакция будет более положительной и понимающей? С другой стороны, с местных станется взять меня в подобном случае на работу при самых невыгодных для меня условиях. Например, за кров и еду.

Впрочем, на начало и такой вариант может подойти. Если совсем никак и никуда.

Трудно было заставить себя заглядывать в магазины и мастерские и спрашивать о работе. Везде я наткнулся на неприязненную, подозревающую реакцию. И дело здесь, как я вскоре понял, было вовсе не в неподходящей одежде. Просто как-то иначе здесь принято было искать в городах работу. Или, может быть, иначе себя вести – я не знал. Откуда мне было это узнать?

На ночлег я устроился в какой-то паршивенькой забегаловке – здесь все они так или иначе предоставляли эту услугу, – но ночевке порадовался еще меньше, чем прежней. Оно и понятно – дешевле ведь. Здесь уже спали просто на полу, на расстеленных вдоль стен циновках, и завтрак оказался еще проще: каша с жиром, который пахивал рыбой. Если бы не острое чувство голода, вряд ли я смог бы протолкнуть в себя порцию такого «угощения».

– Работа? – переспросила меня хозяйка этого заведения. – А что такое? Выступать не берут?

– Я не спрашивал.

– Это почему? Ты же боец, гладиатор, я ж вижу!

И снова загадка – какой же элемент моей одежды натолкнул даму на это умозаключение?

– Наделал, что ли, чего-то? Наказали?

– Нет. Просто не хочу больше выступать.

– Это почему? – опешила женщина.

– Надоело.

– Как так?

– А вот так. Надоело – и все. Жить хочу.

Несколько минут она, похоже, искала подходящие слова в своем арсенале.

– Так ты от дел отошел?

– Вроде того.

– И ничего-ничего не скопил, что ли? – уточнила наконец. – Проиграл?

– Ну... Типа того.

– Э-эх! Молодежь... А как же порядок? Что ж ты теперь – побираться собираешься? Да тебя другие гладиаторы на смех поднимут, если ты променяешь арену на корзины с камнями. До конца времен такой анекдот будут обсасывать. Ну, мне, конечно, мужская помощь нужна – и крыльцо подправить, и стенку в сарае переложить, и кое-что еще, но надолго я тебя не оставлю. Мне чокнутые ни к чему.

Так вот почему меня не хотят брать на работу! Они считают, что я не в себе! Видимо, по местным меркам положение гладиатора настолько выгодно отличается от разнорабочего, что только ненормальный может променять первое на второе добровольно. Не менее важным было то, что гладиатор и работяга находились на слишком уж разных ступенях социальной пирамиды, а для местного обывателя идея нарушить раз и навсегда установленные границы занимаемой по праву рождения ячейки бытия немыслима. Прямо как в Индии с их системой варн и каст.

Значит, если обстоятельства вынудили меня так низко пасть, то не составлю ли я серьезную проблему для работодателя?

Что ж, отчасти я их понимаю. Но что мне делать?

Следующие два дня я приводил в порядок хозяйство постоянного двора. Оно оказалось чрезвычайно обширным – хлев, птичник, крольчатник. Постройки здесь держались кое-как, подпирались кольями или бревнышками, и теперь мне приходилось разбирать поддерживающие завалы, прибивать, обтесывать и поднимать. Работа была тяжелая, мерзкая, потому что птицами и животными здесь успел пропахнуть каждый сучок, непривычная (конечно, как любой нормальный мужчина, я умел держать в руках молоток и топор, примерно представлял, как что к чему нужно присобачить, чтоб держалось, но опыта в таких делах имел удручающее мало). И – самое главное – я мог быть уверен, что подобная подработка мои проблемы не решит.

Едва ли хозяйка мне хоть что-нибудь заплатит.

К тому же спать мне приходилось по-прежнему на полу, на затоптанной циновке, и есть не ту еду, за которую посетители платили живыми деньгами, а ту, что оставалась. Впрочем, каждый вечер хозяйка заведения подносила мне кружку пива среднего качества и оценивала взглядом. Похоже, она всерьез пыталась понять, в чем же моя ненормальность, и прикинуть, стою ли я большего внимания с ее стороны.

Смутное ощущение, что если постараюсь, смогу заставить ее обратить на меня чисто женское внимание и тем самым задержаться здесь подольше, соблазнительным не показалось. Да и торчать в подобной дыре долго едва ли имело смысл. Прислушиваясь к разговорам и осторожно расспрашивая хозяйку и двух ее работниц, я понял, что большего, чем уже получил, на ниве простого физического труда едва ли смогу добиться.

Медленно я начинал чувствовать окружающее меня пространство и понимать, насколько вообще оно чуждо всему, к чему я привык. Нелегко будет найти здесь для себя место. Это была свобода, абсолютная свобода – то положение, в котором я оказался. Свобода от влияния чужой воли, свобода от традиций и установлений окружающего общества, свобода от общественного мнения. Я мог поступать, как мне заблагорассудится, ни перед кем не пришлось бы держать ответ – вещь для здешних краев немыслимая, однако реально воплотившаяся для меня.

Однако понятие, обычно воспринимающееся как абсолютное и однозначное благо, светлый идеал и мечта, стал для меня чем-то вроде тяжелого груза, который невыносимо тащить и невозможно сбросить с плеч. Я понял и то, что в этом мире никто не интересуется моей судьбой, и то, что моя свобода образует вокруг меня пустое, мертвое пространство. Даже не так – что-то наподобие полосы обеспечения на границе государства, защищенного от вторжения. Эту пустоту никто из окружающих не может и не захочет преодолевать – и я сам лишен такой же возможности.

Запах воли оказался на поверку совсем не так приятен, как можно было подумать. Свободу приходилось терпеть и изнывать под ее бременем. Осознавая свою оторванность от всего остального мира, я понял вдруг, что смогу жить лишь в том случае, если преобразую эту свободу в хотя бы частичную ангажированность. Я должен был стать частью этого мира, адаптироваться в нем, принять его законы, стать своим – и только тогда смогу ощутить себя живым, настоящим... Свободным от абсолютной и потому неестественной свободы.

– Ну что, хозяйюшка, не думаешь ли, что нам стоит распрощаться?

– Да уж, псих, – расхохоталась женщина. – Куда ты потащишься? Нет уж, денег я тебе не дам. Ненормальным я денег не даю никогда. Кое-что из еды, так уж и быть, могу дать. Так уж и быть. И плащик старый отдам. А лучше оставайся. Нечего тебе по улицам шастать. Сиди тут, на моих харчах.

– От твоей еды можно сдохнуть, хозяйюшка. От заворота кишок.

– Да ла-адно, не сдохнешь, не сахарный. Зато, может, мозги вправятся. А то такой парень зря пропадает...

– От твоей стряпни скорее свихнешься, чем выздоровеешь. Ты сама-то ее пробуешь? Или только бедных потчуешь, мол, им все сойдет?

– А ты не кати бочку на мою стряпню! – взбеленилась женщина. Рано или поздно это непременно должно было произойти, я был в этом уверен и почти этого добивался. Просто так она меня не отпустит, это я чувствовал, постарается ободрать по максимуму либо на подольше затормозить как даровую рабочую силу. Следовало вышибить ее из привычной колеи и уже тогда ставить свои условия. – Да все господа, останавливающиеся у меня, в восторге от моего угощения!

– Само собой, ведь господа тут не останавливаются, не такие они дураки.

– Так, выметайся отсюда, понял, придурок? И немедленно! Вон!

– Выметусь, выметусь, только выдай-ка мне заработанное. Как хочешь – деньгами или припасами. Только теми – давай уж договоримся, – которые ты не слишком усердно готовила. И получше. И побольше. По трудам.

– Чего-о-о?! Мерзавец! Хам! Жил здесь на всем готовом и еще смеешь что-то требовать?! Да ты еще мне должен!

– На чем готовом? Спал на полу, жрал помои и вкалывал? Не наглей. Ты достаточно много получила от меня, плати.

– Ничего от меня не получишь, понял?! Пошел вон, а то позову гвардейцев!

– Вот как? Зови, а я им вот что покажу. – И как последний аргумент, не зная уж, что придумать, но упорно храня самоуверенное выражение лица, я вытащил один из браслетов, дарованных мне за победу в схватке. А что еще я мог вытащить? Просто пришла на память сцена в одном из трактиров, когда, увидев аграф с таким же знаком, как на браслете, подвыпивший буян сразу протрезвел и даже извинялся. – И расскажу, как ты меня обманула.

Женщина тут же запнулась, багровость бешенства схлынула с ее щек, глаза стали испуганными. Она растерянно взглянула сперва на браслет, а потом и на меня.

– Заплачу я, заплачу. Даже серебро дам. Больше у меня все равно нет, – заныла она. – Только сегодня налог заплатила и поставщику. На, подавись! Чтоб я еще раз с гладиатором связалась... – И, помедлив, добавила с укоризной. – Мог бы с самого начала сказать, кто ты, я бы постояльцам намекнула, что знали, с кем рядом ночуют, обоим был бы профит.

– Пошла ты! – беззлобно ответил я, пряча в сумку браслет-выручалочку и деньги. Не такая уж и мелочь, на несколько дней хватит при должной экономии. Порядок местных цен и покупательная способность различных местных денег постепенно становились мне понятнее.

Что ж, из этой ситуации я выплыл более или менее благополучно, даже с прибылью. Но в будущем так не «поплаваешь». Надо было искать выход и все-таки понять, в чем же особенности моего нынешнего положения? На что я по местным меркам имею право и чем могу подзаработать, чтоб не навлечь на себя подозрения в ненормальности? А может, просто объяснять потенциальным работодателям, кто я и откуда, чтоб не удивлялись? Нет, вряд ли это вариант. К чужакам и у нас настороженное отношение. Своей иностью лучше не размахивать.

Сейчас я не видел для себя никакого выхода.

Глава 6

Выход, но лишь отчасти

То, что большой город придется оставить, стало понятно еще до того, как я распрощался со «щедрой» хозяйкой. Слушая разговоры и осторожно заговаривая с посетителями ее трактира, с прохожими или теми, кто просто скучал и потому околачивался у трактирной ограды – людей посмотреть, сплетню подцепить, – я кое-что сумел понять.

Если буду и дальше пытаться найти себе место разнорабочего, придется мимикрировать под местный низший класс. Раздобыть себе соответствующую одежду, приучиться вести себя соответствующим образом, а еще лучше – придумать легенду о прошлом. Учиться подобострастничать, кланяться, безошибочно распознавать старших в своей «касте» и быть готовым в любой момент исполнять любые их приказы. Любые.

Так жили когда-то не сильно давно и мои собственные соотечественники. А во многих соседних странах, например в Узбекистане, подобная структура сохранялась и теперь, хоть и в несколько усеченном виде. Здесь иерархичность составляла суть государственного устройства. Если бы я родился в Японии, мне было бы проще адаптироваться здесь.

Но я родился не в Японии. Хоть прошлым моей страны был социализм со всеми своими особенностями, их я уже по-настоящему не успел воспринять. Офисной закалки в разгар кризиса у меня также не было. Поэтому я внутренне взвился при одной мысли о том, чтоб занять подобное положение в обществе.

А значит, надо все-таки примазываться к воинскому сословию. Не гладиатором, так кем угодно, держащим в руках оружие. Охранником? Телохранителем? Наемником? Первым двум, наверное, нужны рекомендации, а последний столь же чреват, как и отвергнутый мной по умолчанию, да к тому же лишен даже иллюзии свободного образа жизни. Кто меня в этих краях возьмет тренером? Для тренерства сначала надо имя заработать, а это упирается в три предшествующих варианта или в четвертый. Отвергнутый по умолчанию.

Я впервые путешествовал без рюкзака, вмещающего в себя палатку, спальник, котелок и запас консервов. У меня имелся разве что хиленький плащик, чтоб заворачиваться в него и считать боками шишки и сучки, а есть, видимо, я имел право всё что угодно из растущего, бегающего или летающего. Ах, да, еще ползающего – но это на крайний случай. Либо пробиваться тем, что куплю в трактирах. Последнее как-то надежнее, хоть и за деньги, потому что с «когтями» или ножом не особо-то поохотишься на зверюшек. Сшибать птичек камнями или палками я тоже не умел.

До трактира, который показался мне самым перспективным с точки зрения новостей и нужных мне сведений, я добрел лишь через пять дней. До того мне пришлось дважды спать на лапнике и под лапником, потому что не вовремя начался дождь, и трижды – на придорожных постоянных дворах. В одном из них в циновках обнаружили то ли вши, то ли блохи, короче, по факту все равно пришлось спать на улице. Но хоть на соломе, а не абы как.

Перебирая все то, что уже успело случиться со мной, я осознавал, что набрался такого количества впечатлений, какого не знал за всю жизнь. Этого вполне хватило бы на небольшой фэнтезийный сериальчик. Только еще, по идее, в соответствии с законами жанра, за мной должна быть погоня, жаждущая моей крови и ушей. Здесь же вся проблема заключалась в том, что я на целом свете никому нахрен был не нужен. Чистой воды Неуловимый Джо.

Этот трактир сразу привлек мое внимание своими размерами. Как я уже понял, здесь загородные постоянные дворы вообще особым простором не отличались. К чему отгрохивать отель на сто номеров, если большинство клиентов все равно предпочитают ночевать на своих же телегах? И это понятно. Маленькие, средние и крупные караваны (которые обычно и занимали здешние дороги, чаще всего, как корабли к пристани, тянулись к здешним дорожным

трактирам) рассматривали подобные места в первую очередь как источник теплой пищи, которую не надо готовить. Далее – как место, где можно прикупить фуража и даже съестных припасов, помыться, немного расслабиться, сменяясь, с кружкой пива. А спать все равно при товарищах.

Обычно услугами ночлега пользовались одинокие путники или те, кто путешествовал небольшими группками без телег и фургонов. Но много ли таким надо места? Пары-тройки комнат хватит за глаза. И часто ли они забредали сюда? Не так часто, как хотелось бы хозяевам. Знатные или богатые тут вообще появлялись в лучшем случае всего пару раз с момента основания.

Поэтому в общих и жилых залах постоялых дворов, расположенных далеко от крупных поселков и городов, обычно было тихо и пусто.

Здесь же жизнь кипела, и это чувствовалось еще на подступах. Во дворе то и дело появлялись люди с деловитыми лицами и повадками, сквозь распахнутые двери конюшни было видно, что внутри отдыхает немало ездовых животных всех форм и размеров, пахло свежеспеченным хлебом, дверь то и дело стучала о косяк – мужики выскакивали продышаться и заскакивали обратно. Я с любопытством шагнул через порог – в общей зале былолюдно, заняты почти все места за двумя длинными столами, две служанки носились как угорелые с подносами, нагруженными сверх всякой меры.

На меня посмотрели по большей части равнодушно, но все-таки посмотрели, и некоторые из взглядов были оценивающими, чуть более долгими, чем прилично, потому что – это я понимал – по мне трудно было определить род занятий. Хотя я и был одет по-местному, но до сих пор ориентировался в здешних традициях настолько плохо, что, конечно же, забыл о какой-нибудь мелочи или держался не так. В устремленных на меня взглядах был безмолвный вопрос: «Интересно, что за птица?», но в целом народ я заинтересовал мало.

Тут, похоже, и своих странных маргиналов хватало.

– Что путник будет пить и есть? – осведомился у меня сухопарый мужик с полотенцем, заткнутым за пояс. Возможно, даже сам хозяин этого заведения.

– Что у вас там на обед? – уточнил я, припомнив, что, хотя завтракать мне не довелось, но время уже за полдень, так что придется соответствовать.

– Ветчина и овощи, убойна в горшочках с зеленью, свежий хлеб. Пиво еще не созрело, но есть приличный сидр. Могу предложить вино.

– Я не планирую напиваться. Предпочитаю сытно пообедать. Пусть будет сидр.

Усевшись на свободное место с краю, я отламывал куски от еще теплой лепешки, которую мне принесли сразу, запивал ее сидром и пытался прислушиваться к разговорам. Не слишком-то результативно. Мужчины, обедавшие здесь и одновременно обсуждавшие свои дела, упоминали слишком много понятий, значение которых было мне неизвестно. Все, что я понял, – что тут поблизости есть несколько поселков, что до ближайшего крупного города сравнительно недалеко, что грядет ежегодная ярмарка и что в окрестностях кое-где можно делать деньги, но как и на чем – неясно. И с ярмаркой это, кажется, не связано.

– Ты откуда? – спросил меня сосед, догладывающий баранье ребро.

– Из Мерги. – Назвал тот город, откуда и начал свое путешествие на правах чересчур уж свободного человека.

– Там родился? Ты гладиатор?

– Был гладиатором. – Не спеша отвечать на первый вопрос, я отозвался таким образом, что в воле собеседника было понять меня хоть так, хоть эдак. – Оставил это дело.

– А что вдруг?

– Мне не по нраву выступать.

На меня воззрились со смесью недоумения и иронии. Последнее заинтересовало меня больше. У мужика были повадки человека, понимающего кое-что в жизни. Такие, пройдя огонь

и воду, получают право смотреть на окружающих оценивающе – не сверху вниз, нет, скорее видя не только нынешнюю картинку, но и набор картинок из прошлого и вероятного будущего. С такими обычно есть о чем поговорить.

– И чем думаешь заниматься?

– А какие есть варианты? Еще думаю.

– У тебя семья-то есть? – Мужик говорил не торопясь и так же не торопясь допивал свой сидр. Чувствовалось, что разговаривать он со мной будет лишь до тех пор, пока ему этого хочется.

– Нет у меня никого. Я один на свете.

– Это как так?

– Да уж так получилось.

– Хм. – На меня взглянули с любопытством, хотя и любопытство тоже было довольно равнодушное. Так лист скользит по поверхности воды и не мокнет, так человек, обремененный собственными проблемами, может иной раз скользнуть по волнам чьих-то чужих судеб, не забывая ими голову и чувства. – Изгнали тебя, что ли? Наделал что-то? Впрочем, не мое дело. Не отвечай, если хочешь. – И я постарался сделать независимое лицо. – С работы тоже погнали?

– Типа того. Рожей не вышел, – говорил я все это довольно легкомысленным тоном. – Сначала выходил, потом выходить перестал.

– А что так?

– Работодатель был из знати. Ему необычности подавай, но каждая необычность рано или поздно наскучивает.

– А-а... То есть выгнали не из-за какой-нибудь выходки?

– Нет.

– Тогда за рекомендацией дело не станет, верно?

– Хм. – Я попытался представить себе, как являюсь к императору с требованием дать мне рекомендации. – Это вряд ли. К моему прежнему работодателю не ткнешься за рекомендациями, раз уж сразу не дали...

– Что – такая шишка?

– Да. Шишка.

– Тогда, парень, ты ж понимаешь, это твои проблемы. – Мужик, обернувшись, сделал знак служанке, и та без малого бегом приволокла ему кружку сидра, а мне – горшочек, накрытый аппетитно запекшейся «крышкой» из теста. – Вряд ли тебе кто-то поверит. Так что о спокойной уютной работе можешь не мечтать. Оно тебе надо? На твоём месте я б вернулся к гладиаторской профессии.

– Хороша спокойная работа!

– А чем нет? – удивился мой собеседник.

– Если ты хороший боец, то да, ты на вершине, дерешься редко и все больше из любви к искусству. Но я же не настолько крутой, чтоб привлекать зрителей. А во второсортных клубах выступать – это самоубийство.

– Глупость, которую тебе можно простить только по твоей молодости. Сразу видно, что ты никогда не работал в клубах. – И я понял, что тут лучше не спорить. Возражения только насторожат. Меня просто не поймут.

– Ну, ладно, согласен. Но я не хочу.

– Хочу, не хочу... Тут уже вопрос в том, на что ты способен. Воевать-то, к примеру, за жалованье – дело еще более неверное, чем гладиаторство. Или удел охотника, например.

– Какого охотника? На кого?

– Я имею в виду охотников с грани. Не знаешь, кого называют охотниками? – Этот взгляд был колким, и я снова стал мысленно искать более или менее убедительные аргументы, чтоб объяснить, почему я ни фига не знаю об окружающей действительности. – Что же ты вообще

об этой жизни знаешь? И судишь почему-то... Мой тебе совет – выбрось ты из головы свои странные представления и возвращайся к своему делу. Ты ведь гладиатор, и толковый, раз до сих пор жив. Раз через первые основные этапы прошел. Лучшего тебе не найти.

«Знал бы ты, каковы были эти этапы», – с раздражением подумал я. Сейчас короткий период моего гладиаторства представлялся мне в самом непривлекательном свете. И что угодно, буквально что угодно казалось лучшим.

Я снял еще горячую тестовую «крышку» и сунул нос в облако ароматного пара. Кусок дичины запекли в жидком соусе, зелени и с ломтиками репы. Кстати, репа в вареном виде немного напоминала картофель. Немного.

– Это не обсуждается. Так кто же такие охотники с грани?

– Охотники-то? Охотники – это люди, которые промышляют на грани двух миров, то есть в «гармошках». Что такое «гармошки», тоже не знаешь? Ну, понятно. Это такие места, где наш мир смыкается с демоническим. Типа такого, из которого наш император вышел со своей армией. Туда всякие твари из демонических миров забредают, и с многих из них можно получить немалый профит. Ну что? Наверняка ж слышал о таких? Только их тебе по-другому называли.

– Н-ну да, что-то такое слышал, – соврал я.

– Ну вот. Здесь поблизости есть одна такая «гармошка». Скоро начнется благоприятный сезон, будет доступ к переходу по всей длине, так что сюда съезжаются лучшие команды охотников, а также охотники-одиночки. Потом, на исходе периода, к поверхности будут подходить уже не столь ценные экземпляры, так что... Впрочем, думаю, тебе это не так уж интересно.

– Очень даже интересно. И как же становятся охотниками такого рода? Что для этого нужно?

Мужик усмехнулся.

– Просто берут и становятся. Те, кто выживает. У нас тут не требуются рекомендации или отзывы учителей. Тот, кто ходит в «гармошки» и добывает оттуда ценности, кто живет на деньги, получаемые за добычу, – тот и охотник.

– И что, к вам в команду тоже можно попасть?

– Именно к нам? Ты о нашей команде не знаешь совершенно ничего. И готов так рискнуть?

– Я хотел бы узнать побольше об этой профессии, и надо же в конце концов выбрать хоть какую-нибудь команду. Можешь мне что-нибудь посоветовать?

– В принципе могу, отчего же нет. На ярмарке будет очень много команд. Там уж можешь попробовать поговорить с капитанами, напроситься новичком. Но я б на твоём месте тем, кто согласится тебя взять, задал пару вопросов на тему того, почему они согласны.

– А какие есть варианты?

Улыбка собеседника показалась мне зловещей.

– А ты спроси, спроси. Тогда и узнаешь. Если, конечно, не передумаешь во имя благоразумия.

Мне не могла понравиться его реакция, однако что я понимаю в этой жизни? Возможно, он имеет в виду что-то такое, что для меня не имеет значения. Может, намекает на то, что новички в командах выполняют тяжелую работу, а это унижительно для представителя воинского сословия? Вроде же кастовость подразумевает в числе прочего и разделение труда. Мол, я из «чистой» касты, мусор выносить не буду? Ну, это для меня не проблема. Могу и потаскать, если придется. Ничего.

– И где будет проходить ярмарка?

– Здесь же, в ближайшем селении. Экий ты упорный...

«Да, я упорный». Идея охоты на демонов заинтересовала меня в первую очередь своей необычностью. Я не совсем понял, что это за такие «гармошки», где водятся демоны, и что это

за демоны. От магического мира и не такого можно ожидать. Наверное, если миром правит полудемон, то возможно все. Интересно, как такая охота выглядит со стороны? И много ли может заработать охотник?

И не разумнее ли было бы тогда уж податься в армию?

Впрочем, нет. Если завербуюсь, придется служить, и никуда не денешься. За дезертирство в средние века наказывали смертью. А в охотничьем деле, наверное, можно в любой момент «соскочить с поезда». Впрочем, надо будет этот момент уточнить. И многие другие – тоже.

На ночь я устроился во дворе – снаружи было тепло, свежий воздух ходил волнами от ограды к конюшне, и аромат зелени с опушки леса примешивался к запаху свежего сена. Я улегся, завернувшись в потертый плащ, но меня почти сразу потревожила одна из служанок, измученная шуплая девица, укутанная в покрывало с головой, только нос да глаза торчат. Она держала в руках тяжелое лохматое покрывало и протянула мне его, едва я поднял голову.

– Возьми. Гостю должно быть удобно.

– Спасибо... Скажи, ярмарка скоро?

– Завтра открывается.

– И команды охотников туда съедутся?

– Да. Те, что уже съехались, остановились либо у нас, либо в трактире за холмом, либо на постоялом дворе в поселке за рекой. Но на ярмарке все будут. Они там какие-то свои деловые вопросы обсуждают. Как что открылось и какова надежда на добычу.

– И что, хорошо ли они зарабатывают?

Улыбка мелькнула в глазах девушки, и она стала казаться не такой измученной.

– Нам хватает.

И поспешила уйти. Наверное, у нее было еще очень много работы.

Я и сам пока не знал, определился ли в своих намерениях. Но надо же мне в конце концов занять в этом мире хоть какое-то место? Может быть, я даже способен прожить, удалившись в леса и затеяв в его глубинах натуральное хозяйство. Но того ли я желаю? Привычка пользоваться доступными благами цивилизации была впечатана в меня всей предшествующей жизнью. Зачем жить плохо, если можно попытаться жить хорошо?

Вряд ли я смогу отыскать для себя место в каком-нибудь другом сословии, кроме воинского. И только здесь, в среде подобных экзотических охотников, людей, как я понял, тоже по местным меркам слегка маргинальных, мне не будут задавать лишних вопросов и примут в свой круг. Вернее, могут принять.

Ярмарка, куда я с утра отправился со всеми остальными временными обитателями постоянного двора, оказалась очень ярким зрелищем. Поскольку ее устраивали в первую очередь обитатели трех ближайших деревень, то и раскинулась она на недавно скошенном лугу между деревнями, на приволье. Здесь селяне быстро возвели загончики, навесы и прилавки из кольев, бревнышек и циновок, под купой скудных деревьев установили столы на мощных козлах, скамьи и жаровни – в общем, оборудовали все в лучшем виде.

И продавали здесь буквально всё что угодно. Больше всего было кожаных, деревянных и лубяных изделий, рассчитанных явно не столько на оседлое хозяйство, сколько на походную жизнь. Продавалось тут много инструментов и различных приспособлений, назначение которых было мне неясно, и даже оружие, правда, совсем немного. В стороне толклись торговцы лошадьми и другими животными вместе со своим товаром – выбирай, не хочу.

Отличить пришлых гостей от селян оказалось несложно – они одевались по-разному, вели себя по-разному, даже теперь, когда все эти нюансы еще не были мне видны, я понимал это и чувствовал. И подумал, что внешняя дифференциация представителей разных слоев общества, разных родов занятий и все такое – полезная штука. Все равно ведь встречают по одежке, как ни изгаляйся, даже в моем родном просвещенном обществе.

Одну из групп охотников я вычислил именно потому, что все они держались вместе и, стоя у прилавка с кожаными штукovinaми, что-то выбирали, вполголоса обсуждая. Потом двинулись было дальше, все вместе – так что пришлось обращаться как бы ко всем разом, не выделяя кого-то одного из группы.

– Нельзя ли побеседовать?

– Смотря о чем, – отозвался один из них, рослый парень со шрамами поперек лба, словно бы от чьей-то когтистой лапы, с резкими чертами лица, с таким же взглядом, который явно привык говорить за остальных. Видимо, главный.

– Вы ведь охотники, не так ли?

Они переглянулись, двое язвительно усмехнулись.

– Да, мы несомненно охотники. Какая проблема?

– Никакой проблемы. Только вопрос – вы берете новичков? Парень со шрамами оглядел меня с нескрываемым скептицизмом.

– Ты о себе говоришь?

– О себе.

– И каковы же причины тебе подаваться в охотники на демонов, да еще вот так, в чужую команду? Что натворил? Скрываешься от властей?

– Нет. Я не убийца и не вор. С этой стороны у вас проблем нет и быть не может.

– Соблазнил чужую жену?

– Нет. Давайте не будем перебирать полный список возможных грехов, идет? Заверяю, что местных законов я не нарушал.

– Местных? – Он сощурился. Судя по всему, командир этого отряда – мужик проницательный. Иначе и быть не может.

– Я здесь чужой. В этом проблема. Издалека.

– Чем раньше занимался?

– Гладиаторствовал. Недолго. Оставил это дело.

– Почему?

– Захотелось.

Охотники переглянулись.

– Забавно, – без улыбки произнес их капитан. – И приспичило именно к нам?

– Подозреваю, не каждая команда вообще согласится меня взять.

– Это верно. Ладно, если хочешь, можешь прогуляться с нами в «гармошку». Раз уж есть охота. Посмотрим на тебя в действии и решим, может, и возьмем. В будущем.

– Но сейчас позвольте себя сопровождать?

– Именно так. – Его усмешка показалась мне издевательской. – Мы ведь с ребятами ходим на нижние горизонты «гармошки». Там бывают очень напряженные ситуации, и в случае, если придется жертвовать кем-нибудь из ребят, тобой будет пожертвовать логичнее. К тому же это произойдет само собой, ведь ты ничего не умеешь и не знаешь. – Он снова усмехнулся. – А ты ожидал другого?

– Пожалуй, нет, – сказать это невозмутимо было трудно, еще труднее оказалось сохранить безмятежное выражение лица. Ни к чему им знать, насколько я не привычен к подобной манере общаться с окружающими. – Но, надеюсь, в курс дела вы смертника все-таки введете?

– Естественно. Если не придется тобой жертвовать, нам же лучше. Да и до опасных областей надо еще добраться. Ну что, идешь с нами или поищешь группу попроще?

– Иду с вами. – Я сам не знал, что подталкивает меня согласиться на это.

– Ну и хорошо.

«Ты просто идиот, – подумал я, пристроившись в хвост группы, теперь уже отчасти и своей. – Ты бежал от занятий гладиаторством, чтоб в результате ввязаться во что-то еще более опасное». Но теперь-то что... В конце концов, если неведомая сила тащит меня вперед и нет

желания сказать: «Знаете что, ребята, я передумал, идите ищите себе другого дурачка вместо наживки», значит, пусть будет так.

К тому же их главный (они тут, кажется, именуются капитанами) может и просто отпустить незнакомца. Я бы на его месте предпочел сразу описать самые опасные ситуации, возникающие в работе, чтоб отсеять возможного нытика. Пусть понимает, чем рискует, и потом не вешает на чужие шеи свои проблемы.

Ребята как раз направлялись к деревьям, под которыми так уютно устроилась импровизированная точка общепита, и теперь расселись за одним из столов, оставив место и для меня. Капитан высыпал на столешницу несколько монет и посмотрел на меня. Намек я понял и добавил парочку из собственного кармана. Оно и понятно, меня тут не знают, с чего им кормить меня на шару?

– Начнем с вопросов практических, – сказал мне парень, сидевший рядом, – помоложе других, с длинными волосами, увязанными в хвост, с покореженным мизинцем на левой руке. – Снаряжения у тебя, понятное дело, никакого нет.

Я подтвердил кивком.

– Так, каким оружием владеешь? – вмешался капитан.

– Нож, «когти». Руки.

– Что?

– Рукопашный бой.

Парни переглянулись.

– Странное сочетание. Ты сказал, что был гладиатором. А меч? Мечом владеешь?

– Немного.

– Прости, а как же ты был гладиатором? – спросил меня сосед по скамье.

– Вот, это к вопросу о том, почему я бросил гладиаторское ремесло.

– Вопросами замучили? – уточнил бородатый охотник. Кажется, он именно из-за бороды казался старше остальных.

– Типа того.

– Ладно. Оружие ближнего боя, значит. В принципе это даже не недостаток в нашей профессии, – сказал капитан. – Бери пиво. Или ты не пьешь?

– Пью немного. Не на работе.

– Вот и славно. Пока ты мне нравишься. Иллаш, введи его в курс дела, ответь на вопросы. Кстати, сколько у тебя денег, новичок? Сможешь ли ты себе позволить комплект снаряжения? Инструмент? Оружие? Коня?

– Все вместе – вряд ли. Что-то – видимо, да.

– Ладно, не проблема. Недостающим мы тебя ссудим. Как тебя зовут?

– А разве не с этого следовало начинать? – криво усмехнулся я.

– Не решив предварительно, стоит ли вообще знакомиться? Так что? Как тебя зовут?

– Серт.

– Я – Имрал. Заправляю всем в команде. Не потому, что кто-то меня выбрал, а потому, что так сложилось. Ясно?

– Вполне. Готов слушать наставления.

– Вот и предмет беседы за трапезой, – хмыкнул бородатый. – Иллаш, расскажи парню в двух словах о сути нашего ремесла.

– Я что, так и буду его наставлять всю дорогу?

– По большей части. Зато, если вдруг что, именно твою жизнь он выкупит своей. – Имрал тремя движениями ножа располосовал толстый круглый хлеб на шесть ломтей. – Если успеешь отскочить. Но я в тебя верю, Иллаш.

– Добрые вы, – пробормотал я.

– И мы добрые, и жизнь добрая. Ешь!

Мне придвинули миску, где в густом сырном соусе лежали куски мяса и печеные овощи. Дали кусок хлеба. Я ел, разглядывая своих новых товарищей. Их было пятеро, каждый по-своему необычен, каждый, несомненно, знал жизнь. Такие взгляды я замечал у хороших опытных тренеров, бывших спортсменов, да еще у ребят, побывавших в горячих точках, или у тех, кто в мирное время занимался социальной работой – с теми, кто оказался на самом дне.

– Тебе же сказали уже, что мы спускаемся на нижние горизонты, так? – спросил Иллаш, аккуратно заворачивая кусок мяса в лепешку. – Сам понимаешь, там обитают существа довольно сложные в работе.

– Это очевидно.

– Ты о демонах знаешь что-нибудь?

– Не-а.

– Ну дает... Ладно. Большинство из них интеллектом не выше собаки. Впрочем, этого хватает, чтоб броситься к горлу. Некоторые ядовиты. Их нельзя до себя допускать, но ими и занимаются наши мечники. Ты – «ближник», так что пока не забивай себе этим голову. В движении держись кого-то из нас, как получится, иди чуть позади, давая простор для размаха обеими руками, и прикрывай спину. Следить надо не только за тем, что происходит сзади, но и с боков.

– Твари что, и из стен лезут? – уточнил я, припомнив фильм «Чужие».

– Мелкие очень неплохо могут мимикрировать. А потом кидаться. Это бывает нечасто. – Иллаш сжевал полученный рулет. – А так все просто. Идешь с группой, не отстаешь, вперед не забегаешь, внимательно следишь за всем, что вокруг, беспрекословно выполняешь все указания капитана. Даже если он прикажет плясать джигу или лезть на потолок.

– Я не умею плясать джигу.

– Если не знаешь, как выполнять указание, выполняешь как-нибудь. Хуже нет, чем застыть на месте и разинуть варежку. На этом этапе охотника обычно настигает смерть.

– А команду?

– Я ж говорю, твари не слишком умные. Обычно они разом накидываются на того, кому первому пустили кровь, и занимаются им. Группа успевает уйти. – Иллаш помолчал и сердито добавил: – И не надо так смотреть. Мы всегда друг за друга держимся. До тех пор, пока тот, на кого напали, не сдался. Потому что если вытаскивать полурастерзанного, на этом сложатся все. Лучше один, чем все – не находишь?

– Нахожу. Особенно если один – никому не известный парень.

– И это тоже. С группой надо сходить как минимум раза три, чтоб стать ее частью. Чтб уметь предчувствовать ситуацию. У Имрала есть книжечка с описанием основных типов демонов. Читать-то ты умеешь вряд ли, но хоть изображения посмотри.

– Читать я умею. Но не по-вашему. Впрочем, проблема невелика. Покажешь мне, как что пишется? Тогда я освою сам.

Иллаш покосился на меня с иронией.

– Думаешь, это так легко? Из нас всех читает только Имрал. Но вряд ли у него будет время тебя учить. А книжку все-таки посмотри. Там все понятно.

– Все понятно для опытного человека, – возразил капитан группы. – Эй, Серт, сядь-ка рядом со мной. По-каковски ты умеешь читать?

– На другом языке. Но могу попробовать освоить вашу письменность. Если ты согласишься посидеть со мной, показать мне основные знаки. Какая здесь письменность? Буквенная, иероглифическая, иератическая?

– Чего?.. Так, смотри сюда. – Имрал вытащил тетрадку, сшитую, как я смог понять, из некоего подобия березы. Страницы были наполнены вязью, в которой я сперва не разглядел концов – орнамент и орнамент. Потом присмотрелся. – Заголовки пропустим. Здесь начина-

ется текст. Видишь вот эту строчку? Здесь написано следующее: «Демон – создание нижнего мира, чье существо пропитано магией и к магии обращено».

– погоди, у тебя есть еще один такой листок? Не очень нужный? – На протянутом мне куске коры я кончиком ножа записал предложение по-русски. Наклонился над берестяной тетрадкой. – Где тут границы слов?

Я разглядывал знаки вязи, пытаюсь уловить закономерность. Сейчас, спустя время, мне уже под силу было различить, где заканчиваются пределы родного языка и начинается сфера чужого, изученного магическим способом. Чужое наречие со всей логикой образования словесных конструкций, с правилами, которые проистекают из этой логики, – со всем, чем владела уроженцы этого мира, не обремененные излишним образованием, – существовало теперь в моем сознании по своим законам и все рвалось искать аналогии в родном для меня языке. Тем лучше. Четкость и правильность произношения подправило общение с теми из местных, кто считался здесь довольно образованным.

Теперь я мог примерно представить себе, как выразил бы в письменной форме текст на этом языке, чтобы постараться выделить дополнительно, на что обратить внимание. При должном упорстве можно было разобраться и в том, чем руководствовались создатели местной письменности, – особенно сейчас, когда ее образчик лежал передо мной с «переводом». Вот они, повторяющиеся элементы. Для себя я их переписал отдельно.

– Где гласные? Ну, поющие звуки?

– Вот. – Имрал ткнул кончиком ножа. К счастью, чистого.

– А вторую строчку мне озвучишь?

– «Существуя в своем мире, они впитывают обычную и магическую пищу равно...» Хвост предложения уже уходит на третью строку. Вот здесь заканчивается.

– Еще раз повтори. – Я доцарапал до края берестяного листка. – Ясно, сейчас попробую разобраться... Эти завитки отделяют слово от слова?

– Именно так.

– А эти разграничивают предложения?

– Части предложений. Будешь внимательнее, или мне придется все тебе растолковывать по два раза?

– Буду, буду...

Я углубился в дебри чужой начертательной грамматики, а над моей головой тем временем шли обсуждения вопросов, в которых ничего не понимал, с упоминанием имен, которых не знал, и мест, представления о которых не имел. Зато потихоньку начал вырисовываться смысл следующего предложения. Теперь следовало дожидаться паузы, чтоб вставить слово.

– Продолжение звучит приблизительно так: «И поэтому, напившись магией, содержат в себе множество ценных»... Тут что? «Вещества» или «элементы»?

– «Крупницы», – усмехнулся капитан группы. – Но это устоявшееся обозначение. Не догадаешься. И – не «напившись», а «пропившись».

– Понял. – Я кое-что подправил в своих записях.

– Читай дальше. У тебя неплохо получается.

Сквозь записи о разных видах демонов приходилось продираться, словно сквозь заросли ежевики. Общую логику я уловил почти сразу, но добрая половина понимания таилась в мелочах. Письменность явно была не иероглифическая, однако ушла от нее недалеко. Отдельными знаками обозначались когда буквы, а когда и буквенные сочетания, чаще всего «согласный – гласный». Отдельные гласные превращались в черточки и извилистые полосочки над или под строками. Словом, в этой головоломке надо было привыкнуть разбираться.

– Можно ли ожидать, что в походе вы мне будете подсказывать, что и как делать? – уточнил я у Иллаша.

– До определенной степени, конечно.

– А когда выступаем?

– Завтра в ночь. Мы пропускаем вперед команды, работающие ближе к поверхности, чтоб они, образно говоря, расчистили нам путь, но идем почти сразу за ними, чтоб на очищенное от демонов место не успели набежать новые твари.

– Логично.

– Так что у нас есть время повеселиться ночью, отоспаться днем... Ну а тебе предстоит читать и читать. Давай изучай. – Парень прищурился. Его усмешку можно было счесть насмешливой, но я предпочел трактовать ее иначе. Имрал, прищурившийся в сторону Иллаша, нервно встряхнул головой – судя по всему, что-то из услышанного его насторожило.

– Значит, так. Ты сейчас отведешь Серта на тот постоянный двор, где мы остановились, проследишь, чтоб он устроился, сменишь при вещах Инсарда и дождешься, когда тебя в свою очередь сменит, скажем, Хусмин.

– Нет, но...

– Без «но». Вечером развлечешься, хватит тебе времени.

«Значит, их не пятеро, – сообразил я, – а шестеро. Я, значит, буду седьмым. Ясно...»

Судя по всему, команда была не из бедных. Хорошая одежда, неплохое оружие (то, что можно было разглядеть), хорошее снаряжение – я оценил его, пойдя в занятую ими комнату постоянного двора. Парень, сидевший там над грудой веревок с какими-то скобами, поприветствовал Иллаша взмахом руки.

– Пришел? А то я уже срубаться начинаю. Это кто?

– Это Серт. Новичок. Завтра идет с нами.

– Имрал – шутник. Ладно. – На меня взглянули с любопытством. – Устраивайся. Я пойду тогда, а?

– Иди, – с обреченным видом отозвался Иллаш. И добавил мне, очень хмуро: – Мы все спим либо в общей зале, либо на улице. Здесь – только тот, кто следит за вещами.

– Я так и понял. Не проблема. Что мне следует купить в первую очередь, как полагаешь?

– Нож у тебя есть? Нет, не этот, другой. Которым будет удобно потрошить, если что вдруг. Впрочем, и без него можно обойтись. У нас-то все есть. Тебе нужна лошадь. Иначе как ты доберешься до места? Ну и вообще – что у тебя есть из вещей? Одежда удобная есть? Этой недостаточно.

Я был вынужден опорожнить свою сумку прямо на пол. Ждал вспышки недоумения и подозрительности, но дождался только удивления, причем, в общем-то, совершенно неопасного. Мои новые товарищи ощупали спальный мешок и фонарик, в котором пока еще не подсели батарейки, осмотрели старую куртку, изобилие карманов на которой явно произвело на них впечатление. Потрогали старый ремень и изобразили брезгливость.

– Это никуда не годится. Тот, что на тебе, – лучше. А вот эта одежда – неплохая штука, в походе пригодится. Сгодится вместо перевязей, раз уж ты, как понимаю, к ней привык.

– Привык, да.

– В таком случае, тебе пока нужен только конь. Но если у тебя нет пяти или шести золотых на хорошую животинку, не траться на какого-нибудь одра. Запасные кони у нас есть, в «гармошке» скакун не нужен, а если выживешь после похода, купишь себе хорошего. – Иллаш был весел, и я сделал вывод, что о смерти здесь принято говорить спокойно, как бы насмехаясь над нею.

У себя на родине я привык совсем к другому подходу. Стоит только рот на эту тему открыть, сразу со всех сторон слышится шиканье: «Да как можно вообще на эту тему говорить?!», словно и в самом деле прямой разговор приманивает неудачу. Видимо, здесь бытуют диаметрально противоположные суеверия. Придется привыкать.

Остаток дня и изрядную часть ночи я прокорпел над берестяной тетрадкой. Здесь, на постоянном дворе, и чуть поодаль, на лугу, отданном под ярмарку, жизнь не замерла даже ночью.

Крестьяне, привыкшие к строгому режиму, зевали, но спать шли лишь тогда, когда ноги отказывались нести их, а глаза – смотреть. Чувствовалось, что развлечений им выпадало немного, и жалко было упустить даже крохотную их толику. К тому же каждый час общения с пришлыми охотниками мог принести доход. Несложно было догадаться, что этот профит составлял значительную часть бюджета местных жителей. Недаром же они так старались с ярмаркой.

Усердствовали и держатели трактиров. Пива, сидра и закусок было вдоволь. Наевшись и напившись, гости валились спать где придется, им совершенно не мешал продолжающийся шум, а вот я оказался капризнее и уснул лишь после того, как разошлась большая часть гуляк.

И засыпая, и просыпаясь, я едва ли нагружал свое сознание мыслями о предстоящем новом испытании. Что я о нем знал? В сущности, ничего. Когда некоторое время назад меня ставили в известность о приближающейся необходимости участвовать в гладиаторских боях, я хоть приблизительно мог представить себе, что это такое. А сейчас... Фиг знает, как выглядят охотничьи рейды в области, где смыкается человеческий и демонический мир. Что за демоны такие, как они выглядят? По записям (по тому, что мне все же удалось прочитать) толком не поймешь степень опасности.

Ну и хорошо. Значит, я смогу со спокойной душой приступить к делу и не грузить себя заранее всякими страшилками и трагическими предположениями.

До «гармошки» оказалось сравнительно недалеко. Я ждал горной гряды не хуже, чем на Кавказе, но оказалось, что тут всего лишь цепочка холмов, кое-где в виде разнообразия сменяющихся скалами, довольно жиденькая на вид. Зато она образовывала относительно неглубокий лабиринт, как я мог рассмотреть с того места, где мы остановились. У входа в скромное ущелье обосновались почему-то сразу две команды охотников, одна из которых даже раскинула здесь свой шатер, и семейство местных жителей, торговавшее всякой всячиной, в основном припасами, и жарившее на жаровенке ломти репы.

Имрал спешился и очень неодобрительно посмотрел на меня.

– Можно подумать, ты никогда раньше не сидел в седле.

– Сидел мало, вынужден признаться.

– Одно дело сидеть, а другое – уметь себя вести в галопе. Если ты будешь сидеть в седле мешком, собьешь животному спину.

– Я научусь.

– Надеюсь. Иначе жалко будет давать тебе лошадей, пусть и не самых лучших. Даже худшая лошадь заслуживает того, чтоб с ней нормально обращались... Готовимся!

Все послезали с седел, и мне пришлось, принялись проверять ремни и перевязи, кармашки и заткнутые в петельки предметы вроде метательных звездочек или изогнутых «когтями» ножей для потрошения. Иллаш старательно подтянул голенища сапог, вытащил и засушил обратно спрятанные там ножи странной формы. Эти ребята были нашпигованы железом до отказа.

– Лошадей мы оставляем тут, – пояснил мне молодой охотник. – Сумку повесь на седло, бери с собой только то, что можешь нести в этих своих карманах, не нагружая плеч. Плащ еще можешь взять. Но неси его так, чтоб не мешал в случае чего мгновенно отреагировать на нападение.

– Я так и понял.

– Если все будет благополучно и Имрал решит, что стоит предпринять более длительный поход, возьмем с собой лошадей. Пока это ни к чему... Эй, хозяин, квас есть?

Я чувствовал определенное различие между нашим квасом и тем словом, которым в этом языке обозначался почти безалкогольный шипучий напиток, изготавливаемый чаще всего из ягод или фруктов, а иногда и из овощей с добавлением солода, – получался странный, необычный привкус, но местным нравилось. Однако уже не первый раз сознание мое искало аналогов

в родном языке тем понятиям, которые существовали только здесь, и, найдя, успокаивалось. Так чужое наречие становилось все более «своим».

Ощупал себя с ног до головы, переложил из сумки в карман куртки фонарик – пока батарейки еще свежие, шутовина может на что-то сгодиться. Проверил и оружие, имевшееся при себе. Сняв с седла меч в ножнах, вопросительно посмотрел на Имрала.

– Братъ?

– С оружием лучше, чем без него. Разве что оно, висящее у тебя на боку или за спиной, помешает действовать. Оцени сам, я ж тебя не знаю.

Поколебавшись, я аккуратно приторочил меч к спине. Так он мне не мешает, в случае чего совсем без оружия не останусь. Главное, чтоб было время его отвязать и «расчехлить».

Никто ничего больше не говорил, все происходило в сосредоточенном молчании. Капитан группы передал повод своего коня крестьянину, только что наливавшему из бочки квас, а теперь уже ждавшему, видимо, когда ему заплатят за то внимание, которое ему придется проявить к чужим лошадям. Других коней забрали его помощники и помощницы, видимо, домоладцы. Имрал кивнул кому-то из охотников, ждавших чего-то здесь же, у входа в скудное ущелье, и зашагал вперед, остальные – за ним. Я хотел пристроиться в хвост, но меня подтолкнул в спину бородатый охотник, мол, давай в середку.

По сторонам тропки медленно поднимались холмы, поросшие густой сочной травой (странным, что здесь не пасут и не косят, для крестьян такая трава – сокровище). Потом сквозь дерн проглянул камень, грубо изломанный, словно здесь без меры поработали кирка и человеческие руки. Небо над головой засияло особенно ярко, а может, так показалось из-за того, что сомкнутое камнем пространство вокруг нас теряло краски и становилось сумрачным. Прямо как во дворе-колодце.

Потом тропка раздвоилась, и мы свернули налево, в такой же ровненький коридор меж скал с редкими прогалинами. Почему-то я ждал, что охотникам предстоит лезть в подземелья – бог его знает, откуда взялось это предположение. Но пока никаких пещер на пути нам не попадалось, только другие развилки, среди которых Имрал выбирал путь то ли по наитию, то ли зная наверняка.

И никаких существ, хоть знакомых, хоть незнакомых, вокруг не было. Даже птиц.

– Слушай, а может, пересмотреть вариант? – сказал вдруг бородатый охотник. – Смотри же, все разворачивается как по маслу. И небо не тускнеет. Давай я вернусь за лошадьми, и попробуем сразу на двое суток?

– Далеко ушли.

– Не настолько.

– С нами новичок.

– Тем более.

Имрал с сомнением посмотрел на меня, потом – на товарищей.

– Что скажете?

– Можно.

– Почему нет! Давайте! – вставил Иллаш.

– А ты, Хусмин?

– Мне-то что. Давайте на пару дней. Не против. Припасы ж есть.

– Есть. Давай, приводи сюда лошадей, а мы подождем. Заодно посмотрим. Отдыхайте!

Я уселся прямо на траву и задрал голову. Надо же, действительно, небо не тускнеет. Казалось бы, уже вечер, время к закату, с запада должно наплывать разбавленное облачной белизной зарево, синева – выцветать и блекнуть. Но ничего похожего, словно, приблизившись к горизонту, солнце передумало и, направив время вспять, стало вновь карабкаться в зенит.

– Как думаешь, сколько времени ему понадобится? – спросил Хусмин у капитана.

– Недолго. Туда добежит, оттуда доедет.

– А старик нам деньги ни за что не вернет.

– Если понадобится – вернет. Но зачем? Возьмем у него провизией или фуражом. Или чем-то еще. Эй, Серт, если ты читать умеешь, то и в магии должен что-то понимать.

– Нет, о магии я представления не имею.

На меня посмотрели с удивлением.

– Вот как? – протянул Имрал. – А я рассчитывал на твою помощь. Конфигурацию миров чисто теоретически тоже не учился определять? Ну, ладно.

– Ты ни разу не ошибался, слушай! – бросил Иллаш.

– Одна голова – хорошо, а проверка не помешает. Ладно, сам справлюсь. – Снова удивленный взгляд в мою сторону. – Только зачем же тебя учили читать, если не ради обучения магии?

Такой простой вопрос поставил меня в тупик. И я не сразу нашел, что сказать.

– Хм... Чтоб вести дела, например.

– Ты из семьи торговцев?

И я понял, что не стоит спорить, потому что в противном случае придется потратить немало времени на объяснения. Зачем это, если можно правдоподобно соврать и всех успокоить?

– Вроде того.

– Но почему же тогда тебя все-таки не учили магии? Магия торговцу тоже необходима.

– Мои родители не могли себе этого позволить.

– Ясно. – Имрал оглядел меня с ног до головы. – Помоги-ка мне. Разобрался же с тем, как у нас пишут, верно? Расположи эти карты по порядку. Вот тут пометки, с краю.

– Это – карты? – Я рассматривал листы пергамента, покрытые какими-то значками и чем-то, напоминающим рисунок созвездий. – Карты звездного неба, что ли?

– Почти. Карты конфигураций. – Капитан группы копался в сумке. – Раскладывай, раскладывай!

Я забеспокоился было, решив, что для этой задачи мне необходимо знать их алфавит, но все оказалось намного проще. Края каждого листа были помечены когда буквосочетаниями, а когда словами, и надо было просто подобрать соответствующий лист, чтоб на соприкасающихся краях было написано одно и то же.

Собственно, для такого задания и не нужно владеть навыком чтения. Достаточно сопоставить похожие значки – и вот тебе искомый результат.

– Ага, благодарю. Теперь будь добр, записывай то, что я тебе скажу, и в том порядке, в каком скажу.

– Я еще толком даже не читаю по-вашему. Где мне на нем писать-то?

– Но по-своему-то ты способен писать? Вот и пиши, как можешь. Потом мне прочитаешь. – Я принял от него кусок коры и стило. Помедлив над картами с целой горстью разноцветных камушков в руках, Имрал продиктовал мне несколько несвязных фраз и цифр. Опустил руки. – Теперь прочти.

Я прочел.

– Угум... Теперь еще запиши. – Снова бестолковый набор слов, у части из которых не было аналога в русском языке. – Прочитай... Ага. Ясно. Теперь читай медленно, я буду по-своему переписывать. – Еще несколько минут занял процесс переписывания. – А с тобой удобнее, чем без тебя, – отметил капитан, глядя на меня искоса.

– Вспомни об этом, когда на меня какая-нибудь тварь кинется.

– Идет.

Посмеялись. Бородач привел лошадей раньше, чем самый беспокойный из нас успел соскучиться. Коней он вел длинной вереницей, но животные и не думали сопротивляться –

наоборот, бодро шевелили копытами следом за головной и за направлявшим их человеком. Можно было подумать, что лошадям здесь как-то не по себе.

- Ну что? – уточнил бородатый, спешившись неподалеку от Имрала.
- Нормально все. Поехали. И так уже кучу времени потеряли.
- Теперь это не имеет значения, – охотник похлопал коня по шее.
- Собираемся и поехали. Маршрут я определил.

Местность вокруг менялась без особой спешки, и небо все так же переливалось яркой до неестественности синевой. Потом вдруг налилось грозовой темнотой – а на самом деле одним из самых любимых мною оттенков. Все бы хорошо, только здесь мы без крыши над головой, и если разразится гроза, весело придется и нам, и животным. Вон, вдали даже что-то прогрохотало... Таща своего коня за повод, я вспоминал, уложил ли запасную одежду во что-нибудь хоть мало-мальски непромокаемое.

Зато моих спутников приближающаяся гроза нимало не волновала – они даже вверх не поглядывали, как обычно делает человек, оценивая, насколько реальна угроза вымокнуть или попасть под молнию, когда стоит ждать грозы. Да и погромыхивало как-то странно. Я покопился на Иллаша – тот бдительно посматривал по сторонам. Облакам – ноль внимания.

– Что, ливанет сейчас?

– Нет, с чего ты взял? А, небо... Небо тут постоянно меняет оттенки. Не обращай внимания. Разве что кто-нибудь начнет летать над головой. Тогда скажешь.

– Не болтай, а смотри! – оборвал Имрал. – Подходим.

Густой сине-серый цвет побледнел, потерял глубину и выразительность. Просто серое небо, как в пасмурный день к вечеру. Зато скалы потемнели намного сильнее, пропала зелень, даже мох, и голый камень щерился навстречу путникам, вздумавшим бы хоть на шаг отклониться от тропы. Воздух казался тяжелым, словно был насыщен ожиданием чего-то дурного. Но к этому чувству чревато было прислушиваться – оно мгновенно накрывало, словно мешок, и уже не позволяло уделять внимание хоть чему-либо иному.

Я встряхнул головой и стал озиаться. Голые скалы, какие-то странные то ли древесные, то ли успевшие окаменеть древоподобные конструкции (иначе и не скажешь), перекрученные и перепутанные, словно в муке. Высоко над головой каменные наросты, похожие на застывшую накипь, серо-бурую и мерзкую на вид, уже закрывали пространство над головой чуть ли не наполовину. Если так дальше пойдет, то мы с неизбежностью окажемся в недрах скалы. Интересно, где закончится эта тропа?

Пока ни одной чужой команды нам по пути не встретилось. Как, впрочем, и любого другого живого существа. Охотники шаг от шага становились все более сосредоточенными, все более настороженными (и я тоже, глядя на них и на то, что происходило вокруг).

– Эк почистили, – проговорил бородач.

– Не сглазь! – оборвал его Имрал, и я удивился первой встрече с суеверием, аналогичным тому, которое бытовало в моей родной культуре. Прежде мне приходилось встречать лишь обратный вариант – местные легко и свободно говорили о дурном, словно в уверенности, что именно так отпугнут его.

Задумавшись об этом, я пропустил тот момент, когда из складок скальной породы на капитана группы кинулось что-то легкое и подвижное. Капитан и шедший рядом с ним Хусмин сработали столь же молниеносно – вот он, опыт! Свист, хруст, удар об землю, звук осыпавшихся под ногой и телом камушков, какой-то короткий и будто бы сдавленный визг – и запоздало испугавшихся коней охотники принялись успокаивать как лаской, так и силой.

– Внимание! – бросил Иллаш. – Они ходят стаями.

И, не разглядев даже толком, что там кинулось на Имрала, я изготвился к бою с неведомой зверушкой. Атаковали почти сразу, штук шесть-семь разом. Но не успел я, собственно,

даже изготовиться как следует и подставить руки, вооруженные «когтями», как все уже было кончено, и капитан кивнул Хусмину, вытирая руку куском грязной тряпки.

– Посмотри, вдруг...

– Как же, дождешься от них, – проворчал бородач, наклоняясь над одной из тушек. – Еще ни разу не везло.

– С нами новичок. Новичкам везет.

– Хм. – На меня бросили взгляд, полный сомнения. – Не настолько, полагаю.

Я вытянул шею, рассматривая ближайшее исполосованное тело. Да, это не животное, но и не человек. Странное создание – сухое, поджарое, с длинными гибкими конечностями, с небольшой головой на длинной шее. И, кажется, у существа имелся небольшой хвост... Впрочем, мне было не видно. При таком сложении демон, наверное, мог передвигаться и на задних конечностях, и сразу на четырех. Когти на длинном подобии пальцев выглядели убедительно. Можно догадаться, что не только когтями оно способно атаковать.

Иллаш бесцеремонно вспорол брюхо одному такому созданию и пошевелил кончиком ножа внутренности. Запашок, достигший моего носа через несколько мгновений, «звучал» нерадостно. Я поморщился. Надо привыкать, как понимаю, главный смысл всей охоты в том, чтоб в нутре подобной твари что-нибудь отыскать и потом это продать.

С трудом, через пень-колоду прочитав первые страницы тетрадки, я все-таки сумел понять, что, обитая в мирах, насыщенных магией в значительно большей степени, чем любой человеческий, демоны заключали эту магию в себе. Точно так же тело человека заключало в себе намного больше воды, чем, к примеру, костей. В телах некоторых из этих тварей образовывались вещества, необходимые для местной косметической промышленности, а также всякой алхимии и изготовления артефактов.

– Ничего. – Хусмин вытер нож. – Пусто.

– И у меня.

– И у меня. Не самый удачливый новичок на свете.

– Ладно, пошли дальше. Это только третий уровень.

– Другие команды могли бы и получше зачистить.

– Твари потому и кинулись на нас так бестолково, что другие их спугнули. Хорош болтать!

«Если это третий, то каков же седьмой?» – подумал я, размышляя об уровнях.

Тропинка пошла под откос. Потом резко свернула в гряды скал, ошетиленных острыми уступами, – даже нам было тесно, лошадей же едва удалось протащить. Спутники мои то и дело поглядывали вверх, и я тоже стал, сообразив, что по этим уступам действительно, наверное, легко скакать, а потом падать на голову, как снежный ком. Небо потемнело еще сильнее, но пока все было видно – приблизительно как перед грозой. Ветер тоже не ощущался. Может, только здесь, в ущельях?

Следующее существо появилось впереди за поворотом, да так резко, что я успел бы разве что охнуть. Впередиидущие же где-то нашли время, чтоб отпустить поводья, встать плечом к плечу в какое-то подобие боевой позиции и принять первую атаку. Тварь двигалась так быстро, что ее и разглядеть-то толком нельзя было, но ребята этот тип демонов явно знали. Иллаш рванул вперед в последней, третьей паре – и я за ним, готовый отбивать случайно пропущенный удар какой-нибудь ядовитой твари.

Демон напоминал помесь тощего барана и крокодила, при этом явно, как и предыдущие, способен был передвигаться на задних лапах и был «оборудован» клыками. Существо, порожденное чьим-то больным воображением, не иначе. Ему хватило слаженных действий команды, моя помощь уже не понадобилась.

– Здравствуй, четвертый уровень, – заметил бородач, умело ковыряясь ножом в теле. – Уже хоть что-то.

- Уйми свою болтливость. Новенький обойдется и без подсказок.
- Ни фи́га не обойдусь.
- Придется. Болтовня отвлекает. Она была одна?
- Одна-одна...
- Тогда вперед, пока другие не набежали. Поворот-то рядом.
- И тогда здравствуй, пятый уровень.
- Да лучше уж сразу. В момент перехода все обычно настороже, потом расхолаживаются.

Действительно, буквально через несколько десятков шагов нас ждали еще одна развилка и нырок под беспорядочное нагромождение камней в темноту, которая сперва показалась непроглядной. К счастью, она быстро рассеялась. Мы шли один за другим, время от времени спотыкаясь о камни, и лошади, которых вели в поводу, без малого не жались к нам, как дети, испуганные всем происходящим. Чем-то зловещим дышал воздух. Ни фи́га не предвиденье, как пояснил мне Иллаш. Просто магический фон, мало подходящий для человека, вот организм и реагирует.

А потом в лицо мгновенно и коротко ударил ветер – сильный, даже очень, и за пределами коридора развернулся запредельный простор. Сумрачный, темный, злой. Он не столько просматривался, сколько ощущался, – по долине бродила пыльная буря, не достигавшая сюда, в скальный закоулок, но оттого не менее грозная. К счастью, туда не требовалось нырять. «Это пятый уровень, – вспомнил я. – Нужен седьмой».

– Осторожнее! – громко скомандовал Имрал, и вдруг стало понятно, что тихую команду и услышать-то было б нельзя, потому как воздух наполняет какой-то то ли вой, то ли гул – звук нечеловеческий, неестественный настолько, что слух отказывался его воспринимать. Шум ветра, конечно, что ж еще может быть, но насколько же все чужое, непривычное... Страшное.

– Глаза и нос прикрой! – крикнул мне Иллаш. Разумное замечание, даже притом, что там, где мы задержали шаг, ветер, разок ударив, больше не заглядывал. Мало ли что. Задуть сюда может в любой момент. – Идем вдоль скалы. Тут рядом.

Труднее всего было тащить лошадей – они перепугались воя и рвались из рук, правда, не настолько, чтоб поставить нас в безвыходное положение. Видимо, до настоящего безумия было еще далеко. А до следующего ущелья, надежно укрывшего нас от самума, – близко. Мы нырнули в него, едва успев высунуться из своего укрытия. Новый проход выглядел неприятно, однако в него мы рванули с надеждой на избавление от ужаса перед стихией. Там было грязно, камни выглядели так, словно об них обтирали мазут, и пахло тухлятиной.

- Внимательно здесь, – подсказал Иллаш.
- Это уже шестой уровень, или только переход?
- Переход, плавно переходящий в уровень. И так далее... Ну, ты понял.

Имрал неодобрительно оглянулся на нас, но говорить ничего не стал. Стены ущелья то смыкались теснее, то расходились, и небо над ними казалось ночным, беззвездным и безлунным. Однако света хватало. Непонятно как – но хватало. В какой-то момент я осознал, что вижу не только и не столько глазами, сколько чем-то еще, но акцентировать внимание на этом ощущении было неохота.

Да и зачем? Вижу и вижу, и слава богу.

Я ждал нападения (в подобных неприятных местах обычно ждешь всяческих проблем), но ничего не происходило. Мы тянули лошадок по узкой тропке меж камней и воротили носы от них, замазанных чем-то неаппетитным.

– Седьмой, – подсказал мне Иллаш, когда коридор вдруг сделал резкий поворот.

Я на всякий случай подтянул ремни правого «когтя».

А через миг на нас кинулось Оно. Сперва, правда, возникло ощущение, что это не одно существо, а целая толпа. Да никто особо и не вдумывался, что именно происходит, и я в том числе. Просто что-то темно-серое и объемное наполнило собой воздух, я нырнул на одно

колени в развороте и отмахнулся рукой, окованной металлом. Лопнул ременный повод, привязанный к руке. Лошадь дико заржала и шарахнулась, но, к счастью, недалеко и никому не приложила копытом. Просто, дрожа, прижалась к стене. Напавшее существо она явно интересовала далеко не в первую очередь.

Я действовал автоматически, и в этом была гарантия действий без промедления. Возникла угроза для ног – сам не заметил, как отдернул их, а потом возвратно пнул, отбив от себя что-то, напоминающее щупальце. Точно, оно и есть! Щупалец оказалось много. Спустя пару мгновений они наполнили собой воздух, каждое могло про ткнуть человеческое тело, как булава – бабочку (одно из них доказало это, промазав мимо моего плеча в камень и разнеся последний в щебень и пыль).

Сперва у меня было ощущение, будто с этим клубком я воюю в полном одиночестве. Правда, через пару секунд присутствие спутников стало заметно. В одиночку с такой тварью не сладить, тут и гадать не о чем. Иллаш появился рядом как-то в одно мгновение – я моргнуть не успел. Хусмин возник через секунду с другой стороны и прикрыл меня от очередной атаки взмахом меча. Потрясающим взмахом, кстати, выдал сложную крученую дугу – однако, мастер! У бородача оказался небольшой щит, при помощи которого он несколько раз уводил одно и то же щупальце в сторону от меня и себя – в валуны. Воздух наполнился каменной пылью.

Под шумок, благодаря спутникам, я сумел худо-бедно и не с первого раза подняться на ноги. Вот он, первый раз, когда мне пришлось пожалеть, что меч висит на спине, а не на боку. Поддев «когтем», без церемоний разрезал нагрудный ремень, уронил клинок с ножами на землю, припал на колени, пропуская очередное то ли щупальце, то ли лапу, выдернул оружие... Едва успев вооружиться, проатаковал демона, как учили, и лишь запоздало припомнил, что имею дело не с человеком, на которого подобные приемы рассчитаны. Свистнувшее слева щупальце вышибло у меня оружие, едва не пришлось по руке.

Нож сам лег в отдернутую к поясу руку. Возвращающееся щупальце блокировалось «когтем» (рука онемела от удара, и добрых две-три секунды я даже не знал, что там с ней), а нож пошел вперед, чуть вверх.

Я не знал уязвимых мест этой твари и знать не мог. Все получилось именно что неосознанно. В момент удара я все-таки разглядел это существо. Описать его словами было невозможно, никаких аналогов в живой природе моего родного мира этому кошмару не существовало. Нож, уйдя в тело демона с хрустом, рванулся из рук, я чуть равновесие не потерял и, налегая на рукоять, повалил тварь на камни. Саданул «когтем» по тому, что с натяжкой можно было назвать мордой...

Подскочившие охотники добились тварь несколькими ударами.

– Ну вот! – с удовлетворением протянул Имрал. – А ты говоришь, – обернулся он к бородачу. – Только спустились на седьмой – и уже удача.

– Да уж, – наклоняясь над телом, все более и более напоминающим человеческое, подтвердил бородач.

Я в недоумении присмотрелся. Бледнеющие и выцветающие щупальца втягивались, лапы истончались... Ну да! Вот так – человек себе и человек. Только что странный. И мертвый.

– Ну, давай, – подтолкнул меня Иллаш. – У этого главное сердце посмотреть.

– Да? И где у него сердце?

– А где сердце у человека? В курсе?

– Шутишь? – Я предпочел усмехнуться, а не оскорбиться. Аккуратно вспорол твари живот, надеясь, что не зацеплю кишечник. Не зацепил, потому что органа, напоминающего кишечник, в брюхе не оказалось. Зато, закопавшись под странной формы грудную клетку, я все-таки отыскал сердце, формой и консистенцией больше похожее на печень. Но красно-сизой крови внутри оказалось предостаточно – значит, видимо, ошибки нет.

– Вскрывай, – подсказал Имрал. – Пощупай внутри. Что-нибудь твердое есть?

– Кажется, есть. – Я с трудом вытащил колкий по ощущениям предмет.

Сперва в потоке крови ничего нельзя было разглядеть, потом стало понятно – кристалл. Какого цвета – не понять, но имеет ли это значение?.. Что за странный безоар?

Команда отозвалась одобрительным гулом.

– Отлично! – воскликнул капитан. – Просто замечательно! – Он забрал штуковинку и тщательно протер ее тряпочкой. Под слоем крови обнаружился дымчатый темный кристалл с красноватыми искорками. – Без малого высший сорт.

– Высший был бы, если б чисто черный, – пояснил мне Иллаш. Судя по его довольному виду и по оживлению других ребят, вещь была ценная. – Но и этот дорогой.

– Держи. – Капитан протянул мне кристалл. – Само собой, когда продадим, деньги поделим на всех, но сейчас ты можешь поносить его у себя... Нет, суй в тот карман, который ближе к сердцу или просто груди. Разумеется, ты ничего не знаешь про этот элемент, не так ли? Это искра. Важная составляющая некоторых магических веществ. Но – самое главное – только-только вытщенная из тела демона, она дает тому, кто ее носит, здоровье и удачу.

– Про удачу ничего такого определенно не говорят, – поправил бородач. – А вот про здоровье – да.

– В любом случае носить такую штуковину при себе сразу после добычи – большая удача. Цени. Но раз уж убил демона, то имеешь на это право.

– И долго длится эта пруха?

– Что длится?

– Долго ли штуковинка будет приносить здоровье и удачу?

– Еще дня два... Так, ты закончил? – Этот вопрос был обращен к Иллашу, который рылся в трупe где-то в районе бедра.

– Угу...

– Ничего, разумеется... Ну не бывает так, чтоб в твари была и искра, и ноготь.

– Ну, вдруг...

– Готовимся!

– Теперь будем ждать, – весело подмигивая мне, сказал Иллаш. Помыв руки с помощью Хусмина, он теперь вытащил уже из своих вещей бурдюк с водой и поставил мне, мол, давай, приводи себя в порядок.

– Прямо здесь?

– Конечно. Там, дальше, выход в демонический мир, там равнины, где эти твари буквально табунытся... Нет, туда мы не пойдем. Там нас в любой момент окружают и раскатают. Сюда демоны забредают обычно поодиночке или по двое-трое. То есть задача, получается, нам вполне по плечу. Даже поспать можно будет, выставя дозорных. Мы же тут на двое суток примерно. Или меньше, если воды не хватит.

– Не прямо здесь, – вмешался Имрал. – Чуть в стороне. Но в целом он правильно сказал. Человеческие миры наполнены энергией, которая демонов привлекает, как мед – мух. Они тоже пытаются перейти по «гармошке», чтобы разжиться добычей...

– То есть две расы, по сути, охотятся друг на друга? – уточнил я, балдея.

– Именно так. Мы ловим их прямо здесь, свеженькими. Но о своем появлении они, разумеется, не сообщают, так что надо быть настороже. Отойдем чуть в сторону. Труп скоро начнет смердеть.

Я засунул кристалл в один из нагрудных карманов и внимательно осмотрел себя. Вроде цел. Эх тут, оказывается, интересно... Ну что ж, посмотрим.

Глава 7

Путь ощупью и спотыкаясь

Первый, а также три последующих рейда поразили меня своей... поразительной ирреальностью. Казалось, каждый из нас не ступает по земле, а невещественно парит в каких-то таинственных сферах, где обычная логика событий прекращает свое существование, и в работу вступает какая-то иная, совершенно нечеловеческая логика. В общем, наверное, так оно и было, ведь, по сути, мы оказались в пространстве меж двух миров, причем миров двух разных типов – человеческим и демоническим. Наверное, в складках межпространства могло происходить что угодно. Даже то, чему нет названия на языке людей.

«Гармошка» тягостно влияла на человеческое сознание, на восприятие, понимание, оценку ситуации. Поэтому дольше двух суток здесь задерживаться было нельзя, да и двое суток – предел. Если нарушался механизм понимания ситуации, то и реакция становилась менее адекватной. А это уже была игра со смертью. Ведь демоны-то здесь, в непосредственной близости от своей родины, да еще и вошедшие в «гармошку» только что, чувствовали себя вполне комфортно.

Поэтому команда Имрала выбралась из межмирья уже на исходе вторых суток, передохнула у шатра местного бизнесмена, без вопросов снабдившего охотников горячей едой и одеялами потолка – и снова нырнула обратно. Не обязательно было покидать «гармошку», вполне допускалось просто временно сменить глубокий уровень на тот, что ближе к поверхности, но наш капитан решил именно так. Все-таки спускались мы очень глубоко, и глоток воздуха в человеческом мире был нам полезен.

Однако даже в этих обстоятельствах такой конвейер оказался изматывающим – я едва находил себе время, чтоб перевести дух. Не сказать, чтоб демоны перли косяками, но при каждом появлении одного такого существа (почти всегда – нового) приходилось выкладываться по полной, выцеживать себя до доньшка – и при этом я почти не играл роли в общей схватке.

Опытные охотники не скрывали, что им моя помощь не особо и нужна. Однако и не гнали – я уже начинал понимать, почему. Безвыходных ситуаций пока не было, но они случались, и тогда команде важно было суметь переключить внимание твари со всех на кого-то одного. Я даже уже представлял себе, как это делается. Одним неизменно жертвовали ради того, чтоб не сложиться всем. Гадать, кого подставят, если вдруг произойдет несчастье, не приходилось. Все очевидно, никто не пытался меня обмануть – и за то спасибо. Роль возможной жертвы меня, конечно, не радовала, но что делать. Если играешь в чужой команде, не жалуйся на чужие правила.

Из последнего рейда я выползал полумертвый – общее состояние отягощалось еще дикой усталостью от круглосуточного напряжения, не облегчавшегося даже во время коротких периодов сна (спать приходилось в обнимку с оружием и в готовности в любой момент вскакивать и включаться в драку). Однако вместе с тем не мог не признать, что такой местный вариант зарабатывать деньги меня пока вполне устраивает. И дело здесь было не только в ощущении новизны. В конце концов «гармошка» открывалась всего раза три в году. Три коротких периода дикого напряжения – и потом вольготная жизнь. Чем плохо?

Хотя и крадывалась время от времени мысль, что здесь я в куда большей степени балансирую на грани. Там, в своем недавнем гладиаторском прошлом, я мог рассчитывать на сочувствие и чисто человеческое отношение противника, на то, что поединок – всего лишь шоу, представление.

Я старался об этом не думать, а если всплывало сомнение, то отбрасывал его. Туда я не вернусь, нет уж. Здесь всё по крайней мере было честно и добровольно.

К тому же, что вообще можно сказать о деле меньше чем за две недели? Надо набраться терпения.

Первый день после выхода из «гармошки» я просто валялся пластом, не имея возможности ни пообщаться, ни привести себя в порядок, ни выяснить хотя бы, кому и как Имрал отправился продавать добытое. Даже, казалось, глазными яблоками шевелить было не под силу, и поесть я смог лишь под вечер, потому что, несмотря на голод, заставить себя подняться и поработать ложкой не получалось. Теперь, после нечеловеческого, запредельного напряжения, наступило полнейшее, абсолютное расслабление. Столь же запредельное.

Ближе к вечеру Иллаш помог мне доползти до костра и подsunул под нос миску каши с мясом.

– Давай, давай... Постарайся. Иначе совсем ослабеешь. Ничего, по-первости все так пластом лежат. Потом привыкают. К любой работе надо сперва привыкнуть.

– Точно, – простонал я, приподнимаясь.

– Давай наворачивай. А потом подумай о том, что выжил ведь, уже хорошо. В первый-то раз! Сейчас в «гармошке» будет период дремоты, недели на две примерно, когда туда никто не ходит. Потом – снова период активности в пару недель. И потом уже – отдых до следующего бойкого сезона. Так что отдохнуть успеем.

Я со стоном поднялся и уселся. Все тело болело, словно в нем не осталось ни единой целой косточки.

– Что за фигня, не пойму? Ну, рейды у меня были, и тренировки почти круглосуточные, и вообще всякое бывало... Но такого! Почему?

– Потому что энергия там, в «гармошке», нестабильная. Очень влияет на общее состояние, и болит все потом. Болит же, да?

– Угу...

– Перетерпишь – потом будет легче. Всем рано или поздно легчает.

Я с благодарностью посмотрел на Иллаша – мне была удивительна и чрезвычайно приятна такая забота. Да что там, не будь этого внимания и сочувствия, неизвестно, как бы я перенес это ужасное состояние «неспособности ни на что».

Утром я смог принять более или менее вертикальное положение, умылся и даже засобиравшись в ближайший трактир – на сеновале должно быть помягче, чем на одеяле, брошенном поверх сучков и шишек. Нет, не прямо сейчас, конечно... Но к вечеру определенно должен собраться с силами и доползти. Должен был.

Около полудня у шатров близ «гармошки» появился Имрал и протянул мне свернутый кошельком обрывок полотна с завернутыми в него монетами.

– Держи, твоя часть.

Я аккуратно развернул «кошелек» и несколько мгновений задумчиво изучал скромную кучку серебра.

– А что так мало? – спросил я в спину капитану группы.

Он помедлил, прежде чем обернуться. Мрачный вид, холодный взгляд... Запугать, что ли, хочет?

– На сколько ты поработал, столько и получаешь.

– В самом деле? А я так понял, что после похода добытое делится поровну между всеми участниками.

– В будущем, когда все-таки научишься вести себя в группе, когда от тебя будет толк в походах, будешь получать равную долю. А пока тебе платить не за что. Достаточно тебе и того, что искру при себе носил, хотя, строго говоря, не заслужил этого.

Я, сдвинув брови, посмотрел на Имрала, а потом и на Иллаша, возившегося с седлом в трех шагах от меня. Молодой охотник, заметив мой взгляд, отвел глаза. У меня перехватило дыхание. Именно поведение Иллаша, его реакция на происходящее сказали мне больше, чем

слова капитана. И то, что я понял, выглядело столь же просто и незамысловато, как прежде – причины, по которым меня, неопытного, все-таки принимали в команду. Если промолчишь сейчас, то так все дальше и пойдет – сперва одни условия, потом к ним, дополнительно, другие, потом третьи – насколько хватит фантазии.

Впрочем, может, Имрал и прав. Пока мне особо не за что платить. Но не только ведь они строят отношения со мной, но и я – с ними. Начало можно признать провалившимся. Так нужно ли мне продолжение?

– Будущее если и будет, то уж никак не под твоим началом, – сказал я.

– Это уж как тебе угодно, – бросил капитан и, развернувшись, ушел.

Я наклонился собирать вещи. Меня трясло, сумка выскальзывала из рук, но я поднимал ее и продолжал запихивать скарб. Больше всего хотелось подойти к Иллашу и сказать ему что-нибудь... Или спросить. Удержался с некоторым, весьма болезненным усилием. Что сказать – не проблема, но зачем? Если бы поступок Имрала был обусловлен традицией обращения с новичками в среде охотников, не потребовалось бы отводить взгляд. Это – вполне себе свидетельство очевидного.

Набив сумку и кинув поверх сверток с деньгами, я прихватил оружие и зашагал по наезженной дороге пешком. Конь-то тоже принадлежит им, и хотя ноги несли меня с большой натугой, делать нечего. Настроение было, с одной стороны, до предела хреновое, с другой – задорное. Интересно, чем чреват мой такой демонстративный уход из команды? Как вообще у них принято поступать в подобных случаях – откуда мне знать? Разнесется ли слух, возникнут ли проблемы с поиском другой команды?

А искать придется, тех денег, что Имрал кинул мне с барского плеча, хватит, пожалуй, недели на две – на месяц только при очень жесткой экономии. Но не на полный квартал до нового открытия «гармошки».

– Эй, охотник, подвезти? – зычно крикнул мне мужик, правящий подводой. Та катила примерно в нужном мне направлении, порожняя, запряженная веселой бойкой лошадкой.

– Не откажусь. – Я с трудом вскарабкался в телегу – слабость давала о себе знать.

– Ты с промысла? Одиночка?

– Теперь да. Надеюсь, ненадолго.

– Команду ищешь? Что ж, время есть. До следующего раскрытия дней десять будет точно. До постоянного двора тебя везти? Ну да, вашему брату отдых полагается хороший, при такой-то работе. Какого охотника ни вспомню – из «гармошки» выжатые возвращаетесь, едва на ногах стоите, как лесоруб с сезона. До трактира недалеко, уж там тебе и пива, и каши от пуза. В наших краях охотников любят, их промыслом живут.

– Благодаря их заработкам?

– Не только. Ярмарками, продажей свежей провизии, постоем для приезжих. Много чем. Сюда немало магов приезжает – материал для чародейства по дешевке покупать. Они комфорт любят и платят за самую лучшую дичь и рыбу. Молчу о том, что если бы охотники всю эту нечисть не вычищали еще в «гармошке», она б вылезала и расползалась по нашим краям. Такое было однажды, когда двое наших лордов взялись рядиться, кто будет с охотников подати собирать, у кого на это больше прав. Придумали тоже. Потом опамятались, оставили эту затею. Теперь охотники ничего не платят, ни лордам, ни императору. Но в тот год много было всякой пакости, много людей погибло. Охотники-то тогда в «гармошку» не спускались. Теперь такого не бывает.

Я что-то неразлично промычал в ответ. Смысл глубокого симбиоза местных жителей с охотниками становился более очевидным.

До постоянного двора добрались быстро и без труда для ног, не слишком радостно служащих мне сейчас. Пожалуй, остаток пути до дверей я проделал, поддерживаемый одной только надеждой плюхнуться куда-нибудь и больше не вставать. Одного взгляда на меня служанке

вполне хватило, чтоб понять, кто я и чего хочу. Впрочем, ее умозаключение вполне отвечало ее ожиданиям. Мне без слов были принесены огромная кружка пива и тарелка с ломтиками мясного рулета в лепешке.

Продышавшись немного, я зашарил глазами по зале – нет ли кого из знакомых. Народу здесь торчало очень много, почти все лавки и скамьи оказались заняты. Откровенно говоря, у меня не было желания сталкиваться с кем-либо из команды Имрала. Но окажись они здесь, поставили бы меня перед трудным выбором – сил, чтоб убраться на другой постоянный двор, не осталось, но и делать что-то пришлось бы. К счастью, в этом месте никого из них я не увидел.

Зато обнаружился другой знакомец. Сперва я даже не сообразил, откуда его знаю. Зато, когда все-таки вспомнил, подивился прихоти случая. Это был тот самый мужик, с которым я обсуждал «охотничьи» вопросы в первый раз. Кстати, в этом же трактире.

– Привет.

– А, привет. – Меня, видимо, тоже узнали. – Ты какой-то зеленый. Никак прибился к кому-то?

– Прибился. Не очень удачно.

– Здрасьте! Чем неудачно? Ты ж жив.

– На деньги меня кинули.

– В смысле?

– Не выплатили полностью долю. Так, мелочь насыпали.

– А-а-а... Все потому, что ты совсем новичок в нашем деле и без связей. Некому встать за твои интересы. Так?

– Получается, – усмехнулся я. Свободно, легко. Удивительное дело, но холодное, скользящее бешенство, сопровождающее каждое воспоминание об обмане, стало отступать. Ничего, дело житейское. Пусть подавятся моими деньгами. – Но у вас-то так не поступают. А?

– Нет, у нас нет.

– Ты, помнится, много что мне рассказывал об охотниках и почему опытные группы берут новичков. Как думаешь – ваш капитан возьмет меня к себе?

– Может, и возьмет. Ты ж не совсем новичок, в первый раз выжил. И что-то добыл, а? Раз речь шла о деньгах.

– Искру. Темный такой кристалльчик с красноватыми вкраплениями. Мне дали ее таскать при себе те пару дней, что мы были в «гармошке».

Лицо у мужика стало серьезное.

– Значит, ты добыл кальмара? Они так называются – кальмары, потому что куча щупалец, и не поймешь, сколько.

– Не я один.

– Ну, это понятно. Но ты его прикончил. Иначе б тебе не дали носить искру.

– Да, было такое.

– Думаю, нашего капитана это заинтересует. Неплохое начало, надо сказать. Я с ним поговорю. Как тебя зовут?

– Серт.

– Ниршав. – Он взмахнул ладонью над столом. Пожимать руки здесь было не принято. Собственно, тут просто не знали о подобной практике. – Тебе бы вздремнуть. После первого похода в «гармошку» надо правильно отдыхать. Если что, я тебя найду.

И, успокоившись, я отправился валяться на огромной охапке соломы, уложенной в углу залы специально для таких выдохшихся. Там уже лежало три тела, время от времени оживавших и похлебывавших пиво из огромных деревянных кружек, которые по временной слабости поднять могли только двумя руками. Теперь и я растянулся рядышком, обмякая от облегчения, что наконец-то никуда не надо тащиться, можно лежать, прикрыв глаза, и время от времени тянуться то к блюду, то к кружке.

Лишь через пару дней ощущение, что силы возвращаются, порадовало меня. Оставалось лишь изумляться, насколько короткий, хоть и напряженный поход выцедил из меня все силы. До того я с трудом выползал во двор по необходимости, потому что пиво есть пиво. Теперь хотя бы принятие вертикального положения не требовало от меня столь изнурительных усилий.

Именно теперь ко мне подошел Альшер, капитан той команды, к которой принадлежал Ниршав. Он выглядел несолидно: приземистый, шуплый, лысоватый, постоянно шуруется – то ли со зрением проблемы, то ли привык к пыльному ветру. Меня он оглядел с таким вниманием, словно выбирал жениха для единственной дочери.

– Ты, Ниршав говорил, к нам в команду хочешь?

– Хочу, верно. Если, конечно, вы собираетесь действовать по-честному.

– Мы всегда предпочитаем по-честному, – раздраженно отмахнулся капитан. – Речь не об этом. Откуда ты родом? Чем раньше занимался?

– Хм... В прошлом я гладиатор. Гладиаторствовал недолго. А родом... издалека.

– Из какой части Империи?

– Я не местный. Из-за пределов Империи.

– Полудемон? – Альшер говорил быстро и отрывисто.

– Ну, нет, – опешил я. – Стопроцентный человек. Мамой клянусь.

– Ладно. – Колкий, оценивающий взгляд номер два. Неприятно, когда на тебя так смотрят. Будто препарируют по-живому. – Попробуем. Но мне смуты в команде не нужны. Старайся договариваться. Если не уладишь проблему сам, приходи ко мне. Я буду решать. Но слишком много конфликтов – это недопустимо.

– Так и понял.

– Ну, лады. Знакомься с нашими пока. И отдыхай, первый раз всегда тяжело дается. Деньги у тебя есть? Едим мы из общего котла.

– Я могу скинуться.

– Нет необходимости. Садись к нашему столу.

На чисто выскобленную столешницу уже ставили огромное деревянное блюдо с целым поросенком в окружении мелких помидорок и перышек зеленого лука, нарезанные кружочками печеные овощи и тушеную капусту горкой, похожую на большого карпа рыбину, торчащую из миски с соусом, какое-то затейливое блюдо из каши, нарезанных яиц, мелких кусочков сыра и опять же соуса... Кушали тут на славу. Двое работников притащили небольшой бочонок и расставили кружки.

– Это Серт, – объяснил Альшер. – Попробуем. Словом, осваивайся.

Уговаривать себя я не стал – подсел на свободное место и зачерпнул себе каши. Блюдо на вкус показалось мне слишком уж необычным... Но надо ж привыкать к местной кухне, как и к местным традициям. Сюда они клали островатый сыр, который добавлял блюду своеобразия. В мешанине было и еще что-то, а что, я не мог понять. Ладно, естся – и слава богу. Голодным не останусь.

Хмурящийся Альшер разрезал поросенка, потом рыбину. Я взял кусок одним из последних. Покосился на соседа – пока еще не знакомого мне даже по имени охотника. Тот сосредоточенно ел, внимания на меня не обращал. Остальные – тоже. Правильно, знакомиться будем постепенно.

Больше половины обедавших здесь были охотниками – я очень быстро научился отличать их от крестьян и торговцев. Кстати, последних тоже хватало. Те, что побогаче на вид, мирно беседовали с капитанами, видимо, о перспективах дальнейшего сотрудничества, те, что победнее, приставали к рядовым охотникам.

Чувствовалось, что здесь действительно к охотникам относятся с большим вниманием. В том числе и потому, что у каждого из промышлявших в «гармошке» были деньги. Деньги немалые, как я понял. По крайней мере эта трапеза, по местным меркам более чем роскошная,

потому что еды сразу много и разной, на любой вкус, была для команды Альшера явлением обычным, судя по равнодушным, неживленным лицам.

Поросенок оказался молочным и на изумление нежным – мясо буквально таяло во рту.

Ко мне присматривались с осторожностью саперов, словно я в любой момент могу взорваться. Расспрашивали медленно, не торопили с ответами и промежутки между расспросами заполняли обсуждением своих дел. Я понял, что команда орудует преимущественно на пятом, изредка шестом уровне «гармошки», предпочитает задерживаться там на несколько дней, поскольку знает более или менее безопасные области, где все-таки можно время от времени вздремнуть на часок и отдохнуть от магического давления среды, и сотрудничает с неким магом. Маг сам вычисляет для команды оптимальный маршрут, а потом забирает всю добычу сразу и платит очень неплохие деньги. Удобно и просто.

И – самое главное – ребята не делают паузу на целых четыре месяца, а переезжают в другую область, к другой «гармошке», открывающейся несинхронно с этой. И работают практически круглогодично.

Чуть позже меня поставили в известность, что раз я новичок, то мне предстоит кашеварить, искать дрова, если придется, первым сидеть в дозоре, и все такое. Это было мне понятно и очевидно – расплата за приход в новый коллектив из числа тех, что у нормального человека не должны встречать сопротивления. Так обычно и бывает в любой разумной группе. И куда приятнее, чем выплата намного меньшего, чем предполагалось, количества денег.

Силы восстанавливались очень медленно. Я больше лежал, чем ходил, при этом аппетит не радовал меня, приходилось заставлять себя есть. Благо еще, что теперь я мог валяться в чуть более комфортных, чем раньше, условиях. Команда Альшера устроилась на постоянном дворе со своим шатром, где все спали вповалку на войлочных подстилках, завернувшись в одеяла, а столовалась в трактире. Меня пригласили ночевать (а заодно и дневать) вместе с ними, отказываться я и не думал.

Да и какие более привлекательные варианты у меня оставались? На сеновале спать желающих много, потому что мягко и ароматно, а в тесноте сеновал терял добрую половину своей прелести. На то, чтоб снять целую комнату, да еще и сразу дней на десять, надо намного больше денег, чем у меня есть. Спать просто во дворе не так приятно, как в шатре, пусть и полном обитателей.

Можно считать, что это всего лишь туристический поход.

– Так удобнее и дешевле, – растолковал мне Ниршав. – Можно, конечно, по-барски устроиться, но чем больше тут потратишь, тем меньше семье привезешь.

– Ты женат?

– Почти все мы тут женаты. Почему нет, если есть деньги и можно позволить себе содержать жену и детей?

– А то, что охотник в любой момент может погибнуть, и семья останется без кормильца – не смущает?

– Хм... Странно рассуждаешь. Ты ж гладиатор! Да любой мужик в любой момент может умереть – что ж, ни одному не жениться? К тому же женщина ж не из пустоты взялась. У нее есть семья, в случае несчастья вернется к родителям с наследством мужа. Там уж они разберутся, что к чему.

И я был вынужден признать, что со своими вопросами, наверное, выгляжу до чрезвычайности странно.

О том, что отдых заканчивается и пора отправляться обратно в «гармошку», меня предупредили за день, но все равно трудно было заставить себя набить сумку своими вещами, да и вообще трогаться с места. Однако, поскольку деваться было некуда, пришлось пуститься в путь, и постепенно тело смирилось. А что ему оставалось...

Команда Альшера в «гармошку» входила ранним утром, как только та открывалась. Зрелище это само по себе способно было поразить воображение. До горного хребта мы добрались на рассвете, когда заря уже обесцветила небосвод, но еще не заиграла всеми оттенками алого, желтого и возможными полутонами. В какой-то момент ощущение напряжения заставило замереть окружающий мир, притихли птицы, даже шелест листьев смолк, воздух не двигался, словно его и не было. Горы вздрогнули, отбрасываемая скалами тень приподнялась, заиграла всем оттенками серого, как на картинах импрессионистов, внезапно поднявшийся ветер заиграл радугой, вознесшейся над хребтом.

Казалось, земля глубоко, бережно вздохнула, и там, где только что – как я видел со своего места – была тупиковая и очень короткая впадина меж скал, образовался полноценный проход в глубину кряжа.

– Теперь ждем полчасика, – подсказал мне Ниршав. Он повернул голову к заспанному мужику из местных, выбравшемуся из шатра, так и стоящего здесь, как он стоял две недели назад. – Слышь, квас есть?

– А то ж! – проворчал тот. – Мы ж понимаем, что и когда. Вчера подвезли два бочонка.

– Налей мне. И вот, Серту тоже налей. Пьешь наш квас?

– Пью, – усмехнулся я, протягивая руку за кособокой глиняной кружкой. Судя по всему, готовясь с выгодой для себя кормить и поить охотников прямо на «входе», местные навезли сюда посуды, собранной с бору по сосенке.

– А у вас какие напитки в ходу?

– Наш квас делают из хлеба.

– Из хлеба? Что за странная затея! Еще б из колбасы затеяли делать...

Посмеялись: я – изумлению и недоверию собеседника, он – удивительной нелогичности чужих обычаев.

Воздух дышал магией – я не знал, как для себя самого обозначить свои ощущения. Ветер дрожал под напором, и натягивало в него все больше и больше ноток тления, раздражающих на вкус. Альшер и стоящий рядом с ним маг – маловразумительное существо, морщинистое, как изюмина, почему-то наряженное не в мешковатую хламиду, как можно было бы ожидать, а в очень аккуратный костюм для верховой езды, – то и дело поглядывали на небо. Видимо, ждали, когда минует неподходящее для путешествия время.

– Порядок! – объявил капитан, когда все в команде опорожнили свои кружки. – Отправляемся.

– Когда вас ждать? – полюбопытствовал местный, «стороживший» шатер.

– Думаю, дня через два-три. Дольше там все равно нельзя находиться.

– Идет. Скажу своим, чтоб к тому времени подвезли еще кваса. И рыбы.

– На такой-то жаре? Рыба стухнет через час.

– Смотря как везти, – возразил крестьянин и получил от капитана монетку. Та исчезла, словно по жесту фокусника. – Не волнуйся, все будет в лучшем виде.

И мы отправились в глубину ущелья, как и в прошлый раз, с прежней командой, таща за собой коней в поводу. Те упирались – должно быть, чувствовали что-то, пока не потерявшее остроту. Догнав Ниршава, я сказал:

– С прежней командой заглядывал на пятый уровень. Там такой самум бушевал...

– Да, это бывает, – согласился охотник. – Но в этом случае никто не мешает перебраться на шестой.

– И вы тоже сидите в скалах и ждете, когда туда заберутся демоны?

– Нет, на пятом этот фокус не проходит. Там надо высовываться в пустошь. С осторожностью, конечно. Преждевременно нервничаешь, – сообщил он мне, оборачиваясь. – Сперва будет трудно, но потом привыкнешь. Все когда-то начинают... Оружие доставай. Твари могут

прятаться уже на первом уровне. Мы заходим одни из первых, неожиданностей может быть куча. Внимательней.

Я вспомнил – действительно, парни Имрала упоминали, что пропускают вперед много команд, чтоб самим не пришлось чистить путь до седьмого уровня. Нам этот путь, ясное дело, никто чистить не будет.

И, сообразив, что слишком мало знаю (а об опыте вообще лучше промолчать), принялся с особенной недоверчивостью рассматривать скалы и камни, вроде, безжизненные и спокойные, но кто ж их знает. Некоторые демоны умеют мимикрировать – это я уже знал.

Первая тварь кинулась не на меня, а на впередиидущего Ниршава, и я понял, что такое настоящая демонская мимикрия. За мгновение до того я бы поклялся чем угодно, что вокруг кроме нас нет ни души, ни единого животного. Это было похоже на удар невидимой молнией, мгновенный и очень резкий порыв ветра. Секундой позже я понял, что здесь действительно надо быть как-то повнимательней, что ли. Ниршав опрокинулся назад, и тварь – мелкая, бесцветная, похожая на огромное насекомое – вцепилась в седло. Лошадь испуганно шарахнулась, но демона она, видимо, не интересовала, потому что изодранное в мгновение ока седло существо использовало только как опору для прыжка в обратную сторону.

Дальше любоваться зрелищем не осталось возможности – на меня кинулось что-то подобное. Я постарался поймать его на «коготь», но к счастью для себя не сумел, лишь полоснул. Жгучая белесая кровь брызнула на руку – мне показалось, что это плеснуло кипятком, никак не меньше. Тварь отбросило на камни, но кинуться следом я не решился, наитием догадавшись, что «когтей» может оказаться мало, и выхватит меч. На него я принял следующий бросок, к счастью, удачно. Отшвыривал существо несколько нервозно, подзуживаемый отвращением, но плавно и сильно, прямо на камни. Мое легкомыслие и малая опытность обошлись для меня без последствий.

Нашу короткую схватку прервал удар кончиком меча в демонскую шею. Или голову – тут не разберешь. Ниршав ухнул, выдергивая оружие из тела «насекомого», и кивнул мне, мол, все в порядке.

Когда я оглянулся, еще только двое продолжали схватку – им как раз кинулись помогать освободившиеся. С табунком «насекомых» покончили в считанные секунды.

– Раненые есть? – гортанно спросил Альшер. – Обожгло кого-нибудь?

– Меня, – заявил я, разглядывая руки.

– Покажи... Ну, это не обожгло. Это просто припекло чуток. Я о другом – ужалили успела? Нет? Отлично. Смой это и мазью намажь. Сейчас дам. Никого не ужалила? Отлично. Серт, знаешь, что у них надо брать? Нет? Ниршав, покажи.

– Все просто, – пояснил мне охотник, пока я смывал кровь твари с запястья тем скудным количеством воды, которое на это отводилось. – Вот тут ножом поддеваешь и вскрываешь спинку. Видишь эти голубые железы? Ищешь белую перемычку и по ней отрезаешь. Аккуратно пальцами выковыриваешь, чтоб не повредить. В общую коробку кладешь. Попробуй сам.

– И в чем была логика сперва смывать кровь, а потом снова в ней пачкаться?

– Сравнил! Ты смывал живую, жгучую, а эта уже того, мертвая. Потухшая. После нее пальцы можно песочком очистить, вот так. Учись экономить воду, в этих краях питьевая вода встречается редко.

– Хм...

С телами тварей разобрались быстро, а от следующего табунка, нарушившего законы конспирации и зашевелившегося на стенах, увильнули в переход между уровнями. Едва вывернули из-за поворота – новая встреча, на этот раз с одним, зато крупным, демоном, слегка похожим на гориллу. Только чешуйчатую и с винтовыми рогами. Первые несколько мгновений я просто наблюдал, как, бросив поводья, Альшер и два следовавших за ним охотника выстраиваются полукругом, а потом, опомнившись, схватился за меч.

– «Когти» и нож! – крикнул мне Ниршав, и я его вполне понял. – Уязвимы подмышки и горло.

– Ни фиги себе! – вырвалось у меня. Получалось, что по степени неуязвимости тварь можно было сравнить с полностью одоспешенным латником, но, в отличие от него, горилла была подвижной.

В схватке учишься понимать без слов, поэтому сперва я пристроился плечо к плечу с Ниршавом, а потом и обогнал – он с длинным клинком и, раз мы работаем в паре, должен иметь большую дистанцию действия. Тварь, с которой мы столкнулись, оказалась не просто подвижной, но еще и прыгучей. В первые же секунды стычки капитан группы чувствительно заехал демону по морде, тот немедленно взвился, словно поднятый в транспорте с нагретого места пенсионер, и сиганул в сторону, аж на стену. Оттуда – поближе ко мне и Ниршаву.

Я пригнулся, и надо мной охнул воздух под напором Ниршавова меча. Судя по звуку, врезался во что-то, но без особого эффекта. Дальше была уже моя очередь. Бросок под вознесшуюся лапу, удар «когтем» в прицелом в то, что с натягом можно было назвать подмышкой, и сразу в сторону. Демонская лапа едва меня не зацепила – быстрый, сволочь. Камень больно вонзился в локоть, от вскрика не удалось удержаться.

«Горилла» решила не придумывать ничего оригинального и попыталась просто на меня упасть. Выдержнулся я из-под нее не до конца, ноги мне придавило настолько болезненно, что предыдущий вскрик помимо моей воли обратился в полноценный вопль. Первым же, что попало мне под руку – крупным камнем, – я засандалил в тварь на чистейшем рефлексе.

И постфактум сделал вывод, что у нее есть еще как минимум одно уязвимое место – нос. Или глаз – тут уж было не разглядеть, куда пришлось камнем.

Демон взвизгнул не хуже какой-нибудь девчонки, наступившей на мышь, рванул вбок и, к счастью, тем освободил мои ноги. Встать мне удалось далеко не с первой попытки – здорово он меня помял, ничего не скажешь. Так что оставшаяся часть схватки прошла без меня – окружив существо полукругом, охотники Альшера наскочили на него чуть ли не все разом.

И кому-то из них удалось все-таки полоснуть «гориллу» по горлу – та вдруг разразилась потоком темной крови и рухнула, размахивая лапами, словно пыталась заново отыскать точку равновесия.

– Ну во-от, – удовлетворенно протянул Альшер, вытирая меч. – Сайну, смотри, второго такого нет?

– Не видно.

– И хорошо. Кто-нибудь ранен?

– А из этой твари что вырезают на продажу? – полюбопытствовал я, разминая ноги.

– Ничего. Разве что когти и клыки на память.

– Как ничего? Зря убивали, что ли?

– Ну, если спастись – это вроде как зря, то да, – рассмеялся охотник, которого капитан назвал Сайну.

И я усмехнулся сам, сообразив, какую глупость сморозил.

Двинулись дальше и снова принуждены были остановиться, чтоб выяснить отношения с тремя шуплыми созданиями, настолько нечеловеческого, невообразимого вида, что и сравнить-то их было не с чем. Хватало того, что у них было шесть конечностей, не считая шупалец вместо ушей, бойкость и, как можно понять, способность причинить разом немало вреда.

С ними возились намного дольше, чем с «гориллой», – они выскользали, уходили от удара, словно гуттаперчевые, и от отчаяния можно было подумать даже, что удары проходят сквозь них. Зато одно прикосновение могло стоить жизнь. Углядев, как мои теперешние товарищи шарахаются от подвижных агрессивных шупалец, я сделал вывод. Но стоило мне попытаться вступить в драку, Альшер резко отстранил меня.

Намек и на этот раз был вполне понятен – не лезь, если ничего не умеешь.

Однако, когда схватка была завершена, и вполне благополучно, я все-таки полюбопытствовал:

– А что, разве у охотников не принято подставлять новичков, чтоб самим благополучно уйти? – Я постарался смягчить тон, подать фразу как шутку – ссориться в один момент с новыми коллегами в мои планы не входило.

Капитан группы посмотрел на меня раздраженно.

– При чем тут принято? Нечего чушь всякую нести. Если иной раз кем-то приходится пожертвовать, и чаще жертвуют теми, кого хуже знают, это не значит, что так принято поступать, что такова традиция. Просто жизнь диктует свои законы, тут ничего не поделаешь. В армии поступают так же – разве скажешь, что там есть подобная традиция? К тому же от этих не отвяжешься жертвой.

«Вот оно, самое главное», – подумал я. Но развивать эту мысль не стал. И упорно доказывать свое – тоже. И слава богу, если они не собираются меня подставлять – пусть, ради всего святого, верят, что меня надо оберегать и хранить.

Нагнувшись, внимательно проследил за тем, как охотник по имени Сайну аккуратно вырезал у демона глаз. Правый. К подобным зрелищам мне еще предстояло привыкать, но раз уж решил не просто учиться драться с демонами, но еще и жить за счет этого промысла, надо все уметь и знать.

Из демонских тел, как оказалось, извлекалась уйма всякой пакости, и эту пакость надо было уметь сохранить. Что-то раскладывалось по лубяным лукошкам с плотными крышками, что-то – по деревянным емкостям, а кое для чего предназначались баночки из полудрагоценных камней типа яшмы. К тому же, как оказалось, не всегда будущий ингредиент следовало вырезать из демонского тела обычным ножом – иногда требовался серебряный, иногда – обсидиановый. Охотники разбирались во всем этом с легкостью, изболчивавшей привычку.

Поднялись и отправились дальше. Пятый уровень встретил команду тишиной, пыльной землей под ногами, с которой целые облачка мелкой взвеси поднимались в воздух при каждом шаге – и отсутствием каких-либо следов в пыли. Тогда здесь бушевала пыльная буря, и гудение ветра вибрировало в нервах, как шторм в снастях – сейчас наоборот, всерьез беспокоило ощущение, что мы все лишились слуха. Глядя на своих товарищей, я понимал, что, видимо, все идет как надо, нет необходимости беспокоиться, однако беспокоился все равно.

Пустота, пыль и молчание – вот что я мог воспринять в первые минуты пребывания на пятом уровне «гармошки». Долина, развернувшаяся перед нами, представляла собой неправильный овал, очерченный изломанной кромкой скал, и, несмотря на свои впечатляющие масштабы, все-таки казалась игрушечной. Ненастоящей. Эдакой декорацией, наскоро возведенной в мосфильмовском павильоне для съемок очередного «Обитаемого острова». Нет, на «Обитаемый остров» не тянет по духу. Может, «Постыжерный мир»?

Группа едва ступила на лежащую красивыми волнами пыль – и сразу взяла влево, на камни, к скальной стене.

– И что, мы тут будем торчать, на открытом месте? А нас не возьмут числом?

– Надо место аккуратно выбирать, знаешь ли. Чтоб не взяли, – хмуро объяснил Альшер. – И вести себя правильно. Учись, кстати, глядя на остальных. И вперед на рожон не лезь. Аккуратнее и внимательнее.

– Это можно сделать гимном новичков в охотничьем деле. «Аккуратнее и внимательнее».

– И никому от такого гимна хуже не станет. Потому что это правда, от и до.

– А что за твари тут водятся? – негромко полюбопытствовал я у Ниршава.

– Разные. Долго перечислять. Ты постепенно освоишься. Учти – здесь есть и летающие. И очень далеко прыгающие. Большинство из них очень сообразительные, надо быть начеку. Кстати, тут почти каждая местная тварь обладает некоей долей интеллекта. Сравнительно немаленькой. Просто так не обманешь.

– На песок смотрим! – вполголоса, но отчетливо скомандовал Альшер.

«Что на него смотреть-то?» – удивился я, но удивление очень быстро пропало. Тонкая пыль взмыла в воздух облаком все-то в паре шагов от Сайну, а вместе с ней в полете распласталось длинное змееподобное тело. Целившее, как стрела, пущенная из лука, поверх наших голов.

Первое, что я сделал рефлекторно, – пригнулся, но, как оказалось, сделал это один, а значит, поступил неправильно. Оружие то ли уже было вынуто из ножен, то ли на это потребовалось до чудесного мало времени, но все мои коллеги в этот миг оказались при мечях и ножах. Металл лязгнул, как мне показалось, прямо у меня над головой, что-то плюхнуло, что-то странно запахло. Когда я разогнулся, змея с лапами или щупальцами – не разберешь, но почти сороконожка – вертелась колесом за моей спиной, а бойцы Альшера атаковали ее, причем одновременно все.

Сперва я решил, что сороконожка вытягивает лапощупальца в ответ на атаку, но чуть позднее догадался – все наоборот. Один из отростков в считанные секунды «выстрелил» и в мою сторону, Ниршав полоснул по нему мечом до того, как я успел что-то сделать. Как-то особенно он примеривался к конечностям «гусеницы» – не напрямую рубил, а как бы сбоку, сби-вал с траектории. Должно быть, жесткие. Как местная природа любит одаривать своих «чад» щупальцами!

– Щас развернется! – крикнул Альшер, и его ребята сыпанули прочь от твари. Я отпрыгнул тоже.

Она развернулась и, к моему изумлению, изменила форму – стала похожа на что-то среднее между богомолем и целой охапкой червей. И теперь рвалась выпускать в противника не щупальца, а когтистые лапы. Довольно ограниченное количество.

Здесь «когти», а уж тем более умение драться врукопашную вряд ли могло помочь. Но стоило мне выдернуть меч и попытаться парировать бросок лапы, как клинок, словно живой, упруго вырвался из пальцев и загремел по камням. Жизнь мне спасла только помощь Ниршава – он помог мне явно автоматически, и это успокоило бы меня совершенно, возьми я на себя труд рассуждать. Раз у охотников на рефлексе – защищать своих, значит, это первое, что они сделают. Возможная подстава идет лишь номером вторым.

Следующий бросок в мою сторону и автоматически поставленный блок обоими «когтями». Когти скребанули по металлу с такой злобой, что стало ясно – незащищенной рукой такое отбивать себе дороже. У лапы, можно подумать, предусмотрено множество суставов – она изогнулась в броске хоть и не произвольно, как щупальце, но практически. От ее напора я нырнул на камни, спружинил и смягчил, насколько умел, уже в повороте развернул ударом и саму лапу. И «отправил» ее, соскользнувшую с блока, в обратном направлении. Под брюхо твари.

– Назад! – взвыл Альшер.

Все рванули прочь от завизжавшего на пределе восприятия, завертевшегося на месте демона. Я – даже не поднимаясь с камней, по-пластунски. Лишний раз обернувшись на своих ребят, капитан сделал отрицающий, вполне интернациональный жест, и, улучив момент, прыгнул вперед, рубанул куда-то. Снова отскочил и снова повторил свой прием. Тварь затихла только минуты через две.

– О! – только и выдохнул Ниршав. – Круть.

– Где научился? – перехватывая ртом воздух, спросил Альшер.

– Чему? – не понял я.

– Ну, такому приему? Чтоб вспороть ей брюхо ее же лапой? Вообще у гуски только одно уязвимое для металла место – над башкой, но туда надо исхитриться попасть. А ее-то собственные когти могут и доспех вспахать, и, как мы видели, ее собственную броню.

– Как ты эту тварь назвал?

– Гуска. Ну, гусеница. Покороче чтоб. Так откуда приемчик?

– Никто не учил.

– Сам додумался? Ну, молодец. Будет толк из тебя, только первые два года продержись – и все будет. Ребята, давайте, ищите, пока кровь не перестала дымиться.

– Да, из гуски железы надо вынимать, пока она не остыла, – пояснил мне Ниршав, вытаскивая из вещей долото. – Найди-ка мне удобный камушек. Будем лапы ей вскрывать.

– За железами?

– Типа того. В лапах есть мешочки для яда. По двадцать полулун идут, если полный. Если долото не возьмет, придется ее же когти вырубать.

Я уже знал, что полулунами называются самые крупные монеты, имеющие хождение в Империи. Их изготавливали из сплава золота и платины в форме ровных металлических полу-кругов, отсюда и название. На одну такую монету можно было «гулять» с полной отдачей пару недель. Изрядная получалась стоимость у одной порции яда.

С трудом вскрыли одну лапу, вторую... Задачу усложняло то, что хитин приходилось крушить аккуратно, чтоб не повредить оболочку возможной добычи. Лишь в третьей лапе обнаружилось искомое – продолговатый пузырь с чем-то синеватым внутри. Его вырезали с огромной осторожностью и упрятали в нефритовый ларчик, который Альшер с торжественным видом извлек из вещей. Лапы вскрыли все, но подобный пузырек нашли еще только один.

– То есть не каждая лапа такой твари отравлена?

– Нет, конечно. Но любая из тех, что придется по тебе, может оказаться ядовитой. Поэтому ни одну из них нельзя подпускать к себе. Кстати, смотрите в оба, в любой момент может еще одна приползти.

– Их что сюда, тянет, что ли?

– К нам тянет, – прогнусавил Сайну. – Они нашей крови жаждут. Ею живут.

– Вроде того, – подтвердил капитан. – Если по-научному, как мне маг пояснял, им нужна наша жизненная энергия. Без нее они плодиться, что ли, не могут... Потому лезут в наши края.

– Плодиться? – У меня глаза полезли на лоб.

– Вроде того. Хочешь подробностей – с нашим магом пообщайся. Он любит на эту тему рассуждать. Часами.

– Вот шкура у этой гусеницы, – заметил я, помогая Ниршаву с долотом. Хитин на демоне был тонкий и прочный, как сталь, – об осколки запросто можно было изрезаться. – Представь себе из нее доспех.

– Нет, из кусок доспехи не делают. А вот если нам повезет на тритона...

– Повезет, скажешь тоже, – фыркнул еще один охотник – парень по имени Инсард, больше я пока о нем ничего не знал. – Это полдня только шкуру с него снимать пластинами, а еще перед тем надо умудриться убить.

– Зато минимум восемьсот полулун на круг, за все. Бывает и больше. Оно того стоит.

– Главное его прибить.

– Да, это проблема.

– И что у него уязвимо? Пятка? – с усмешкой спросил я.

– Почти. На шее есть одно место, но там все броней закрыто, надо момент подгадывать. Практически не подгадаешь. И половые органы. Короче, подхвостье. Поди туда залезь.

Посмеялись. Альшер еще раз проверил, насколько плотно закрыта нефритовая коробочка, и дал знак ребятам перебираться по камням в сторону от истерзанного тела гусеницы. Следующую мы дождались лишь через час, и как я ни старался, не смог повторить предыдущий прием. Для меня, благо, все закончилось неглубокой раной на бедре, и, как выяснилось, не той лапой, что была снабжена ядом. Правда, узнал я об этом лишь после боя, когда, обматывая мне полосой ткани ногу, капитан успокоил:

– Раз еще жив, значит, нет яда. Он из мгновенных.

– Оптимистично.

– Но ты ж жив, на что тебе жаловаться? В следующий раз делай лишь то, в чем уверен.

– Хм, – ответил я, подумав, что едва ли уверен хоть в чем-нибудь. А в особенности – как приемы самбо могут показать себя здесь, в мире демонов и в схватках с демонами.

И если в прошлый раз мне повезло, это явно не свидетельствовало ни о чем. К сожалению.

Бедро болело, несмотря на то что капитан смазал его какой-то мазью, пообещав, что болеть не будет. Я чувствовал его даже при ходьбе, в бою же, как выяснилось очень скоро, стоило немного. Боль отвлекала, очередная гусеница опрокинула меня, как и предыдущая, и Ниршаву пришлось отдуваться за двоих.

– Слушай, ну надо ж как-то взять себя в руки, – укорил Альшер, когда изнурительный бой остался позади, и демона все-таки удалось завалить, хоть и далеко не с первого раза. – Рана не глубокая, не опасная. Конечно, хочется посидеть, отдохнуть, но мы ж здесь не ради отдыха. От тебя должен быть толк.

– Кровить-то не начнет?

– Мазь отличная, дорогая, что б ты думал, я на тебя такую дорогую извел? Чтоб ты сразу мог действовать! Иначе так бы и заживлял «своим ходом», как придется. Не доверяешь, что ли? Зря. Я плохого не посоветую, знаю, о чем говорю. Если тебе поплохее, кому же с тобой возиться, как не моим ребятам? Так что это нам не нужно.

Я был вынужден согласиться, что мои проблемы их действительно не обрадуют.

– Уходить надо, – угрюмо буркнул Сайну. – Чаше пошли. Чуть погодим – и гуски полезут сразу по две, по три.

– Это да. Давайте, заканчиваем и уходим.

– Что, так и будем кочевать по этому миру? – спросил я с любопытством, оценивая пройденное уже расстояние.

– Это не мир, – удивился Ниршав. – Это уровень «гармошки». Вернее, не сам уровень, а ступень. Как бы сенцы демонического мира. Да, кажется большим, но на самом деле не так он и велик. В демонический мир выйти отсюда можно, да, но живым оттуда не вернешься. Там такие твари, что боже мой. Туда маги-охотники иногда ходят. Иногда. Особо отчаянные.

Мы поднялись в ущелье, ведущее к четвертому и шестому уровням, там угрелись в закутке и дремали по очереди. Нога беспокоила меня всю ночь, не давая толком уснуть, а так – задремать до первого своего или соседского легчайшего движения. Палила жажда, но воды я и так выпил уже слишком много, остаток следовало поберечь. Страшно было подумать о том, то мне предстоит еще не один такой день, и даже если мы выберемся отсюда до истечения двух недель «открытого периода», то тут же вернемся обратно.

Утром желание лежать и не шевелиться показалось настолько непобедимым, что поднялся я даже не на чувстве долга, а на чем-то еще более глубинном, привитом самой природой, а не обществом. Первые шаги дались с огромным трудом и болью. Однако вскоре давящий на плечи груз объяснимого нежелания и телесной слабости слегка подрастаял. А потом я и вовсе забыл про него. Не до того было.

Твари, встречавшиеся нам, поражали своим разнообразием. Прежде собиравшийся их мысленно «коллекционировать», я довольно быстро сбился со счета. К каждой нужен был свой подход, и, как правило, схватку вели все остальные, только не я. Лишь однажды, когда на нас налетело что-то мелкое и очень бойкое, метавшееся с такой скоростью, что и разглядеть-то его не было возможности, рефлекторно взмахнул рукой с когтем и вшиб существо в скалу. Достаточно крепко вшиб, тварь трепыхнулась и затихла. Эдакая карикатура на кузнечика – вот что обнаружилось при ближайшем рассмотрении.

Альшер заворчал было, что я испортил прыгуна, и внутри наверняка теперь все в лепешку, и продавать-то будет нечего. Но, убедившись, что все нужные внутренности имеют

вполне товарный вид, успокоился и даже похвалил. Я проглотил похвалу без воодушевления – очевидно же, что мне и здесь просто повезло.

Когда мы спустя неделю выбрались обратно в человеческий мир – буквально на одну ночь, чтоб привести себя в порядок, обновить испорченное оружие и раздобыть припасов на следующий заход, – я подумал, что никогда не смогу отмыть с себя наслоившийся на кожу, ввевшийся в одежду запах демонских тел, их крови и нутра. Не дожусь момента, когда смогу почувствовать себя худо-бедно чистым.

К моему изумлению, обнаружилось, что специально для охотников местные обитатели на скорую руку возвели рядом небольшую баньку, в которой развели пары по первой нашей просьбе. Перед тем как отпустить туда наслаждаться горячей водой, Альшер подвел меня к коллеге-магу, и тот внимательно осмотрел мое бедро.

– Все в порядке, хоть мазь мог бы и дважды наложить.

– И одной порции хватило, зачем дважды?

– Затем, что лучше и быстрее. И надежнее. Ладно, не суть важно, раз все обошлось. – Маг вытащил из поясной сумки коробку и извлек оттуда булавку с граненой головкой. Примерился втыкать в рану. Я рефлексивно отшагнул. – Но-но! Стой спокойней. Больно не будет. – И аккуратно воткнул булавку прямо в тело. Больно было лишь в первый момент, и то не настолько сильно, как можно было ожидать. Потом чувствительность пропала напрочь. – Так не болит?

– Уже нет.

– Хорошо. Значит, заразы никакой не попало. Держи. – Булавку выдернули, а мне вручили крохотный желтый стразик на ниточке. – После бани приложишь к ране, там, где струп пошире. Просто приложишь, он сам прирастет. Потом растворится. Нитку не забудь вынуть, прежде чем прикладывать.

– Что это? – Я недоверчиво рассматривал переливчатый осколок. Ну страз и страз. На такие я насмотрелся на блузках и джинсах девчонок в моем родном мире.

– Лекарство, что... Ладно, пошли, Альшер. Что у вас с добычей на этот раз?

Я же направился в баню, вместе со всеми. Как оказалось, и запах, и ощущение запачканности с ног до головы, которое не отпускало меня на протяжении всего похода в «гармошку», ушло буквально за несколько минут. Чистая одежда, которую предложила нам закутанная по самые глаза девушка, пришлась кстати. Прежде чем одеться, я все-таки, хоть и с опаской, но прилепил к ноге стразик. Тот сразу прирос, словно его на клей посадили, но ни боли, ни других неприятных ощущений не возникло.

– Отлично, – протянул Ниршав, растягиваясь на одеяле с огромной кружкой пива в руках. – Вот за что я люблю эту работу – после похода самые простые удовольствия втрое дороже.

– И деньги, конечно, – подсказал Инсард.

– Деньги само собой. Они в любом деле хороши, хоть ты зарабатываешь плетением поясов, хоть разбиванием морд. Но здесь – особый смак в том, как тратишь их после того, как выберешься из «гармошки».

– Это у тебя нет кучи детей, только одна жена, а то б не говорил так. Плетением поясов не позарабатываешь. С теми деньгами, что там платят, моя семья по миру пойдет. И мне вот все деньги надо до них донести в целости, не прогулять.

– Но свою-то кружечку пива ты после похода цедишь с удовольствием. Разве не так?

– Ну, убедил, убедил...

Они стукнули кружкой об кружку и с удовольствием сунули носы в пену. Угощение – печеные овощи с перченым соусом и куски мяса, пахнущего дымком, – им принесла все та же закутанная девушка. Пугливо покосилась на меня. Кажется, я слишком уж пристально ее разглядывал. Если судить по традициям нашего мира в тех его областях, где женщины прячутся в ткань с ног до головы, смотреть на них не принято, а кое-где и запрещено. Но удержаться

было невозможно. Окутанная тонкими платками гибкая женская фигурка обретала особую таинственность и, как следствие, завлекательность. Невозможно было оторвать глаз, сознание сопротивлялось, жаждало дознаться, рассмотреть во всех подробностях то, что скрыто, и контролировать эту тягу было трудно.

Я устроился на одеяле и плаще поблизости от разбитого местными шатра, у жаровни, на которой жарились обещанные нашему капитану рыбыны – такие огромные, что их головы и хвосты свешивались с решетки. Ароматный дымок время от времени сползал в мою сторону – он меня не раздражал. На этот раз слабость была приятная и не оковывающая – хорошо лежать вот так, растянувшись на мягком, прихлебывать слабое пиво, заедать его чем придется. А заодно развлекать себя, наблюдая, как из «гармошки» выходят уставшие группы, как отдохнувшие обратно туда заходят, как разгружают огромную подводу с провизией, пришедшую из ближайшего села.

Крестьяне действовали умно – здесь они не продавали охотникам свои услуги и свои припасы прямо, а как бы угощали от широты души, разумеется, охотно принимая предлагаемые им время от времени деньги. Охотники не скупилась – поскупившись, а потом останешься без заботы, которая так нужна изможденному походом человеку, только-только выбравшемуся на белый свет из клоаки демонического мира. Старались и местные. Своими усилиями они без труда и без риска (которого требовала, к примеру, поездка с товаром на дальнюю ярмарку) обеспечивали себя живыми деньгами на добрый квартал.

– Ну, что скажешь? – спросил у меня Ниршав, устраиваясь рядом со своей порцией угощения. – Как впечатления?

– Даже не знаю, что сказать, – промычал я. – Но готов пробовать дальше.

– Уже хорошо.

– Кстати, на этот раз я чувствую себя намного лучше, чем в прежний. Быстро адаптируюсь.

– Не обольщайся. Тебя же маг лечил, так? Отсюда и лучшее самочувствие. Он ведь не каждый раз будет тебя поддерживать.

– Серт! – окликнул меня Альшер, и я в этот момент глубоко посочувствовал нашему капитану. Мы, в отличие от него, успели привести себя в порядок и теперь расслаблялись. Он же до сих пор улаживал какие-то дела, и уж наверняка не в пользу одного себя. Но и всех. – Тебе как предпочтительно – рассчитаться сейчас или когда все, по окончании сезона?

– В смысле – рассчитаться?

– Чтоб я тебе твою долю денег сразу отдал или потом?

– Чем я такой особенный? Потом, когда и всем.

– Ну что ж... Учти, завтра выступаем на рассвете. Так что не слишком-то наливайся пивом.

– Да куда там.

– И дай-ка мне взглянуть на твою аптечку. Ты показывал, я помню. Раз уж все равно идешь в арьергарде, то давай-ка я твою аптечку дополню, будешь помогать ребятам, если что. Пользоваться научу, разумеется. Только будь экономнее, все это средства очень дорогие.

Я, не возражая, потянулся к сумке и, поскольку аптечка лежала на самом дне, просто вывернул все содержимое на одеяло. Так и так потом все укладывать заново. Звения, следом за фонариком на свет божий выкатились и дареные золотые браслеты.

Альшер уставился на них с таким видом, словно на их месте вот-вот готова была материализоваться какая-нибудь из тех демонических тварей, что наседали на нас в «гармошке».

– Это что? – осведомился он, ткнув пальцем.

– Как что? Браслеты.

– Откуда они у тебя?

– Ну откуда они у меня могут взяться? Получил на играх.

- На больших играх?
- На ежегодных, – поправил я, припомнив градацию гладиаторских действий.
- От самого императора?
- Разумеется. Ну, не из собственных рук, конечно.
- Ого! – воскликнул Ниршав, приподнимаясь на локте. Он смотрел на меня ошеломленно.
- Что ж ты молчал-то? – перебил капитан.
- О чем? О гладиаторском прошлом я сказал. О наградах? А какое они имеют отношение к ремеслу охотника?
- К ремеслу никакого, конечно. Однако ж... Позволь поддержать? – Альшер принял браслет из моих рук с таким без малого благоговейным видом, что мне стало не по себе. Все-таки чего-то я в местной жизни не понимаю. – Мда... Но это ж в корне меняет дело.
- В каком смысле?
- Но он мне не ответил, осторожно вернул браслет и заспешил прочь. Я перевел вопрошающий взгляд на Ниршава, но тот тоже не спешил ничего мне объяснять, смотрел улыбочиво, с таким видом, словно объяснять тут, собственно, было нечего, а мой вопрос – лишь свидетельство то ли рисовки, то ли подлинной запредельной скромности.
- И я решил не задавать вопросов слишком уж настойчиво. Рано или поздно все равно все станет ясно. А чрезмерная моя непонятливость может вызвать подозрения.

Глава 8

Обличья демонических миров

Второй заход в «гармошку» оказался не менее удачным, чем предыдущий, и не менее тяжелым. На этот раз нам попадались и уже знакомые мне, и совсем новые твари – каждый раз мне приходилось либо гадать о том, как расправляться с тем или иным существом, либо столкнуться и смотреть, как справляются другие. Попались нам и три гусеницы, с последней мне удалось повторить давешний прием, позволивший распотрошить демона с его же собственной помощью и понять, как именно это надо делать. Альшер одобрительно хмыкнул, помогая мне подняться.

– Очень позитивно, – заметил он. – Что, может, еще одну тварь подождем?

– Они уже звереть начинают, – буркнул Сайну.

– Как, Серг, думаешь – получится у тебя еще разок?

– Кто ж может это знать, – отозвался я, пытаясь песком счистить с рук кровь вскрытой гусеницы. – Как повезет.

Посоветовавшись, охотники решили не рисковать и убрались с облюбованного места прочь от гусениц, почуявших возможную энергетическую добычу.

– Ничего, – пропыхтел Ниршав, помогая мне тащить те вещи, что потяжелее. – Через годик освоишься со своим приемом, и будем так охотиться: мы загоняем, ты – р-раз! – брюхо им вспарываешь. И с выгодой продаем яд сразу в огромных количествах.

– Если в огромных количествах продавать, то цены упадут, – возразил я. Шагалось с трудом – нога еще побаливала.

– Ну, это уж не наша забота. Пусть капитан думает, как все это сбыть, чтоб к общей выгоде и вообще.

– Лучше освоить методы, как тритона забивать по-быстрому, без потерь и не повредив шкуру, – проворчал Альшер. – Вот тогда действительно будет огромный и стабильный доход. Но это ж все мечты.

– А магией этих тритонов не могут добывать? – спросил я.

– Нет. Они любую магию экранируют, частично жрут. Еще и крепнут. Маг и глазом моргнуть не успеет, как на обед попадет. Не в буквальном смысле, конечно. Никакой магии в охоте на тритона применять нельзя. Уязвимое место, по сути, всего одно и хорошо скрыто. А из одной твари два dospeshka получаются – один первосортный и один похуже. Эти dospeshki по много тысяч полулун стоят. Им износу нет, ни оружие, ни магия их не берет. Можешь себе представить.

– Угу... Но ведь их добывает кто-то.

– Добывают. Иногда. Многие брони, материал на который добывался в «гармошках», оплачен кровью. Чему тут удивляться – штука дорогая, всегда найдутся охотники рискнуть. Нам не случалось убивать тритона.

– И тебе тоже? Но ты ведь знаешь, куда и как надо бить.

– Я тогда в другой команде был, еще совсем юнцом. Была встреча с тритоном, я весь бой видел своими глазами и потом еще с капитаном, который и нанес удар, разговаривал об этом. Все знаю из первых рук.

Мы выбирались из «гармошки» по совершенно пустым ущельям. До нас тут прошло немало команд, и искать здесь демонов было бесполезно, разве их иссыхающие останки. Но мы все-таки были настороже, потому что любая случайность не невозможна, а лишь маловероятна, и любая пакость может таиться в скальных складках, дожидаясь своего часа. Иной раз под конец периода редких демонов ловили и на выходе из «гармошки», хотя, казалось бы, тут

прошло никак не меньше двух десятков разных команд. Как ускользнули? Хотя, правды ради, следовало отметить, что подобное случалось скорее как исключение.

Нас, как и других охотников, встречали на выходе с размахом и истинным деревенским хлебосольством. Теперь здесь торчал не один шатер, а целых три, жаровен, на которых жарились мясо и рыба, было поставлено много, чтоб угощения на всех хватило. Видимо, приурочивая к окончанию сезона, крестьяне резали по деревням скот и теперь имели возможность попотчевать гостей-охотников пирогами и похлебкой с требухой, мясом всех видов и сортов и даже вареными колбасками. Здесь же в давно сложенной, а в этот сезон подновленной глиняной печи женщины пекли хлеб и лепешки. Подводы везли пиво и квасы бочонок за бочонком.

Впрочем, охотники здесь только переводили дух и собирались, чтоб отправляться дальше: кто в город, продавать добытые в «гармошке» ингредиенты, кто по ближайшим селам, по постоянным дворам – отдыхать и пить, кто домой. Альшер, дав своей команде перевести дух и утолить голод, объяснил мне:

– Мы обычно живем дня три-четыре на постоялом дворе близ озерной деревни, здесь, недалеко. Потом Инсард и Сайну едут к себе, провести семью. А остальные отправляются в Оклий, где будет следующий сезон, и там уже отдыхают. В этот период ни я, ни Ниршав к женам не ездим, в следующий раз их навещаем. Как собираешься поступать? С нами или куда-то отправишься отдыхать в одиночестве? К себе домой?

– У меня нет дома. Я с вами. К тому же неплохо было бы познакомиться получше.

– Хорошо. Давайте, седлайте коней, едем. Серт, в седле удержишься?

– Постараюсь. – Чувствовал я себя намного хуже, чем в прошлый раз, после вмешательства мага, но все же лучше, чем впервые.

– Ниршав, проследи, как он оседлает коня. А то замучает животное ни за грош.

Посмеялись. Уже оседлав с подсказками и помощью коллеги своего (а вернее сказать – одолженного) коня и поднявшись в седло, я вдруг разглядел неподалеку от нас Имрала и его ребят. Напрягся. Неожидаемость показалась мне настораживающей и опасной для душевного равновесия, хотя какая, к черту, неожиданность?! Естественно, они еще тут, ведь сезон заканчивается только сегодня.

Моего бывшего капитана углядел и Альшер. Распрямился, рассматривая собрата по профессии, а потом вдруг окликнул его:

– Эй, Имрал!

– Что такое? – суховато, но вежливо ответил тот.

– Поговорить надо. Дело к тебе.

– Что за дело?

– Насколько я знаю, ты одному из моих людей должен деньги. Имрал скользнул по мне взглядом и ответил не сразу.

– С чего бы?

– Он говорит, ты ему не додал долю.

– Разве? Он в моей команде учился. И, как понимаю, многому научился, раз ты его уже теперь своим человеком считаешь и полностью принял в долю. На сколько наработал, столько я ему и заплатил.

– По общему правилу и уговору все, добытое в «гармошке», делится поровну, за вычетом той дополнительной доли, что полагается капитану на общие нужды. Никто никогда от этого правила не отступает. И если соглашается брать новичка, то соглашается и на выплату ему всего положенного.

– Мы с ним это не оговаривали.

– Ты, думаю, ни с кем из своих это специально не оговаривал. Однако платишь. А этому почему нет?

– А почему тебя это волнует?

– Считаешь, с бывшим императорским бойцом стоит крутить и хитрить?

Лицо Имрала, до того равнодушное и невозмутимое, изменило выражение на более естественное, что ли.

– С чего ты взял?

– Я не взял. Я знаю.

– Он мне этого не говорил.

– Я теперь тебе говорю. И, думаю, если ты сейчас отдашь моему человеку то, что не додал ему, мы решим этот вопрос к общему удовольствию. – И Альшер обвел рукой соседские команды, собиравшиеся в путь, отдохавшие или только-только выбравшиеся на поляну перед ущельем. Я обнаружил, что большинство присутствующих внимательно прислушиваются к диалогу. Здесь и крылось, похоже, самое уязвимое место в позиции моего бывшего капитана. Если «общественность» сочтет его поступок неподобающим, репутация будет подмочена публично.

– Хорошо. – И, отвернувшись, Имрал полез в седельную сумку.

Альшер подошел поближе, помедлив, подозвал меня.

– Серт, иди сюда. Можешь не слезать с седла, а то намучаешь коня, пока обратно влезешь. – Я не сразу сдвинул с места лошадь – мне эта премудрость пока давалась так себе. Совсем рядом с собой увидел Иллаша, удивленного и смущенного, и строгого, отлично держащего себя в руках Имрала, который протягивал мне деньги. Полулуны. – Посмотри. Здесь все?

– Как понимаю, да. – Я плохо представлял себе, сколько тогда было заработано. Но то, что сейчас было мне вручено, уже больше походило на добрый заработок на три месяца вперед.

– Тогда всё. – Альшер поднял руку в приветственном жесте. – Удачи, Имрал.

– Удачи, Альшер, тебе и твоим ребятам.

Сказано было вполне искренне. Направляя коня в обратную сторону, а потом и следом за остальными в направлении поселка у озера, я недоумевал. Казалось бы, бывшего моего капитана выставили не в самом красивом свете, заставили раскошелиться, все такое. Однако злобы в нем не было. Фиг их поймет. С привычной меркой к местным не подойдешь.

– Это тебе, знаешь ли, урок, – сказал Ниршав. – Браслеты эти надо носить не в сумке. Надевать хотя бы тогда, когда идешь в новую команду устраиваться.

– Хм...

– Иначе откуда тем, кто тебя первый раз видит, знать, на что ты способен и чего стоишь? Надо снисходить к другим. Понимать, что они мысли и прошлое твое читать не умеют.

– Хватит, – одернул Альшер. – Закружи тему. Значит, сейчас вы – на постоялый двор. А я тогда – к нашему магу. Посмотрим, что там по деньгам получается. А потом кто в Оклий...

– А кто и к жене. – На лице Инсарда появилось злорадное выражение. – То-то обрадуется.

– Тебе или деньгам?

– Деньгам-то всяко, а вот мне... Посмотрим-посмотрим...

«Чудесна и разнообразна чужая жизнь», – подумал я. Полученные от Имрала деньги приятно оттягивали карман. В любом человеческом мире лучше с деньгами, чем без них. Судя по весу, сумма должна быть немалая.

Несмотря на все воодушевление, на постоялом дворе я буквально свалился с седла, не смог даже доползти до общей залы, рухнул на охапку сена прямо у конюшни. Состояние мое выглядело настолько серьезным, что Альшер, вернувшийся сюда с магом, попросил его убедиться, что нет никаких магических повреждений.

Маг задумчиво осмотрел меня. Накапал несколько капель какого-то вещества в кружку с водой и дал мне выпить. От пронзительного вкуса аниса меня перекосило, но уже через минуту дикая запредельная слабость отступила, сменившись обычной, вполне переносимой слабостью, с которой вполне можно жить. Я без посторонней помощи поднялся и добрался до общей

залы, пристроился в уголке на лавке, не отказался даже от подушки, которую мне предложила служанка.

– Странно, – сказал маг. – Такое впечатление, что ты с магическим фоном раньше не сталкивался. Реакция резкая. Для первого раза более или менее нормально, но для второго-третьего – уже как-то слишком.

– Я с магией раньше почти не сталкивался. Никогда ничему не учился в этом направлении.

– Да это не столь важно. Но наш мир напоен магией, с ней сталкиваешься поневоле.

– Там, где я жил, магия не в ходу.

– В глубинке? – чародей бдительно рассматривал меня. – Ну, может быть...

Приятно было расслабиться после многодневного напряжения, понимая к тому же, что в ближайших планах стоит не такой же точно изнурительный поход, а хотя бы одна-две недели хорошего отдыха. Отходя от приступа не то что слабости, а полного бессилия, я с удовольствием вслушивался в разговоры охотников (прочего народа тут практически и не было), в обсуждения того, кто с какими тварями встретился, сколько чего добыл и почему сейчас железы серпики и яд гуски. Все это были вопросы насущные, профессиональные и, как я считал те, что теперь, несомненно, должны были интересовать меня.

Стол перед нами быстро оброс тарелками и подносами, а заодно и кружками. Служанки даже не задавали вопросов – и так было понятно, за чем сюда стремились группы охотников. Друг с другом мы, деля между собой угощение, почти не разговаривали. Отдыхали.

А потом, к вечеру уже, к нашему столу подошел и Альшер. Довольный. С размаху приземлился на скамью и грохнул по столешнице кожаным мешком, который показался мне просто огромным.

– Ну что! – возгласил он. – Все неплохо. Очень и очень неплохо. Все сразу было продано, нет необходимости ждать здесь два-три дня, как мы собирались. Цены сейчас хорошие, ничуть не снизились – из-за «гармошки» в Киалаше.

– А что там?

– А там, Серт, в прошлый сезон не открылся проход, так что добычи, естественно, не было. Поэтому сейчас разбирают все, как горячие пирожки.

– И часто такое бывает, что проход не открывается?

– Бывает. Нечасто, но бывает. Значит, давайте к приятному. Поднимаемся наверх. Эй, Шима, рыбу и закуску ко мне в комнату. И пиво!

– Сделаю, – пообещала пышнотелая служанка, с потрясающей ловкостью лавировавшая между столами и сидящими людьми, да еще и с огромными подносами. Мечтательная улыбка не сползала с ее лица – кажется, она мысленно подсчитывает доход, полученный за время охотничьего сезона, и уже предвкушает те дорогие вещи, которыми обзаведется на эти деньги.

Мы поднялись в комнату – она оказалась хоть и небольшой, но довольно уютной, на кровати было постелено чистое белое постельное белье, стол накрыт скатертью, на лавке, тянувшейся вдоль всей стены, смогли разместиться все мы. Ниршав и Сайну перетаскивали стол и поставили его поудобнее, и Альшер с удовольствием высыпал прямо на скатерть содержимое мешка. Изрядную грудку денег – полулуны, луны (среднего достоинства монеты из сплава золота и серебра), золотые диски, жерновки и серпики, а заодно и чешуйки (мелкие серебряные монеты). Все вперемешку.

– Итак. – Альшер отделил небольшое количество денег. – Это мы отдаем на обновление магических лечебных средств. Это – моя обычная доля. Это – в общий котел. – Охотники в ответ загудели согласно, и я понял, что происходящее – обычная командная традиция. Возражать мне и так бы не пришлось в голову, в чужой дом со своими привычками не приходят. Скорее было интересно, как у них тут вообще принято делить деньги. – Что у нас еще было из общих расходов? Упряжь чинили. Вроде больше ничего.

– Мне покупали лошадь, – подсказал я.

– Ну, мы не тебе покупали, а для общего пользования. Мой тебе совет – поезди еще какое-то время на ней, привыкни. А потом купи сразу хорошего, бойкого. Пока же ты с бойким не сладишь, только испортишь. Этот расход я учел. Что ж... Оставшееся делим поровну. Возражения есть?

– Какие возражения, – протянул Инсард, алчно разглядывая кучку денег.

– Тогда делим на шесть частей. – Капитан быстро раскидал оставшиеся монеты по кучкам, соблюдая соответствие их стоимости относительно друг друга. Придвинул к себе одну из получившихся кучек. Ниршав, Инсард, Сайну и Манджуд, самый молчаливый из группы, разобрали другие. Мне капитан придвинул оставшуюся. – Ну что?

– Еду с вами в Оклий, если не возражаете, – сказал я.

– Никто не возражает.

Путешествие получилось довольно приятное и нисколько не обременительное. К своему изумлению, я обнаружил, что здесь тоже имеется аналог пассажирского транспорта и регулярного транспортного сообщения между городами и областями. Альшер показал мне огромный дилижанс размером с автобус, в который было впряжено чешуйчатое драконоподобное существо вроде того, на котором мне случалось ездить в бытность мою гладиатором. Лошадей путников заставляли подняться на платформу с оградкой, прицепленную к дилижансу, и там они спокойно ехали под присмотром опытного конюха. Стоило это сравнительно недорого.

Стоянки делались у больших постоялых дворов – все-таки дилижансом такого типа пользовались обычно люди довольно-таки обеспеченные. На постоялых дворах можно было снять на ночь комнату или перекантоваться в общей. Нам после сравнительно удачного похода не было необходимости жаться, и мы снимали большую комнату. Спали на положенных между двумя скамьями досках, застеленных толстыми матрасами и самым настоящим постельным бельем, сытно ели и умеренно пили.

До нужного города мы добрались всего-то за трое суток. Оклий оказался довольно крупным красивым городком меж двух крупных озер. Здесь было в меру шумно, в меру многолюдно, и в вариантах прожитья недостатка не возникало. Альшер снял для нас всех две большие комнаты в доме, принадлежащем семейству цехового ремесленника, столовались мы когда у хозяев, а когда в одном из городских трактиров, где на круг получалось дороже, но зато веселее, и можно услышать последние новости. В этом мире, где еще не были толком изобретены средства массовой информации, обыватели обходились таким вот образом, а еще по-гречески (и по-римски, надо признать) расписывали новостями стены некоторых городских зданий. Например, городской управы.

До начала сезона оставалось меньше месяца.

К немалому своему удивлению, я узнал, что здесь хватает книжных лавок, где можно обзавестись книгами по любой тематике, в том числе и о «гармошках», и о демонах.

– Умеешь читать? – уточнил капитан, услышав мою просьбу о помощи.

– Учусь.

– Тогда надо покупать книжку из простых, специально для учения. Хочешь учиться на труде по демонографии? Но это деньги выброшенные, ты ж не сможешь... Ладно, смотри сам, твои ж кровные.

И он помог мне приобрести соответствующий том – с довольно удачными натуралистическими иллюстрациями, с четкой вязью букв. Оценив качество нанесения текста, я сделал вывод, что свой первопечатник у них тут уже потрудился. Тем лучше. Местная письменность еще не была для меня настолько понятна, чтоб бегло схватывать смысл, но уже что-то брезжило. Однако это «что-то» сильно могло затуманить не очень аккуратное переписывание вручную.

Притулившись у окошка комнаты, я старательно разбирал текст страница за страницей, все реже сверяясь со схемкой соответствия, которую построил себе для удобства. Рассматривал миниатюры и радовался про себя, что описание демонов построено на нормальном человеческом языке, а не на каком-то особом литературном, который от разговорного отличается как день и ночь.

Нашел и статью, посвященную твари, которую мои коллеги именовали тритоном. На тритона существо было похоже мало и хвост имело довольно-таки тонкий, хоть и плоский. К тому же, как можно было понять из пояснений, демон способен был произвольно убирать его и высовывать в нужный момент. Судя по картинке, передвигался он на четырех лапах (впрочем, количество лап тоже варьировалось в зависимости от желаний твари) и был покрыт броней с ног до... Видимо, до условной головы. Этой части тела в ярко выраженной форме у него не имелось.

– И где тут бить? – уточнил я у Альшера, подсовывая ему картинку.

– Вот сюда. – Он ткнул в неведомую точку грязным ногтем.

– Э-э...

– Ну да, с ходу и не разберешь, куда именно. Оно и на самом деле так. Ни фига не видно, как там примериться.

– Хм...

– Тритоны не так уж часто встречаются. На них редко натыкаются. И еще реже убивают. Брони из их пластин не то что на вес полулун – намного дороже.

– А почему их называют тритонами?

– Если увидишь когда-нибудь эту тварь в реальности, поймешь, почему. Повадки сходны. Если, конечно, ты знаешь повадки тритона.

– Не, не знаю.

– Ну даешь! – восхитился капитан и, откинувшись на подушку, задремал.

Охотники вообще много спали, и я старался сам находить для себя занятие – тренировки или верховая езда, в которой мои успехи пока оставляли желать лучшего. По жаре это было нелегко, но приходилось подгонять себя и подбадривать, что – увы! – теперь уж такова моя жизнь, ничего с этим не поделаешь, и чем раньше привыкну, тем быстрее заживу по-человечески. И потом зверски потел под злым здешним солнцем, а заодно заставлял потеть коня: седлал, катался, расседлывал, вытирал, кормил-поил – и вновь начинал сначала.

Все вместе мы редко выходили на улицы Оклия, разве что по общим охотничьим делам, что-то купить или посмотреть, встретиться с магом, привезшим астрологическую карту, с другой командой, что-то хотевшей сообщить Альшеру по поводу днесвенской «гармошки» – той, куда он собирался с командой направиться в следующем сезоне. Лето становилось все жарче, солнце палило от души и уже без роздыху. Здесь и раньше-то не приходилось жаловаться на холод, в тех широтах, где я вынужден был гладиаторствовать, оказалось явно теплее, чем в средней полосе той же России, а уж теперь если и хотелось жаловаться, так только на зной.

Как я понял из пояснений новых товарищей, это еще не предел. Будет намного жарче.

– Да ладно, – успокоил меня Ниршав. – Самое жаркое время мы поневоле пересидим в «гармошке». Там жарко не бывает.

– А зимы в этих краях случаются?

– А как же! Льет целыми днями.

– Так тут зимой что – период дождей?

– Естественно. А ты чего хотел?

Я озадаченно замолчал. Получалось, что после магического перехода я оказался не в «своей» климатической полосе. Почему-то раньше мне это в голову не приходило, хоть и удивляла местная жара. Но я-то думал, что у них лето такое, а это оказалась весна. Блин!

– И что – сильно жарко бывает?

– Бывает. А ты что – с севера, что ли?

– Вроде того.

– Ого! А правда, что там вода замерзает и становится как хрусталь?

– Правда. И зимой с неба сыпется холодный пух. Который тает и превращается в воду. Снег называется. Все правда. Мамой клянусь.

Посмеялись оба.

После полудня и почти до вечера жизнь в городе практически замирала, уходила в недра каменных и потому хранивших прохладу домов. Только ближе к закату, когда дышать становилось чуть-чуть легче, торговцы снова вытаскивали свои прилавки и товар, раскладывали завлекательно, увлеченно торговались – наверстывали упущенное. Время от времени, устав от чтения, я выглядывал наружу поглазеть на проходящих мимо людей – мне постепенно становились чуть понятнее признаки тех или иных классов, тех или иных профессий.

Многое из того, что местные постепенно усваивали с детства, я вынужден был теперь изучать поспешно, при этом тщательно утаивая от окружающих собственное незнание. О слишком многих мне не известных вещах окружающие говорили как о чем-то понимаемом по умолчанию. Увы – здесь могла помочь только школа притворства. И я старался прятать свое недоумение при общих обсуждениях, когда слышал о чем-то непонятном, упоминаемом как общеизвестное. Все придет, решил я, не надо торопиться.

По вечерам хозяева дома, где мы жили, поднимались на крышу, где, овеваемые ветерком, не без приятности проводили вечер. Почти так же приятно можно было провести время в любом из приличных трактиров города – тоже на крыше, в окружении развлекающегося народа, когда любясь на танцы или театрализованные представления, когда слушая пение и игру профессиональных музыкантов. Или просто слушать разговоры. Иная болтовня оказывалась поинтереснее чтения, потому что полезнее в плане информации о местной жизни.

Я ощущал себя ребенком, только-только родившимся на свет и уже брошенным без поддержки. Мало какой опыт, полученный мною за годы жизни в родном мире, мог пригодиться здесь. Кроме разве что боевого.

Медленно приближалось время сезона. В Оклий явился маг (я так и не узнал, как его зовут), привез очередную порцию карт, над которыми и толковал с Альшером за кружечкой холодного – из подвальной кладовой – пива.

– Ну, раз они бухтеть вместе начали, значит, скоро, – вздохнул Сайну, косясь на эту парочку. Из своего родного городка он вернулся буквально накануне, и видно было по повадкам и выражению лица – уже мысленно готовится к следующему походу. – Пора идти пересматривать снаряжение. У тебя, Серт, кстати, не все есть.

– Согласен. Обзаведусь. Особенно если мне кто-нибудь поможет.

– Вопросов нет, сегодня же вечером пройдемся по лавкам.

– А что – разве здешняя «гармошка» открывается не в какое-то определенное время?

– «Гармошки» разные. Некоторые – в какое-то время, некоторые – в зависимости от конфигурации. Местная и та, что в Киалаше, – самые капризные. Но зато в здешних добыча побогаче.

– А твари при этом опаснее?

– Это да. – Охотник мечтательно усмехнулся, словно вспоминая что-то приятное. – Но без риска в нашем деле нельзя. Я б не отказался на этот раз встретить сипуху, к примеру, или шумелку. Возни с ними много, зато с этой мерзости разом можно получить до сотни полулун. А меня тут жена, понимаешь, обрадовала. Прибавлением в семействе.

– Э, поздравляю! – воскликнул Ниршав.

– Поздравь лучше мой кошелек. Она ждет троих – так сказала повитуха. А значит, придется не только лекарю-магу платить, но и нанимать дополнительную прислугу.

– Зато отмучаетесь разом, и уже трое наследников будет. Чем плохо?

– Хорошо, если парни. А если девки? Представь, сколько им трем нужно будет приданого.
– Дело житейское, – вставил, подойдя, Альшер. – Заработаешь еще на все на свете. «Гармошка», кстати, открывается через три дня.

– Как раз Инсард успеет приехать.

– Без него бы не пошли, само собой.

Оживление охватило команду, и я понял, что все они занимаются охотой отнюдь не только ради денег. Увлеченность, которую они сейчас демонстрировали, была далеко не только меркантильной.

Ничего удивительного. Без искренней заинтересованности в процессе, а не только в результате, свихнуться можно после первой же пары сезонов.

В лавках, рассчитанных в том числе и на охотников всех мастей, Сайну и Ниршав помогли мне подобрать необходимое, по их мнению, снаряжение. Я не спорил – ребята опытные. И пусть тот ремень с кольцами и ячейками стоит золотой жерновок – довольно увесистую монету очень высокого достоинства, подешевле, чем полулуна и золотой диск, но значительно дороже других разновидностей монет. Пусть изогнутый ножик с блестящим лезвием, которого нельзя было касаться незащищенной рукой, потому что порезаться можно было совершенно незаметно и очень глубоко, тянет на полулуну. Подумаешь, дорого! Если ребята утверждают, что штука нужна, значит, не жалко денег.

К счастью, последних у меня пока было достаточно. От Имрала я получил очень крупную сумму.

– Чему ты удивляешься? – ответил мне, удивленному, Альшер. – Ты говорил, вы добыли искру. Так?

– Добыли, да.

– Искра – очень дорогая штука. Их, особенно высококачественные, встраивают в источники магической энергии. Ничего удивительного. Штуки дорогие. Коня-то будешь покупать?

Поколебавшись, я предпочел все-таки обзавестись собственной лошадью. Конька мне выбирали всей командой, приметив подходящего с их точки зрения, спорили добрых полчаса, осматривая животное и доведя его буквально до нервной дрожи. Впрочем, дебаты покупателей продавец перенес спокойно и понимающе – выбранный конь был не из дешевых.

Приближался первый день сезона.

Мы стронулись с места накануне – до «гармошки» еще нужно было добраться.

– Все как и в предыдущий раз, – объяснял мне Ниршав. – Там, у входа, всегда полно народу торчит, в том числе и местные. Продают охотникам припасы, напитки, следят за лошадьми и прочее. Вещи могут на хранение взять. Им за это всегда монетка-другая перепадает. А в селах лишняя монетка – это огромный прибыль. Это значит, что налог можно деньгами заплатить.

– А не все равно, деньгами или продукцией?

– Брось, конечно, не все равно. Деньги – они деньги и есть. В деревне они очень дороги, их тут бывает мало. От скупщиков, разве что, или с дальних ярмарок (потому что на ближних не столько деньги в ходу, сколько мена). Но скупщики берут зерно и поделки по бросовым ценам, пуд за медяху, сам понимаешь, им свою поездку хочется по-настоящему оправдать. И налоги рассчитываются по тому же принципу. Это значит, на налог надо отдать добрую половину урожая, и хватит ли – неизвестно. А везти самому продавать товар на дальние ярмарки – опасно, могут ограбить, к тому же надолго хозяйство без присмотра не оставишь. Хозяйство без мужских рук миглом нищает. Так что для крестьян охотники, которые привозят с собой живую деньгу, – надежда на безбедную жизнь.

– Их можно понять. – Я впервые задумался о том, как жили наши предки. Наверное, так же. Наверное, и они были бы рады, если бы им какие-нибудь искатели приключений привозили,

считай, прямо к порогу возможность разжиться настоящими деньгами, и скакали бы перед этими искателями на задних лапках.

– А то ж!

Инсард догнал нас уже на пути к «гармошке» – востропанный, словно бы помятый, но довольный. Приветственно взмахнул рукой и пристроился рядом с Манджудом, как всегда увлеченно молчавшим.

– Ну, как у тебя с семьей? – весело окликнул его Ниршав.

– Да как всегда. – Охотник глянул диковато и оживленно. – Обожаю смотреть, как она мне кружку подносит, а у самой в глазах: «Когда ж ты сдохнешь-то?!»

– Что в этом хорошего? – проворчал Сайну.

– Когда она злится, живая становится, бойкая. И днем, и по ночам. Жизнь какая-то и в глазах, и в жестах. Когда ей все равно было – как рыба снулая, как кусок желе. Прикоснуться противно. Ей-богу, равнодушие хуже, чем ненависть. От равнодушия жизнь опротивеет, а так хоть какая-то встряска.

– Ну нет. Если бы я в доме не чувствовал уюта и покоя, то зачем такой дом вообще нужен?

– Это уж как повезет. Теперь отправить ее обратно к родителям – мой кошелек такой траты не выдержит. И получится, опять же, что я ей отпускную за свои же деньги даю: гуляй, мол, с кем хочешь? Нет, так не пойдет. Будет жить со мной и радоваться.

Я с любопытством покосился на Инсарда, но задавать вопросы на тему чужой супружеской жизни было немыслимо. Одно было ясно еще и без всяких размышлений: чужая жизнь – это такие дебри, в которые нос лучше не совать, иначе голову оторвет.

...И в самом деле, у леска, за которым, как мне объяснили, начиналось ущелье, подобное тому, в которое мы входили в прошлый раз, был разбит настоящий лагерь. Шатры здесь стояли более скудные и не цветастые, крытые простым серым грубым холстом, просалившимся к тому же до полной непромокаемости. Но народу оказалось даже больше, чем на предыдущем месте. Похоже, сюда стянулось по представителю от каждой семьи в округе – здесь предлагали и свежую дичь-рыбу, и сухари, и другие припасы долговременного хранения, бурдюки, фляги, седельные сумы и толстые уютные одеяла, в которых не замерзнешь даже зимой. Сейчас же по ночам стояла такая жара, что хотелось спать нагишом.

Мы расположились в стороне, Альшер ушел совещаться с чародеем, снова замаячившим на горизонте, а я в который раз, усевшись неподалеку от костра, разожженного под большим котлом с чем-то вкусным, слушал наставления спутников. О демонах они могли рассказывать подолгу, изрядно дополняя то, что я прочел в книге. Теперь книгу собирался оставлять здесь, со многими другими вещами. Обживаясь в этом мире, но при этом не имея дома, где можно было оставить часть поклажи, я уже нагрузился чересчур большим грузом. С таким не пускаются в опасный поход.

Нас накормили словно на убой – жирным мясным супом наподобие щей, только без картошки, но зато почему-то с абрикосовым перченым соусом, и кашей с кусочками ветчины и сыра. К местной специфической кухне я уже начинал привыкать. Некоторые блюда и сейчас шокировали меня, но некоторые... Некоторые очень радовали. Например, я начал находить вкус в многообразных соусах, которые здесь готовили буквально из всего и добавляли в свою очередь буквально во все, что только можно. Даже в хлеб.

Раннее утро порадовало разве что терпимой жарой, которую даже кони готовы были терпеть. Пастух в оборванной рубахе и с трехметровым плетеным кнутом на поясе заверил, что на неделю заберет коньков на высокогорное пастбище, где им будет хорошо, получил за это монету и откланялся с восторженным видом. Неужели даже пастухи в этих краях были озабочены проблемой уплаты податей? Веселая у них тут жизнь.

Зевая, я проверил все оружие и снаряжение, в том числе и непривычное, купленное только теперь. Лес, который нам предстояло пересечь пешком, показался мне слишком уж

сумрачным, недобрым. Густой туман заволакивал стволы – ему предстояло рассеяться меньше, чем через полчаса, под напором приближающегося дня, но пока он держался и словно бы намекал, что в глубине могут скрываться такие твари, что в секунду разорвут и не икнут.

– Здесь уже магия ощущается, – пояснил мне Сайну, хмуро шевеля бровями. – Ты должен ощущать. Сейчас «гармошка» будет вздыхать – тоже не сахар по ощущениям.

– Она перед открытием вздыхает?

– Угум...

Воздух напрягся, завибрировала тишина, напряженная, словно перед бурей. Это напоминало небольшое землетрясение – земля вдруг вынырнула из-под ног, но тут же вернулась обратно, чувствительно ударив по пяткам. Лес расступился, открывая поросшие травой, кустами и густым мхом скалы и узкий проход между ними. Даже не столько ущелье, сколько пещера.

На ее пороге уже ждала одна команда, с капитаном которой Альшер вежливо раскланялся.

– На какой уровень идете? – спросил он.

– На десятый надеемся спуститься. Но уж как получится.

– Удачи вам!

– И вам не пропасть! – Чужой капитан взмахнул рукой, потом дал знак своим, и команда втянулась в подземелье.

– Ждем полчаса, – прокомментировал Альшер. – Нам везет, пойдем сразу за глубинной командой. Значит, встреч по пути будет немного.

– На какой уровень-то идем? – ворчливо уточнил Сайну.

– На шестой.

– Как думаешь, будет там профит? Мне сейчас неплохо бы зашибить деньгу. Сам знаешь, почему.

– Знаю. Не волнуйся. Будет профит.

Мы топтались на небольшом пятачке у скал. Туман, напозавший из глубин лесополосы, вдруг втянулся туда, словно по жесту фокусника, а потом осел на землю мгновенно высохшей росой. К нам притопала еще одна команда и расположилась поблизости, под деревьями, дозевывать и доедать завтрак. Им предстояло торчать здесь несколько больше получаса.

– Пошли, – кивнул капитан, и мы углубились в пещеру, правда, быстро сменившуюся вполне классическим ущельем.

Несколько мелких тварей, попавшихся нам на пути, были прикончены без особых проблем, правда, и взять с них оказалось особо нечего. Чуть позднее, на пятом уровне, куда мы попали по ошибке, выяснившейся довольно быстро, столкнулись с новым демоном, которого я раньше не видел «в деле», но про которого читал.

Сухое, поджарое переплетение костей, жил и костяных подвижных гребней, в которых и не разобрать-то толком, что к чему, – вот как он выглядел. На рисунке это все выглядело невразумительно, здесь же – наглядно и очевидно. Опасность такой твари определялась ее скоростью, однако даже с медленно бегающей могли возникнуть серьезные проблемы. Охотники расправились с ней без моей помощи, и чуть позже Альшер похвалил меня, что я не полез в сшибку с тварью, о которой практически ничего не знаю.

Позднее ситуация повторилась с еще одним существом, не менее опасным и более мерзким на вид. Я прыгал за спиной у спутников и лишь пару раз умудрился вмешаться – отражал атаки, которые они могли пропустить. Бой закончился благополучно – слизистую тварь разделили и даже извлекли из нее что-то очень ценное. Сайну приободрился, заулыбался, что было ему несвойственно.

– Переходим на шестой, – скомандовал капитан, сверившись с картами, и у меня возникло ощущение, что вот с этой-то фразы спокойная жизнь у нас закончится.

Однако, споря с предчувствием, путешествие наше по ущелью, а потом и по узкому скальному коридору на нужный уровень оказалось спокойным. В крохотной долинке, где мы оказались, выбравшись из прохода, было пустынно, лишь вдали на фоне темно-серого неба реяли какие-то тени, похожие на флаги или водоросли, играющие с течением... Не флаги, конечно, откуда они здесь. Про летучих демонов я тоже кое-что читал. Твари еще те...

Полдня мы прочесывали долинку – сперва с огромной осторожностью, потом все бойчее, все увереннее.

– Странно, – бормотал Альшер. – Придется выходить за пределы «гармошки». Иначе уйдем несолоно хлебавши. Кто за риск?

– А что остается-то? – после недолгого молчания отозвался Сайну и, судя по тому, что остальные ответили одобряющим гулом, высказал общее мнение. Я тоже что-то погудел в ответ – мне было все равно. В этой ситуации я даже был рад, что знаю слишком мало, – не представлял, чего следует бояться.

К выходу на просторы демонического мира готовились основательно – часть вещей оставили просто в проходе, в том числе и припасы (все равно на время отдыха предполагалось возвращаться обратно), еще раз основательно проверили оружие и снаряжение, все ремешки. Настроение было такое, словно предстояло идти в прорыв без всякой поддержки, и это мне не понравилось особенно. Я с сомнением покосился на спокойного, как кладбищенская плита, Альшера, на Ниршава, который обычно не прочь поболтать. Грузить их своими предчувствиями? Да у кого в такой ситуации не было бы предчувствий?

За пределами долинки, как оказалось, было очень трудно дышать. Не запах, не дым, не что-то подобное – просто трудно. Пространство тонуло в дымке, сквозь нее читались изгибистые очертания высохших деревьев... А может, вовсе и не деревьев – кто их знает. Под ногами похлупывала грязевая жижа. Иногда, впрочем, шло и по-сухому, но все равно неприятно.

– Не дальше, чем на несколько сотен шагов от выхода, – глухо заметил капитан.

– И несколько-то сотен слишком, – вставил Манджуд. – Опасно.

– Это да. Давайте-ка вот тут подождем.

Я протер глаза – дымка становилась все гуще.

– Это из-за магического фона, – подсказал Сайну, заметив мои жесты. – Привыкнешь, и перестанет. Промаргивайся, не три глаза. Воспалятся.

– Внимательней! – шикнул Альшер.

Тень, надвинувшаяся на нас из дымки, показалась мне гигантской. Капитан замахал руками, и охотники рассыпались в стороны, давая тени место. Я отпрыгнул следом за всеми, готовя меч. Но тот не понадобился. Существо перло как танк, и точно так же, как танк игнорирует кусты и лужи, проигнорировало нас. Оно проползло мимо нас на приличной скорости и пропало в дымке, а я остался стоять, приоткрыв рот и недоумевая – что это такое?

Следом налетела целая стайка сравнительно мелких существ – ну как мелких, размером с крупную ворону, – и охотники кинулись прятаться за камни, чтоб хоть спиной прижаться, чтоб хоть что-нибудь противопоставить страстному желанию тварей вцепиться себе в шею сзади, в загривок, доклеваться до вен.

Я и сам не запомнил, как совладал со своей, – бил практически вслепую, на инстинкте, но правый «коготь» не меньше трех раз (по ощущениям – довольно удачно) вонзался в тело, и в конечном итоге для меня все закончилось лишь парой глубоких царапин на локте. Ну, может быть, даже довольно глубоких, однако все-таки царапин, не более.

– Обработайся, – с трудом перехватывая дыхание, велел мне Альшер. – Маховые перья выдергиваем, те, что получше! Они по жерновку пара идут.

– Главное – довести в целости.

– В том и смысл, что они вполне довозятся. И на стрелах оперение потом годами менять не надо. А писать – вообще вечно можно. На то она и шустра.

«Еще одно название в мою копилку, – подумал я. – В книге-то эти существа обозначены по-другому. Видимо, по-научному».

Выдирали перья и заворачивали их в плащ Сайну – он оказался пожестче других. Потом отбивались от следующей партии – и снова почти без последствий. Хотя локоть я намазал тщательно, и перевязали мне его именно так, как надо, рука болела и, кажется, распухла.

– Этого на хороший куш не хватит, – критично проворчал Сайну, разглядывая груды маховых перьев.

– Да и мы тут пока еще всего два дня, – одернул его Альшер. – Все будет. Помнишь свой прием, а, Серт? Сейчас уже время гусок начинается.

– Вроде помню.

– Ты давай, не теряйся, вспоминай. Вишь, Сайну о профите волнуется.

Посмеялись. За смехом чуть не пропустили момент, когда надо было ховаться от длинной подвижной «ленты», прошуршавшей песком буквально в нескольких шагах. Она была весьма агрессивна и сильна, но воспринимала цель только в непосредственной близости от себя – это мне пояснили шепотом, чтоб не удивлялся. Нет, предыдущий агрессивным не был. Он вообще охотников не воспринял, но придавить мог запросто. Как обвал или лавина, например.

– Так, ребята, готовимся к приему гуски, – шепотом рявкнул капитан. Никто, собственно, и не собирался зевать. С чего Альшер решил, что придет именно гусеница, мы все не представляли, но раз сказал, значит, откуда-то знает. Да и какая разница, что за тварь появится. Все равно же драться...

Земля завибрировала слегка, словно танцует. По песку пошли волны – легкие и игривые. «Точно гусеница», – подумал я. Пыль винтом вошла в воздух и насытила его собой, следом рванулось тело – упругое, темное... И, кажется, не принадлежащее гусенице. Я отпрыгнул на рефлекс, остальные рванули за мной.

– Это не гуска! – заорал Ниршав.

Впрочем, и все остальные уже успели это разобрать, правда, я не сразу сообразил, что же вместо гусеницы решило навестить нас.

– Тритон, е-мое! – взвыл Альшер и пошел боком, как краб, размахивая мечом. Скоро стало понятно, почему, – существо, по недоразумению названное тритоном, махнуло в его сторону конечностью. Судя по всему, отразить этот удар было немыслимо, но смягчить его мечом и благополучно разрулить это дело, отлетев спиной в груды песка – возможно.

– Вот тебе твой профит! – гаркнул Манджуд. – Накаркал!

– Молчать, свиньи! Нечем больше заняться?!

Я был в этом полностью согласен с капитаном. Вскочил сам, схватился за меч, но первый же удар гибкой подвижной лапой вышиб у меня оружие и спасибо, что не запястье из сустава. Пришлось опрокинуться на песок и перекатиться, чтоб не напороться на более печальные последствия. Теперь я понял, почему его называют тритоном – он действительно напоминал это земноводное, когда двигался. Особенно хвост, который метался так стремительно, что, размывшись в воздухе, казался широким и плоским.

Тварь кинулась на Манджуда гибко и упруго, как резиновый мячик. Он отмахнулся и откатился – в его движениях чувствовались выучка и опыт. Полнейшее спокойствие делало его действия выверенными, и если бы не острейшая необходимость действовать, я залюбовался бы этим боем. Но было не до любования. Воспользовавшись тем, что тритон заинтересовался одним охотником, капитан рванул к загивку твари, видимо, в надежде разом покончить со сшибкой.

Его хитрость не оправдалась. Существо извернулось с легкостью, отпрыгнуло и кинулось на Альшера. Все это произошло с такой быстротой, что едва ли кто-то успел бы что-нибудь предпринять. Опыт сказался – капитана отнесло в сторону всего лишь с распоротой левой рукой. На тварь накинудись все скопом, и я в том числе, на этот раз предпочтя обойтись без

меча. Толку-то от него с существом, которое одним взмахом избавляет меня от длинного клинкового оружия?

При следующем столкновении с лапой существа мне показалось, что я врезался в каменную стену. Трудно было поверить, что такая мощь и такая твердость может быть у животного. Впрочем, что я знал о демонах? Двигался тритон с потрясающей скоростью – он вполне успевал уделить внимание каждому из охотников, насевших на него. Насевших с осторожностью, надо признать. Толку-то прижиматься к твари, обладающей самым твердым панцирем во вселенной и всего одним-единственным уязвимым местом... Которое на настоящий момент было закрыто.

Меня осенило, словно молния ударила в макушку. Если существо неуязвимо в своем обычном положении, надо вынудить его занять необычное. Так римляне разделились с македонской фалангой – об этом нам очень образно и интересно рассказывал офицер. Я, помнится, его слушал, потому что это было интересней, чем спать, а большинство моих сослуживцев спали, потому что сон для них казался важнее, чем самый увлекательный рассказ.

– На камни! Отманим его на камни! – крикнул я и тут же споткнулся. Хватило ума откатиться в сторону, и далеко – тритон промчался мимо меня, преследуя Ниршава.

– На камни! – подтвердил мои слова капитан.

«Ни фиги себе оно носится», – подумал я. А потом подивился тому, что Альшер до сих пор на ногах. Половина его тела была залита кровью, казалось, что он в крови с головы до ног, и в теле человека просто не может быть столько. Однако ж вот, держится вертикально и даже скачет. Кстати, очень бойко скачет, наш инструктор одобрил бы. Я, правда, тоже так умею... Когда у меня не помяты ребра. Видимо, тварюга все-таки успела меня слегка зацепить. Вскользь, поэтому без раны. Поэтому я до сих пор не сплюснен в лепешку.

Я не видел ничего и никого, кроме тритона, мечущегося по валунам от Ниршава к Сайну и обратно. Потом тварь подалась ко мне – досталось хвостом, но слегка. Это просто был шлепок по бедру, и я изумился, обнаружив, что обрывки одежды на ноге залиты кровью. Адреналин бурлил в венах, не давая времени и сил почувствовать боль – мощи тела хватало только на огромное, запредельное напряжение боя с нечеловечески могучим и быстрым противником. Напряжение из тех, что длятся недолго, заставляют совершить невозможное и потом надолго оставляют без крупинки сил.

Мелькнуло искаженное лицо Ниршава, его оскаленные желтые зубы, нечистое дыхание изо рта на миг заставило подумать о чем-то еще, кроме демона. Потом мне в лицо брызнуло что-то, то ли слюзя «дичи», то ли кровь... Впрочем, какая дичь?! Это мы у нее – добыча. Это он с нами сделает все, что захочет. Я откатился за камень, спасаясь от очередного взмаха когтистой лапы, и швырнул в тварь булыжником. Приличным таким, в обычном состоянии не сразу бы и поднял его. А тут...

Камень ударил точно в надхвостье, туда, куда я мечтал попасть, но не надеялся. Ноль реакции. Вернее, нет. Была одна – тритон развернулся в мою сторону и рыбкой нырнул за тот валун, за которым я искал для себя укрытия. Наклонив плоскую то ли голову, то ли плечо, выполняющее обязанности головы как раз на то место, откуда я только что спасся диким рывком...

В полуметре от тритона возник Альшер. Я сперва даже не понял, что это он – ничего человеческого не осталось ни в фигуре, ни в позе, ни в лице, одно только средоточие намерения убить и выжить в этой схватке. Миг – он стоит – миг! – его меч воткнут куда-то под пластину, куда, казалось, и волосину не вставишь. Впрочем, не в том я был состоянии, чтоб присматриваться. Да и видеть из положения лежа ничего не мог.

Меня только и хватило, что откатиться еще дальше, попасть во впадину меж камней. Жизнь мне спасло то, что в предсмертной ярости тритон рванул не туда, где я лежал, а просто вперед. Мимо меня и мимо Альшера, отброшенного в другую сторону сильнейшей отдачей.

Через миг все стихло, и, царапая пальцами камень, запорошенный песком, я с третьего раза сумел встать. Утвердился вертикально. Нога немела и не давала себя переставлять – адреналиновое берсеркерство отступало.

Альшер лежал в нескольких шагах от меня – он уже начинал шевелиться. Приподнял голову, посмотрел на меня, скаля от боли зубы.

– Мази достань, – прохрипел он. – И повязки с пропиткой. Не фиг жалеть.

– Да уж. Какое там жалеть. – Я негнушиться пальцами подволок ближе сумку, вытряхнул ее на песок. Распотрошил аптечку и первым делом приложил к бедру край полотняного отреза, который полагалось нарезать на лоскутки и накладывать на кровоточащие места. Как я понял, это был магический аналог гемолитической губки. Не до церемоний – если я истеку кровью, Альшеру будет труднее справиться с перевязкой.

Оглянувшись, пока обматывал себе бедро. Окрестности тонули в густой дымке, которую к тому же густо разбавило пылью, щедро напитавшей собой воздух. Пылевая взвесь не спешила оседать. Даже тело тритона, все еще подрагивающее время от времени, можно было разглядеть с трудом. Никого из спутников я не видел. Все, конечно, возможно, но уж по крайней мере в вертикальном положении ни один из них не находился, или же просто стоял слишком далеко.

Перевязав Альшера, я сунул ему в зубы горлышко баклаги с водой. Капитан сделал несколько жадных, захлебывающихся глотков.

– Посмотри, что там остальные, – выдавил он. – И тритон... Сдох?

– Уже почти. Задними конечностями еще дергает.

– Это неважно. Не ушел. Значит, сдох. Падла...

Прихрамывая, я прошелся по песку, как выяснилось, много где отмеченному черными пятнами.

Ниршав лежал на камнях шагах в пяти от нас с Альшером. Даже нагнуться к нему, чтоб проверить, не дышит ли, было бессмысленно – тварь разможила ему голову, от шеи осталось несколько ошметков. Сайну замер в неестественной позе метрах в трех поодаль. Я коснулся его, попытался нащупать пульс. Без шансов – с раздавленной грудной клеткой не живут. Возникло впечатление, что тритон приземлился на него одной из задних лап. Да и передней, наверное, хватило бы.

Инсард еще дышал – в распоротом животе и развороченной груди было видно, как дрожат легкие и трепещет сердце. Длилось это недолго – я не успел даже дойти до него. Пульсация замерла, и стало ясно – тут не поможет даже развернутая, полностью оснащенная операционная с бригадой врачей. Которой к тому же в «гармошке» не имеется.

Манджуда я отыскал лишь через пару минут – быстро ходить не получалось. Охотник валялся на песке, растерзанный в клочья. Я не барышня, повидал в жизни всякое, побывал гладиатором, но здесь мне стало нехорошо. Возможно, сказался адреналиновый отходняк. Тошнота, головокружение – все это мне очень не понравилось. Я сел прямо на песок, где стоял, спиной к ошметкам тела, и с минуту приходил в себя, следя, чтоб не хлопнуться в обморок.

Потом вроде отдышался, но тут осознал, что сижу на песке, пропитанном кровью настолько густо, что в окружающем полумраке поверхность кажется черной, глянцевой и монолитной. Меня наконец вывернуло, и тут же полегчало, словно вместе с утренним перекусом я выплюнул из себя и впечатления – если их можно так назвать. Поднялся и вернулся к Альшеру, уже почти не хромая. Нога болела, но по сравнению с тем, как досталось четверым моим товарищам, это – полная ерунда.

– Они мертвы, – холодно сообщил я Альшеру.

Тот потихоньку оклемывался – уже сидел. Мотал головой и наворачивал себе повязки на мелких ссадинах – видимо, на всякий случай, а может, просто в состоянии шока. Он поднял на меня невидящие глаза и прищурился.

– Уверен? Потрогал пульс, дыхание искал?

– Нечего там искать. Двое раздавлены, Инсард распорот, а Манджуд вообще в клочья. Хочешь посмотреть?

– Придется. – Кряхтя, капитан поднялся. – Мне в любом случае их родственникам придется об этом рассказывать. Возможно, что и в подробностях.

Он обошел все четыре тела, сопя, постоял над тем, что осталось от Манджуда. Отыскал в песке и ошметках тела затоптанный медальон.

– Это надо будет вернуть его родственникам. Семейная реликвия. Талисман. – Хмыкнул и, завернув в лоскуток, спрятал за поясом. – Идем. Тебе придется помочь мне снимать с тритона шкуру. Иначе через пару часов пластины от тела вообще нельзя будет отодрать. Так что надо обязательно успеть. Не зря же они умерли.

И, когда работа уже была начата, а я, успев изрезать пальцы о края пластин, догадался обмотать руки обрывками запасной рубашки, сумрачно изрек:

– Я с ними больше десяти лет вместе ходил. Гулял на свадьбе Инсарда, потом Сайну. За жену Ниршава всей командой выкуп собирали. Мы жизни друг другу сотни раз спасали, а вот... Вот так все закончилось.

– Ты давно охотишься на демонов?

– Очень давно. Больше пятнадцати лет. Мне уже говорили, что охотники столько не живут. Но, как видишь, я исключение. Кстати, в начале моей карьеры мне как-то довелось потаскать при себе искру. Три дня. Как и тебе... Давай-ка поторопимся. Иначе сейчас сюда сбегутся гуски, и не дай бог, еще один тритон. Второго мы точно не переживем. Даже несмотря на нашу удачу.

Глава 9

Одинокая игра

Мы выбрались с шестого уровня почти без приключений (так, пара мелких демонов, с которыми Альшер справился бы и сам, не будь ему необходима помощь банально в том, чтоб держаться вертикально), но зато почти ползком – волочь пришлось вещи всех шестерых, а заодно добычу. В этом вопросе капитан практически прекратившей свое существование группы был непреклонен – раз семьи охотников лишились кормильцев, они хотя бы должны сполна получить деньги.

И в этом я не мог с ним спорить. Даже если бы не помнил про беременную жену Сайну, супруг Инсарда и Ниршава, их семьи. Помимо жен у них ведь тоже много кто имеется. Это только я один как перст, остальные-то кормили кучу ртов. Которые теперь навсегда остались без привычного источника дохода. Вряд ли «последняя получка» возместит им потерю, но это лучше, чем развести руками и сказать: «Извините, ребята, вот только “заработок” пришлось бросить».

И я волок на себе эту невыносимую тяжесть, которая заставляла меня при каждом шаге вспоминать о ране и царапинах, полученных до того, поминать всевозможных матерей и разнообразных тварей. Волок с упорством, которого никогда не нашел бы в себе ради собственного обогащения. Не стоили деньги таких усилий – пыхтя под тяжестью нескольких мешков, я считал именно так. Чувство долга оказалось в этой ситуации чуть сильнее. Иначе хоть один, но я бы все-таки сбросил.

На самом верхнем уровне Альшер рухнул лицом вниз.

– Можно немножко передохнуть, – прохрипел он. – Здесь все вытоптано, так что... – Я со стоном свалился рядом. – Ну-ну, немного осталось.

– Последние шаги даются труднее.

– Поклажу осталось тащить всего каких-то три-четыре сотни шагов. Ты уже протащил больше.

– Ага, и тебя в придачу.

– Может, когда-нибудь я скажу тебе за это «спасибо». Жаль, что сейчас у меня на это нет сил. И желания. Пока нет.

И мы продолжили путь к выходу, спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу и волоча за собой неподъемную тяжесть. На спутника я совершенно не обиделся – ни за отсутствие благодарности, ни за комментарий. Может, потому что уже не совсем осознавал, что происходит со мной, и тащился вперед на автомате? Когда кто-то перехватил у меня часть вещей, а потом и все, я даже не сразу осознал это. Когда же осознал, обнаружил, что мы уже вышли за пределы ущелья, что рядом – ребята из какой-то другой охотничьей группы, расхватывавшие наши сумки и узлы с добычей.

Они смотрели на нас напряженно и вопрошающе.

– Вы вошли в «гармошку» вшестером, – произнес их капитан, как только убедился, что мой взгляд и взгляд Альшера вполне осмысленно сконцентрирован на его персоне.

– Мы вошли в «гармошку» вшестером, – прохрипел в ответ Альшер. – Вышли вдвоем. Пусть те, кто покинул нас и спустился туда, откуда не возвращаются, не будут в обиде на выживших.

– Эй, пива сюда! – крикнул чужой капитан, оборачиваясь. За спинами его ребят (команда была большая, то ли на восемь, то ли на девять человек) кто-то нервно засуетился.

– Если сейчас выпью пива, то отключусь, – сказал я, пытаюсь усмехнуться, но провалился с этой затеей. Наверное, и к лучшему.

– Само собой. Традиция есть традиция, – ответил мне кто-то из охотников. – Отключись – донесем тебя до шатров. Не беспокойся.

Возникла мысль: не попрут ли нашу добычу. Я сам удивился этой заботе о будущем доходе, хотя сейчас меня едва держали ноги. Но мысль, трепыхнувшись, пропала. Было не до того. Наконец-то принесли две большие кружки с пенными шапками – их оказалось трудно держать, и кто-то из охотников подпер мне правую руку, чтоб я справился.

– Ну что, – выдавил из себя Альшер. Его тоже поддерживали. – Пусть за гранью им будет хорошо и спокойно. Инсард. – Капитан слегка сплеснул пива на землю и посмотрел на меня выжидательно.

– Ниршав, – назвал я и проделал то же самое.

– Сайну.

– Манджуд.

– Вспомним их имена каждый вечер, пока не умрет луна. Они были хорошими охотниками и добрыми друзьями. Вот так. – Альшер с трудом допил содержимое кружки, я сделал то же самое.

Сразу слабость ударила в ноги, голова повисла, шея словно бы стала тряпочной. Меня оттащили к шатрам и дали отлежаться на одеяле. Потом я уже вполне самостоятельно дополз до бани. Другие охотники отговаривали меня, убеждали, что горячая вода и пар пойдут во вред – я упорствовал. И действительно, после обстоятельного мытья ощутил короткий прилив сил.

– Вот что значит северянин, – сказал мне парень, сидевший на моем одеяле рядом с грудой вещей. Он немедленно отступил в сторонку, стоило мне подойти, и уселся уже просто на траву. Рядом. – Я слышал, что для северян главное – согреться и помыться. И тогда силы неизвестно откуда берутся. Просто удивительно.

– Дело не в северной родине. А в привычке. – Я ворошил пальцами мокрые волосы. Нога болела приступами, но терпимо. – Ты меня ждал, что ли? Какое-то дело?

– Не совсем. – Он обвел рукой груды сумок и узлов. – Присматриваю за вашим скарбом. Крестьян тут много. И людей случайных – тоже. Не ровен час, пропадет что. Позор будет на всех группах.

– С чего это?

– Странный вопрос. Если мы не будем беречь добычу друг друга... Особенно в таких ситуациях, как у вас, когда две трети группы легло. В общем, охотнику и так не на кого больше положиться, кроме как на другого охотника. Если нет и этой уверенности, то на что ж вообще полагаться?

– На семью? – предположил я.

Мне ответили снисходительным взглядом.

– Жена может предать. Товарищ не предаст никогда. Иначе ему придется менять сферу деятельности. Причем очень круто. Да еще и бегать всю жизнь.

Я усмехнулся и улегся на одеяло. Пролежать пришлось всего ничего – надо мной наклонился маг. Тот самый, который работал с Альшером.

– Ну-ка повернись, – скомандовал он. – Покажи рану. Чем обрабатывал? Хорошо, молодец. Так, вот это выпьешь, когда отступит хмель, вот этим будешь мазать. – Он вручил мне крохотный флакончик, который мог бы поместиться на ногте моего большого пальца. – И дай-ка. – Он вытащил коробку, извлек стразик вроде того, который я уже однажды использовал, только другого цвета. – Сейчас. Ты уже помылся? Отлично. – Блескучая крупинка была ловко прилеплена на струп. – Ну что ж... – Чародей несколько минут рассматривал меня с пониманием. – Держись, парень. Друзья гибнут, это трудно пережить, но надо.

Он поспешил уйти – может быть, ждал какой-нибудь не совсем адекватной реакции? Я лишь проводил его взглядом. Мне было даже стыдно оттого, что слишком мало знал погибших и почти не испытывал горечи, осознавая, что их больше нет. Вот разве что Ниршав... С Нир-

шавом приятно было поболтать, он мне нравился. Он стал для меня кем-то вроде гида в этой новой жизни – теперь его нет. А я есть.

Гибель остальных – увы! – меня не цепляла. Слишком многое навалилось разом. Еще и эта усталость... Усталость, которую я хлебал полной ложкой после каждого выхода из «гармошки». До момента, когда можно будет выпить магическое зелье и избавиться от мерзких ощущений, должна пройти еще как минимум пара часов. Черт бы подрал эти традиции напиваться в память погибших прямо на выходе.

– Мда. – Мне почему-то захотелось поговорить.

– Тебе принести чего-нибудь? Еды?

– Неплохо бы... Альшер сказал, что мы с ним оба начали свою карьеру с того, что потаскали при себе искру. Потому и выжили теперь.

– Ерунда, – помолчав, ответил парень. – Полная ерунда. Искр очень много добывается. Многие таскают их при себе. Если бы охотники, поносившие их, выживали, не было бы столько смертей. Искра не дает удачи – только здоровье. И то лишь относительное. Я знаю трех человек, которые носили искру при себе, а потом вскоре погибли. Альшер – один из самых опытных охотников, которых я знаю. Чему же удивляться, что он выжил. А тебе... Ну да, тебе просто повезло. Новичкам часто везет. Иначе бы откуда брались опытные охотники?

И, усмехнувшись, отправился к кострам, притащил оттуда огромную деревянную миску супа с мясом, овощами и яблочно-клюквенным соусом. Принявшись наворачивать суп, я осознал, насколько проголодался – последние сутки лишь пару раз кидал себе в рот куски зачерствелой лепешки и жевал вяленое мясо. Опустошив миску, я плюнул на легкие остатки хмеля, к тому же стушевавшиеся после плотного обеда, и выпил оставленное мне зелье.

Не прошло и пары минут, как мне полегчало.

Через часок, прихрамывая и кособочась, сюда же добрался Альшер и рухнул рядом.

– Ну что? Поедем? – невесело спросил он.

– Поедем, да. В Оклий?

– Да. Нам тут с тобой дают дополнительных лошадей – ну, чтоб довезти добычу до города. Мастеров скоро известят о том, что убит тритон, будет аукцион. А мы пока с тобой поживем на каком-нибудь постоялом дворе, подождем. Мгновенно такие дела не делаются.

– Почему?

– Ну как, почему. Потому что такие деньги ни один мастер вот так просто из кармана не сможет вынуть. Поехали. Нам обоим надо немного расслабиться, забыться. Как думаешь?

– Запереться в комнате и пить? Не очень привлекает. Но обещаю проследить за тем, чтоб ты не потратил все деньги, не выпал в окно и не наделал дел.

– Насчет денег – это не проблема, я всегда останавливаюсь на той сумме, которую себе определил, даже если упыюсь в усмерть. Но насчет всего остального – очень рассчитываю на тебя.

Альшер действительно насел на спиртное, едва успел переступить порог первого же постоялого двора в Оклии, до которого мы добрались. На него смотрели с пониманием, служанки наперебой тащили ему закуску и выпивку. Одной из них я сразу вручил золотой жерновок, и она заверила меня, что этого хватит на угощение гостя на несколько дней, чтоб я не волновался, все будет в лучшем виде. Комнату, которую здесь нам могли предоставить, мигом снабдили и свежим бельем, и всем, что необходимо.

Я повалился на постель и проспал больше суток. Встав, обнаружил, что капитан нашей команды, так трагично прекратившей свое существование, пить не прекращал. Вернее, он отключался несколько раз на несколько часов (о чем мне обстоятельно доложила служанка), потом снова приходил в себя и продолжал истреблять запасы спиртного. Нет-нет, об оплате я могу не беспокоиться. Нет, уплаченные деньги еще не истрачены. Она все помнит, все считает.

К тому же, по указанию хозяина, клиент, уплачивающий такую сумму вперед, имеет право на угощение от заведения, скидки и обширный кредит. Если понадобится, конечно.

Мне показалось, будто Альшер пребывает в состоянии совершенной ясности мыслей и чувств – он не мог сконцентрировать на мне зрение, с трудом владел языком, но при этом четко и понятно дал мне понять, что осознает происходящее. Все в порядке, он выпьет еще с десяток кружек и даст отвести себя в комнату. Закуска тоже не помешает.

– Кстати, отличные клецки! – возгласил он, запуская пальцы в салат с колбасками.

Я уселся рядом с ним – дожидаться своей очереди. Когда он в очередной раз упился и отвалился назад, словно клещ, насосавшийся крови, уволок его наверх и уложил в постель, постаравшись сделать так, чтоб голова лежала точно над тазиком.

В принципе же бывший капитан охотничьей группы оказался довольно сносным соседом по комнате. Не считая того, что он пил и время от времени ночью поднимался на постели со словами «Я в порядке», чтоб потом свалиться обратно. Приключений с выпивкой хватило на неделю, после чего Альшер резко взял себя в руки, решительно отставил предложенную ему кружку пива и, умывшись, куда-то ушел.

Вернулся он только через день. Заглянул в комнату, где я валялся, блаженно расслабленный, с кружкой сидра, с ломтиками сильно перченой ветчины, и, приподняв бровь, уточнил:

– Как насчет заняться делами?

– Охотно.

– Тогда подвинься. – Он просочился в комнату, ногой сдвинул поднос с грязной посудой, снял со стола еще один. – Заносите.

Дверь отодвинулась, и в комнату, тяжело отдуваясь, вошли два молодых парня в серой одежде. Так одевались в этом кастовом мире разнорабочие, представители рабочих профессий – тех, кто таскал, поднимал и чистил. Эти, похоже, были из числа носильщиков. И сейчас они были нагружены каждый двумя большими кожаными мешками. Которые очень аккуратно сгрузили на пол у кровати и, получив по монетке, откланялись.

– Что это?

– Это? – переспросил Альшер, сдергивая со стола скатерть. Вышвырнул ее за дверь и отправил туда же подносы. – Это деньги. Аукцион завершен, и сейчас мы приступим к дележу денег. Их надо будет раскидать на шесть равных кучек. Казны группы больше не будет, поскольку не будет группы. Ну? Будем работать? – И с этими словами он опрокинул содержимое мешка на покрывало. Прямо на кровать.

– Ого! – Вот все, что могло вырваться у меня при виде этого зрелища. – Это все полулуны?

– Именно так.

– Сколько же здесь?

– Очень много. Я ведь говорил тебе, что броня тритона – штука на редкость дорогая и на редкость... редкая. Чрезвычайно дорогая. Сколько здесь, я не интересовался. Это неважно, в конце концов. Важнее честно разделить. – И, раскладывая монеты по кучкам, добавил: – И развезти по адресатам.

Я еще не до конца привык к местным деньгам, и поэтому такое количество полулунов не будило во мне никаких особых ощущений. Будь на их месте такая же груда долларов или евро – кто знает. Сейчас же я просто раскидывал монеты по кучкам, понимая умом, что это – огромная сумма, но не более того. Из своей сумки Альшер вытащил еще два кожаных мешка, таких же объемных, как и четыре предыдущих. Через пару часов деньги были равномерно распределены по мешкам, завязки плотно затянуты.

– Ну что. – Бывший капитан, наклонив голову, осмотрел поклажу. – Теперь мне предстоит ехать к брату, сестрам и жене Ниршава, в большой дом Манджуда близ Светлой Роши, к жене Сайну. Это все по одному маршруту. А тебя хочу попросить добраться до жены Инсарда –

она живет отдельно от прочих родственников, но мы должны отдать деньги именно ей, дальше идут уже чисто их семейные дела. Передашь ей это. – Кивнул на мешок. – И вот это. – Кинул поверх небольшой кошелечек. – Здесь доля Инсарда за все остальное – перья там, коготки, прочее. Вот твоя доля. Я буду ждать тебя в Киалаше. И давай-ка твои деньги тоже возьму с собой, чтоб тебе такую тяжесть впустую не таскать. Для коня два таких мешка – изрядная тягота. А я поеду на денежном дилижансе.

И я понял, что он не до конца мне доверяет. Оно, в общем-то, и понятно – кто я ему? Что он обо мне знал? Мы были знакомы всего ничего, полтора сезона вместе провели. А с другими он ходил в походы уже многие годы. Ему важно было, чтоб деньги дошли до адресата. Я не обижался.

– Что за денежный дилижанс?

– Экипаж сборщиков налогов. Его сопровождают гвардейцы, но пока сбор только начинается, они позволяют за небольшую плату присоединять к своей поклаже другие денежные мешки, чтобы доехать до нужного места в безопасности.

– Хм... И это законно?

– За это до сих пор никто еще не потерял голову. Так что затрудняюсь тебе ответить.

– А не может случиться такого, что в конце пути тебе сообщат, что, мол, не знаем никаких денег, пошел вон, и делят их между собой?

– Нет. Потому что во-первых, охотничье сообщество очень крепко держится друг за друга, и в этой ситуации все причастные к подобной краже долго не проживут. За жизни их близких тоже никто не поручится. Сурово, но такова уж жизнь. А во-вторых, прознав об этом, купцы тоже перестанут обращаться к помощи сборщиков. Хотя бы на время. Сборщики потеряют очень значительный доход. Они ведь возят огромные деньги, получая за это скромное жалованье. Желание добрать к жалованью никогда не иссякнет.

– Вот именно!

– Добрать, но в рамках здравого смысла. Ты же понимаешь!

– Пожалуй. – Я почесал затылок. – Так как мне добратся до поселка, где живет жена Инсарда?

– Объясню в подробностях, конечно. Смотри сюда...

Через день я уже был в пути. Конь мой резво перебирал ногами, хотя нес не только меня, но и мешок, весивший, как оказалось, очень даже изрядно. Я его поднял с трудом и мысленно подивился тем парням в сером, каждый из которых тащил чуть ли не втрое большую ношу. К счастью, мне не предстояло нести это на своих плечах – конь отдувался за нас обоих.

Вдова Инсарда жила в небольшом пригородном поселке – с главной его улицы была видна крепостная стена. Тот, кто строил город Киалаш, не страдал гигантоманией в той мере, в какой ею отличался фортификатор и проектировщик столичных укреплений и императорских твердынь. Все познается в сравнении – эти стены показались мне скромными, хотя возносились на высоту, недостижимую для большинства замков моей родины. Кстати, киалашская крепость, венчавшая собой изрядной высоты гору, скромной не казалась даже издали.

В общем, чужие традиции стеностроения – это чужие традиции. Остается только привыкать к ним.

Дом, который мне указала селянка, выглядел поновее и получше, чем прочие, – аккуратно подметенный двор, вычищенное крыльцо с новенькими досками на ступенях, крепкая крыша... Судя по всему, Инсард прикладывал немало усилий, чтоб дом выглядел достойно. Его жена вносила свою лепту. Она выскочила на мой стук в калитку с таким видом, словно бежала на пожар, – в одном тонком платье, на которые местные женщины обычно накидывали что-то еще. Да, полновата, даже толста. Щеки свисают, как два сальных мешочка, все тело ходит ходуном – заметно даже сквозь ткань.

Женщина посмотрела на меня с испугом, а через время я понял, что смотреть с испугом – это уже привычка. Медленно спустилась с крыльца, цепляясь за балясины, подошла к калитке.

– Ты кто?

– Я Серт. Охотник. Я был в одной команде с твоим мужем.

Она подняла голову и жалко взглянула на меня. Приоткрыла калитку.

– А где он сам?

– Он погиб. Мне очень жаль.

Я, наслушавшись обмолвок Инсарда, ждал вспышки радости в ее глазах или облегчения. Ничего этого не было. Все такой же жалкий взгляд, совершенно не трогательный в красивых глазах настолько некрасивой женщины. Мгновенно выступившие слезы, которые она попыталась скрыть, отвернувшись.

– А что случилось?

– Мы напали на тритона. Такого демона...

– Да, я знаю про них.

– Из всей команды остались только двое. Я и Альшер. – Она стояла отвернувшись, ничего не отвечая. – Ты позволишь мне войти?

– Да, конечно, прости. – Посторонилась, перехватила повод коня и потянула его к конюшне. Я едва успел сдернуть с седла мешок. – Я позабочусь о твоей лошади. Войди в дом.

Внутри оказалось уютно и чисто – выметенные полы, пахнущие свежестью половики, выцветшие от частых стирок покрывала. На выскобленном столе стояло огромное блюдо с выпечкой – может быть, она ждала мужа? Но тот должен был бы приехать только через день или два... После решения всех финансовых вопросов и закрытия сезона.

Она появилась через несколько минут – с ведром воды, поставила его у двери. Принесла мне огромную кружку холодного местного кваса – я вцепился в нее с наслаждением. В такую жару холодный напиток дороже, чем золото. Несмотря на свою чрезвычайную полноту, женщина бойко сновала по кухне. Стол быстро наполнился угощением – нельзя было столько съесть в один присест.

– Значит, его больше нет? – проговорила она, тяжело усаживаясь на скамью.

– Нет.

Отвернувшись, поднося ладонь к лицу. Долго молчала, и я, утолив первый голод, сдвинул блюдо в сторону, чтоб положить на стол мешок.

– Здесь деньги. То, что мы смогли получить за тритона, и вот еще. – Я кинул сверху кошелечек. – За остальное. Как понимаю, здесь большая сумма. Хватит надолго...

Она повернула голову и посмотрела на меня.

– Я не боюсь того, что осталась одна, – заявила женщина твердо и спокойно. Впечатление немного портили покрасневшие от слез глаза. – Семья меня не оставит. Тем более с его деньжищами. – Небрежно кивнула на мешок. Мда, если Инсард не в шутку упирал на ее меркантильность, то он плоховато ее знал. Алчные женщины совсем иначе смотрят на деньги и говорят о них. – Просто... Он так и умер, ненавидя меня?

Женщина смотрела мне в глаза с таким выражением, от которого крыша у нормального мужчины могла поехать вне зависимости от неприглядной внешности дамы. В ее глазах звучало что-то такое, что взывало к самым глубинам мужских чувств. Трудно не отозваться на такую мольбу. И соврать очень трудно – если, конечно, это не твоя женщина. Собственной в подобной ситуации как раз хочется соврать возможно красивее, чтоб отчаяние наконец-то сменилось надеждой.

В конце концов на ситуацию можно ведь взглянуть и под особым углом. Счастье, что об их отношениях я знал слишком мало и мог уверить себя, что мои предположения – истинная правда.

– Он тебя не ненавидел. Поверь мне. Он тебя любил – по-своему, может быть, слишком странно... уродливо. Но любил. Не мог без тебя.

– Ты так думаешь? – Женщина горьковато улыбнулась.

– Уверен. Кому и судить об этом, как не мужчине?

Вздыхнула. Немного успокоилась – это было видно. Потянулась пощупать мешок. Удивленно подняла бровь.

– Так много?

– Да.

– Что ж... Позволь, я уложу тебе с собой в дорогу пирогов. Ты не можешь здесь заночевать, раз Инсард... Раз он не вернулся.

– Понимаю... Спасибо. – Пакет, который я принял от нее, вмещал в себя столько еды, что накормить можно было всю нашу команду, пока она еще пребывала в полном составе.

Я уходил, а она как сидела перед столом на кухне, так и осталась сидеть. И, судя по всему, мешок с деньгами интересовал ее не слишком-то. Коня из конюшни я вывел сам – он успел перекусить и утолить жажду, точно так же, как и я. До Киалаша оставалось всего ничего. А там – постоянный двор, отдых, который нужен мне по-прежнему, несмотря на чародейское зелье и преждевременно оконченный сезон. Интересно, успел ли на место встречи Альшер – ему-то объезжать три места.

Бывший капитан подоспел лишь через пару дней – раздраженный и усталый.

– Ну что? Передал?

– Передал.

– Как она?

– Плачет.

– Хм... Что-нибудь дала тебе с собой?

– А то! – Я, удивленный, выложил на стол сверток.

Капитан развернул его, выбрал себе булочку и с удовольствием вцепился в нее зубами.

– Она всегда делает отличную выпечку. Ни с чем ее не спутаешь.

– Ты меня проверял, что ли?

– А ты разве собирался обманывать? Кстати, вот твои деньги.

– Ладно. – Я усмехнулся про себя. Что тут еще может быть, если не проверка? – А остальные как?

– Ну как тут может быть. – Альшер развел руками. – Жена Сайну только поняла, что тут за дело, – вой подняла. Я оттуда убрался по-быстрому, как только подросла ее мать успокаивать дочку. Не думаю, что та доносит до срока. Как бы еще сама не убилась.

– Она так любила мужа?

– И любила, и вообще... Ну что уж тут. Хоть теперь ни в чем не будет нуждаться. Хоть не нищенкой вернется в родительский дом. Жаль, конечно.

– И что планируешь делать теперь? Набирать новых охотников?

– Какое там, – отмахнулся. – Все, мое время прошло. Хватит с меня. Пятнадцать лет по «гармошкам» – сколько можно испытывать судьбу? Вернусь домой, заведу дело. Жена и ее семья помогут. А ты что собираешься делать, Серт?

– А я так и не понял, мое ли это.

– Собираешься продолжать охотиться?

– Да, пожалуй. Можешь ли посоветовать такую команду, где меня не станут подставлять и нагревать на деньги?

– Ну ты спросишь. – Альшер вскинул голову. – Те команды, которые я знаю, хороши, но нового человека вряд ли возьмут. Даже с моей рекомендацией. Или для того, что ты сказал, – подставить, если вдруг дело запахнет жареным.

– А один я – как считаешь – справлюсь?

Несколько минут охотник рассматривал меня, словно кусок мяса, то ли годный, то ли не годный на планируемое блюдо.

– Одиночкой хочешь попробовать? Ну, смотри. Да, есть охотники-одиночки. Обычно они ходят в такие места, где группой сложно, где надо уметь мимо особо трудных тварей пройти тишком. Там для начала даже опыт не имеет такого значения, более важны сообразительность, ловкость... Удачливость. Попробуй, если хочешь. Куда продавать добычу, всегда узнаешь, а я тебе еще данные нашего мага оставлю. Дерзай!

– Так и поступлю.

Бывший капитан смотрел на меня вдумчиво и строго.

– Думаю, ты отлично понимаешь специфику работы одиночки? Никто не поможет, не подскажет, вся ответственность – только на тебе...

– Полагаешь, я этого не понимаю?

– Понимаешь, конечно. Понимаешь... Что ж – удачи! – Он хлопнул меня по плечу. – Может, еще станешь знаменитым охотником. И – вот, возьми карты. Там все написано, сможешь разобрать, раз грамотный. Все конфигурации расписаны на год вперед – что уж им пропадать. Только на намеченные маршруты не обращай внимания – они рассчитаны именно на нашу группу. Смотри более простые варианты.

– Я себе не враг.

Мы расстались на следующий день. Глядя ему в спину, я думал о том, что вот еще один хороший человек уходит из моей жизни, еще одна страница моей жизни закрыта и вряд ли откроется вновь. Заявило сомнение – а стоит ли рисковать? Но есть ли альтернатива? Сумма, оказавшаяся при мне, очень велика, но на весь мой век не хватит. Наверное, на эти деньги можно купить дом с землей – и что? Заниматься сельским хозяйством? Ха-ха! Их хватило бы, наверное, чтоб, как Альшер, вложить в какой-нибудь бизнес – но о местном бизнесе я не имею ни малейшего представления.

Первые дни жизни в новом мире, глядя на довольно, как мне казалось, примитивный быт, я еще льстил себе надеждами, что человек, обладающий моими знаниями и опытом жизни там, на родине, здесь сможет показать класс любому банкиру, механику, строителю, например. Потом запал несколько схлынул. Мне, вскормленному художественной литературой и кинематографом, оказалось нелегко осознать, что окружающие люди нисколько не глупее меня. Да, они ничего не знают о нашей финансовой системе и банковском деле, о компьютерах, о механизмах... Но точно так же я не знаю ничего о существующих здесь аналогах. А они – знают. Это они в здешних условиях в два счета посадят меня в калошу и оставят без гроша.

Без чешуйки, если точнее.

Накопленный опыт не мог помочь мне превратить мешок полулун в источник стабильного, перекрывающего мои потребности дохода. Что оставалось? Гладиаторствовать – нет, увольте. Принципы есть принципы.

Значит, быть охотником. Опыт, хоть и крошечный, есть. А еще есть рекомендации, написанные Альшером мне в помощь, – к самым известным торговцам демонскими потрохами, к нескольким капитанам охотничьих групп. На крайний случай прибьюсь к какой-нибудь из них новичком «про запас» и буду уповать на удачу. Но лучше было бы обойтись без этого. Еще имелась рекомендация к банкиру, где мне предстояло оставить на хранение свои капиталы.

Я знал, где и когда откроется следующая «гармошка». Это было неподалеку от области Мурмий – карта говорила, что туда можно добраться дилижансом и уже там устроиться на каком-нибудь из постоянных дворов в огромном поселке под названием Торжище – местном центре ярмарок, если я верно понял.

До следующего сезона оставалось чуть больше месяца – хватит времени, чтоб отдохнуть, проверить снаряжение и собраться с духом. Идея казалась мне безумной, но... Но решение стать охотником само по себе выглядело довольно безумным. Однако я справился и даже

приобрел значительную сумму денег. С банкиром мы договорились быстро – обязавшись три месяца не забирать свои средства, я добился договора бесплатного хранения. Банкир понял, что я знаю: он будет ссужать эти деньги тем, кто может быстро вернуть долг. И ему, похоже, нравилось это мое знание.

А мне понравилось, что он со мной честен.

Я оставил себе те деньги, которые можно было назвать довеском к основной части, да и предыдущее не все было истрачено. На месяц хватит с избытком. С этой стороны все в полном порядке. И, кстати, разбирая вещи, я обнаружил, что Альшер не забрал у меня аптечку. Оно и понятно – зачем ему магические кровоостанавливающие и дезинфицирующие средства в мирной жизни? Конечно, он мог бы их продать, но вот последнее явно не занимало его мысли.

Округ Мурмий показался мне убогим. Здесь было мало городов, много деревень и поселков, много лесов. Наверное, именно поэтому в здешних краях в основном жили те, кто кормился от леса, – охотники, углежоги, плотники... И совсем мало землепашцев. Можно было подумать, что в округе не очень-то получается собирать налоги, поэтому чиновники сюда не стремились, и некому было обустраивать свою комфортную жизнь.

Впрочем, постоянные дворы приятно радовали обхождением и сервисом. Нетрудно догадаться, почему, – их хозяева были в округе из числа зажиточных людей именно благодаря посетителям и их деньгам, все благосостояние владельцев и трактирных работников зиждилось на бизнесе, и надо было угождать, чтоб и дальше иметь свой сладкий кусок. Устроившись в комнате при одном из трактиров, я живо навел справки. Да, здесь есть «гармошка», в отличие от большинства растянутая на приличном пространстве и имеющая от трех до шести выходов в зависимости от конфигурации.

– Это хорошо, что в наших краях наконец-то появились охотники-одиночки, – заявил мне цветущий улыбкой трактирщик. – Они обычно заходят вот в тот проход, который недалеко от поляны углежогов. Но уже года два туда никто не заходил. Зато оттуда иногда кое-кто вылезает. Хоть в этом году – слава всем богам! – углежоги будут работать спокойно.

– Э-э... Из того прохода вылезают серьезные твари?

– Не настолько серьезные, чтоб охотники из команд, заходящих и выходящих через другие проходы, не могли с ними справиться между делом. Но достаточно серьезные, чтоб мешать углежогам работать.

– Да? А я считал, что парни, способные до завтрака завалить пару-тройку деревьев и раскряжевать их, а после обеда таскающие тяжеленные мешки с углем, могут пришибить среднестатистическую демоническую тварь одной левой. Или одной дубиной.

– Само собой, но приятно ли работать, держа под рукой дубину и в готовности, что на тебя вот-вот что-нибудь кинется? Это расхолаживает, сбивает с толку. А внимание в их деле – наиважнейшая штука. Того и гляди дерево затянет не туда, кого-нибудь пришибет. Не говоря уж о том, что не дело углежогов заниматься охотой на демонов. Для этого существуют охотники, на худой конец – гвардия. Мы ведь платим налоги. В том числе и на гвардию. А охотники – нет. Каждый должен заниматься своим делом.

И с этим трудно было не согласиться.

С рекомендациями, которые щедро написал мне Альшер, я отправился на тот постоянный двор, где обычно ждали своего времени нужные мне команды. Заведение находилось в опасной близости к «гармошке», поэтому рассчитано было в первую очередь на группы охотников – во всех смыслах. Именно поэтому команды предпочитали останавливаться именно здесь, здесь дожидаться начала сезона, здесь напиваться после него и решать другие проблемы, требующие присутствия коллег по профессии. Достаточно было взглянуть на крытую железом крышу, на сверкающие лакировкой перила, на ковры и отличную глазурованную посуду, на хороших служанок, наконец, чтоб понять – дела у местных хозяев идут отлично.

– Так, понял, – сказал мне капитан одной из охотничьих групп – приземистый немолодой мужик, при этом очень подвижный и жилистый настолько, что казался тощим. – Альшера я помню. Отличный парень. Чего ты от меня-то хочешь? Мне новички не нужны, моя группа сформирована так, чтоб охота была наиболее эффективной.

– Мне нужно обучение.

– Обучение? Хм. – Он потербил губу. – Ладно. Это можно устроить. Мои все равно тренируются. Но ты ведь не ожидаешь, что я буду обучать тебя основам мастерства с самого начала? Даже из уважения к Альшеру и тому, что случилось с его командой.

– Я понимаю. Но не откажусь от любой помощи.

– Ты рискованный парень.

– Даже очень.

– Ладно. – Капитан чужой группы смотрел на меня с вежливой усмешкой. – Мне нравятся такие, как ты. Попробую чему-нибудь научить тебя. А ты покажешь мне карты Альшера и сможешь снять с них копии. И будем в расчете. Идет?

Я лишь развел руками – обмен показался мне равноценным, хотя впереди и маячила перспектива много вечеров провести за копированием изображений и знаков, из которых половина была непонятна. Здешние свечи – те, что получше качеством, – светили немногим хуже, чем лампы, а ведь были еще магические светильники. Так что, пристроившись под одним из таких, я убивал время на вычерчивание линий и значков.

Зато день был наполнен до упора. Капитан этой группы (звали его Гордаш) занимался помимо меня еще с одним молодым охотником из своей группы, который, впрочем, явно знал и умел побольше меня. Так тяжело мне не доставалось никогда, даже в дни подготовки к соревнованиям по самбо – там все было в рамках стремления к моей победе. Здесь заботой о моем благе не пахло. Здесь я мог справляться, мог не справляться – это не интересовало никого, кроме меня же. Гордаш готов был показать и намекнуть, но ему было безразлично, успею ли я усвоить и запомнить.

И это подстегивало сильнее, чем желание добиться успеха, чем стремление к победе когда-то, чем желание заработать кучу денег и стать знаменитым. Сейчас это была жажда жизни, что подгоняла меня суровее, чем любая другая жажда. И здесь уже не было места благоразумию и умеренности. Это нужно тебе – так и рви жилы сам, сам решай, сколько и чего тебе нужно. Никого не интересует твоя судьба, кроме тебя самого.

Я уже почти привык к этому ощущению.

Гордаш вбивал в меня приемы, которые не были похожи ни на что, ранее мною осваиваемое. Неважно, какое оружие использовал охотник – менялись лишь незначительные детали. Основной принцип оставался незымлемым. И я, до тошноты отрабатывая шесть этих основных приемов, понимал, что пока играть и экспериментировать с ними нельзя – надо сперва вдолбить их в подкорку, чтоб тело само проделывало каждое из них в точности. А потом уже разнообразить их приемами из самбо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.